НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ,

собранныя

А. Н. Аѳанасьевымъ.

Изданіе Н. Щепкина и К. Солдатенкова.

Цѣна 1 руб. сер

МОСКВА:
Въ типографіи В. Грачева и Комп.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 4 дня 1859 года.

Ценсоръ *Д. Наумовъ.*

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ еще цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе *легендъ*. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія: и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятыя юными новообращенными племенами, должны были найдти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ повѣствованій: такое заимствованіе событій и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныхъ книгъ и отчасти отразившійся въ

народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный, духовный; пѣсня обратилась въ *стихъ*, сказка въ *легенду*. Само собою разумѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заимствованный матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи доисторической и которыя повидимому такъ противуположны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не укажетъ несостоятельности подобной связи. Такъ возникли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія; такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ съ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ угодниковъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому хотя простолюдинъ смотритъ на легенду, какъ на что-то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится иногда библейской оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа, въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давнопрошедшаго времени, когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный дѣйствительнымъ смѣшеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ *двоевѣрнымъ*.

Если они и уцѣлѣли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторые яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все-таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ миѳовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыхъ, христіанскихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по-старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ и волею, и касаясь событій, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ сказаній тѣ, которыя намъ извѣстны:

а) *Собака* первоначально была создана голою; но чортъ, желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. *Мышь* прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; *ужъ* затыкаетъ эту дыру своей головою. (Смотри легенду о Ноѣ праведномъ.)

b) Въ старину незапамятную рожь была не такая, какъ теперь: снизу солома, а на макушкѣ колосокъ; тогда отъ корня до самаго верху все былъ колосъ. Разъ показалось бабамъ тяжело жать, и давай онѣ бранить Божій хлѣбъ. Одна говоритъ: «чтобъ ты пропала, окаянная рожь!» Другая: «чтобъ тебѣ ни всходу, ни умолоту!» Третья: «чтобъ тебя, проклятую, сдернуло снизу до верху!» Господь, разгнѣванный ихъ неразумнымъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять одинъ за другимъ. Бабы стоятъ да смотрятъ. Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ—сухощавой и щедушной, тогда *собаки* стали молить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю сколько-нибудь колоса. Милосердный Господь сжалился надъ ними и оставилъ имъ колосъ, какой теперь видимъ [1]). — Другое преданіе говоритъ, что самое зерно было необыкновенной величины:

Былъ-жилъ какой-то царь, ѣздилъ-гулялъ по полямъ съ князьями и боярами, нашелъ житное зерно величиной съ воробьиное яйцо. Удивился царь, собралъ князей и бояръ, сталъ спрашивать: давно ли это жито сѣяно? Никто не вѣдалъ, не зналъ. И придумали взыскать такого человѣка изъ старыхъ людей, которой могъ бы про то сказать. Искали-искали, и нашли старика — едва ходитъ о двухъ костыляхъ; привели его къ царю и стали спрашивать: кѣмъ сѣяно это жито и кто пожиналъ? — Не памятую, отвѣчалъ старикъ; такого жита я не сѣвалъ и не знаю; можетъ, отецъ мой помнитъ. Послали за отцомъ, привели къ царю объ одномъ костылѣ. Спросили о зернѣ; онъ тожъ говоритъ: «я не сѣвалъ и не пожиналъ; а есть у меня батюшка, у котораго видѣлъ такое зерно въ житницѣ». Послали за третьимъ старикомъ; будетъ ему отъ роду сто семьдесятъ годовъ, а пришелъ къ царю легко, безъ костыля, безъ вожатыхъ. Началъ его царь спрашивать: «кѣмъ это жито сѣяно»? — Я его сѣялъ, я и пожиналъ, сказалъ въ отвѣтъ старецъ, и теперь у меня есть въ житницѣ; держу для памяти! Когда былъ я молодъ — жито было большое да крупное, а послѣ стало родиться все мельче да мельче. — Спросилъ еще царь: «скажи мнѣ, старикъ! отчего ты ходишь легче и сына, и внука?» «Оттого, сказалъ старецъ, что жилъ по Божьему: своимъ владалъ, чужимъ не корыстовался». (Записано въ архангельской губерніи.)

c) Ивановской свѣтящійся жукъ *керсница* (kersnica) пользуется у словенцевъ особенною любовью за то, что леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель святаго младенца. [1])

d) Когда архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Пресвятой Дѣвѣ, что отъ нея родится божественный Искупитель,— она сказала, что готова повѣрить истинѣ его словъ, если рыба, одна сторона которой была уже съѣдена, снова оживетъ. И въ ту же минуту рыба ожила и была пущена въ воду: это однобокая *камбала*. Такое сказаніе живетъ между русскими поселянами [2]); между тѣмъ народы литовскій и самогитскій увѣряютъ, будто кам-

[1]) Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 48. Подобное же сказаніе есть у нѣмцевъ: см. Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, № 194 («Die Kornähre»). Г. Терещенко сообщаетъ еще два преданія о *пчелѣ* (ч. V, стр. 46—47).

[1]) Русск. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 117.

[2]) Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

бала потому съ однимъ глазомъ и наружностью своею походитъ на отрѣзанную половину рыбы, что царица Балтійскаго моря Юрата отгрызла у ней одну сторону, а другую пустила въ воду [1]): знакъ, что древне-языческое преданіе получило у насъ подъ вліяніемъ христіанства и другой смыслъ, и другую обстановку.

e) Когда родился Христосъ и начались гоненія Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая *лошадь* всю ночь ѣла кормъ и безпрерывно открывала убѣжище Спасителя; а *волъ* не только пересталъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается; оттого-то волъ употребляется человѣкомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ. [2])

f) У моряковъ есть повѣрье, будто два чорныя пятна, видимыя на жабрахъ *трески*, произошли отъ того, что апостолъ Петръ взялъ ее двумя пальцами, когда вынималъ изо рта рыбы монету для уплаты подати. [3])

g) Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ еврея. Толпа окружала его. Невѣрующій хозяинъ вздумалъ посмѣяться, и сказалъ Спасителю: «если ты Богъ, скажи намъ, что подъ этимъ корытомъ?» — *Свинья* съ тремя поросятами, отвѣчалъ Господь. Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ-

---

[1]) Сынъ Отечества 1839 г., № 10, стр. 144—145.
[2]) Записано въ харьковской губерніи.
[3]) Московск. Вѣдомости 1858 г., № 87.

подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему евреи не ѣдятъ свинины. [1])

h) *Медвѣдь*, говорятъ поселяне, былъ прежде человѣкомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, пляшетъ, и не имѣетъ хвоста.

Когда-то въ старину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли по-медвѣжьи. Тогда св. Петръ и св. Павелъ сказали: «щобъ же вы ривили отныни и до вика!» Съ той самой поры и стали они медвѣдями.

Такой разсказъ можно услышать отъ поселянъ харьковской губерніи; въ херсонскомъ уѣздѣ онъ передается нѣсколько иначе:

Мужикъ съ женою вздумали испугать Спасителя, стали подъ греблею и принялись кричать: мужикъ заревѣлъ медвѣдемъ, а баба закуковала кукушкою (*зозулею*). Господь проклялъ ихъ, и съ того времени они навсегда превратились въ медвѣдя и кукушку.

i) Въ Норвегіи существуетъ разсказъ о превращеніи одной женщины въ *дятла* (Norweg. Volksmärchen, № 2):

Христосъ, странствуя по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ, увидѣлъ женщину, которая приготовляла хлѣбы. Ее звали Гертруда. Спаситель попросилъ у нея хлѣба. Гертруда отдѣлила для странниковъ

---

[1]) Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

небольшой кусокъ теста, и только стала мѣсить его — какъ онъ тотчасъ-же выросъ и сдѣлался огромнымъ хлѣбомъ. Скупая хозяйка пожалѣла отдать его странникамъ; снова отдѣлила для нихъ небольшой кусокъ теста, но и съ этимъ, и со всѣми другими кусками случилось тоже; тогда рѣшилась она лучше вовсе имъ отказать, нежели дать такъ много. За такое жестокосердіе Господь обратилъ ее въ птицу, которая осуждена искать себѣ пищу между древесною корою и пить только дождевую воду. Птица эта всегда чувствуетъ мучительную жажду и называется: Gertrudsvogel. [1])

Русскіе поселяне также разсказываютъ о птичкѣ, которая въ сухое время летаетъ всюду и жалко чирикаетъ: пипи-пить! «Когда Богъ создалъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками, тогда онъ повелѣлъ идти сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, чтобы онѣ носили воду въ назначенныя ей мѣста. Всѣ птицы повиновались, а эта несчастная — нѣтъ; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь! Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволилъ утолять жажду только той водою, которая послѣ дождя остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка, надоѣдая людямъ, жалобно проситъ пить, пить!» [2])

---

[1]) Подъ этимъ именемъ въ Норвегіи разумѣется rothhaubichte Schwarzspecht.

[2]) Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 47.

k) Когда жиды преслѣдовали Спасителя, чтобы предать его на распятіе, то всѣ птицы, особенно *ласточка*, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ. Но *воробей* указалъ имъ это мѣсто своимъ пискливымъ чириканьемъ; жиды увидали Спасителя и повели его на мученіе. Потому Господь проклялъ воробья, и мясо его запретилъ употреблять въ пищу. — Этотъ разсказъ записанъ въ харьковской губерніи; въ другихъ мѣстностяхъ увѣряютъ, что въ то время, какъ предали Христа на распятіе, воробьи безпрерывно кричали: живъ-живъ! живъ-живъ! — вызывая чрезъ то враговъ Спасителя на новыя муки. Ласточки напротивъ чирикали: умеръ, умеръ! Онѣ старались похитивъ чирикали: умеръ, умеръ! Онѣ старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили ихъ и приносили назадъ. Оттого гнѣздо ласточки предвѣщаетъ дому счастіе, убить ее считается за великой грѣхъ; а если воробей влетитъ въ избу — это предвѣстіе большой бѣды. О воробьѣ разсказываютъ, что онъ одинъ не знаетъ праздника Благовѣщенья и вьетъ въ этотъ день гнѣздо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому онъ можетъ только прыгать, а не переступать. [1])

l) Въ Галиціи ходитъ въ народѣ такое преданіе: когда воскресъ Христосъ, его увидала жидовская дѣвочка и сказала о томъ своему отцу. Но старый еврей не повѣрилъ и сказалъ: «тогда онъ воскреснетъ, когда

---

[1]) Иллюстрація, годъ 2-й, статьи Даля, стр. 262, 333. Въ день Рождества Христова литвины стараются топить печи до зари, чтобы воробьи не видали выходящаго изъ трубъ дыма; въ противномъ случаѣ птица эта сильно повредитъ крестьянскимъ посѣвамъ. (Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 95.)

этотъ жареный каплунъ полетитъ и запоетъ!» И въ ту же минуту жареный *пѣтухъ* сорвался съ вертела, полетѣлъ и закричалъ: кукуреку! [1])

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлой рядъ происшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя пытливое вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разсказахъ не столько важна историческая правда передаваемаго событія, сколько правда гумманнаго христіанскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе. Чувство состраданія къ чужому несчастію, вложенное въ человѣка уже самою природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило новое торжественное освященіе. Вся земная жизнь Спасителя была непрерывною проповѣдью о любви къ ближнему и милосердіи къ нищей братіи: убогимъ, больнымъ, пораженнымъ язвами, заточеннымъ и страждущимъ; по вознесеніи на небо имъ оставилъ онъ въ наслѣдіе свое святое имя:

Какъ вознесся Христосъ на небеса,
Расплакалась нищая братія,
Расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые и хромые:
«Ужь ты истинный Христосъ, царь небесный!

[1]) Костомарова: Объ истор. значеніи русск. народн. поэзіи, стр. 85.

Чѣмъ мы будемъ бѣдные питаться?
Чѣмъ мы будемъ бѣдные одѣваться, обуваться?»
— Не плачте вы, бѣдные, убогіе!
Дамъ я вамъ гору да золотую,
Дамъ я вамъ рѣку да медвяную. .
Тутъ возговоритъ Иванъ да Богословецъ:
«Вѣдь ты, истинный Христосъ да царь небесный!
Не давай ты имъ горы золотыя,
Не давай ты имъ рѣки медвяныя;
Сильные-богатые отнимутъ:
Много тутъ будетъ убійства,
Тутъ много будетъ кровопролитья.
Ты дай имъ свое святое имя;
Тебя будутъ поминати,
Тебя будутъ величати:
Будутъ они сыты да и пьяны [1]),
Будутъ и обуты, и одѣты».
Тутъ возговорилъ Христосъ да царь небесный:
«Ты Иванъ да Богословецъ,
Ты Иванъ да Злотоустой!
Ты умѣлъ слово сказати,
Умѣлъ слово разсудити»... [2])

По народнымъ сказаніямъ, Спаситель вмѣстѣ съ апостолами и теперь, какъ нѣкогда — во время земной своей жизни, ходитъ по землѣ, принимая на себя страннический видъ убогаго; испытуя людское милосердіе, онъ наказуетъ жестокосердыхъ, жадныхъ и ску-

[1]) Т. е. будутъ напоены, не будутъ мучиться жаждою, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется.

[2]) За сообщеніе этого прекраснаго стиха приносимъ благодарность П. А. Безсонову.

пыхъ и награждаетъ сострадательныхъ и добрыхъ. [1]) Это убѣжденіе, проникнутое чистѣйшимъ нравственнымъ характеромъ, основано на томъ, что Спаситель о дѣлахъ любви и милосердія къ нищей братіи проповѣдалъ, какъ о дѣлахъ любви и милосердія къ нему самому: «Речетъ Царь сущымъ одесную его: пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо — и дасте ми ясти, возжадахся — и напоисте мя, страненъ бѣхъ — и введосте мене, нагъ — и одѣясте мя, боленъ — и посѣтисте мене, въ темницѣ бѣхъ — и пріидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы, глаголюще: Господи, когда тя видѣхомъ алчуща — и напитахомъ, или жаждуща — и напоихомъ, когда же тя видѣхомъ странна — и введохомъ, или нага — и одѣяхомъ, когда же тя видѣхомъ боляща или въ темницѣ — и пріидохомъ къ тебѣ? И отвѣщавъ Царь речетъ имъ: аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ — мнѣ сотвористе». (Еванг. отъ Матвѣя, гл. XXV, ст. 34 — 40).

Въ настоящемъ сборникѣ довольно приведено народныхъ разсказовъ, въ которыхъ Христосъ является испытующимъ людскія сердца странникомъ, и поэтическое достоинство которыхъ также истинно и цѣльно, какъ и нравственное. Подобные разсказы живутъ и между другими славянскими и германскими племенами. Представляемъ здѣсь нѣкоторые, наиболѣе интересные, въ переводѣ:

---

[1]) Особенно дни отъ Пасхи и до Вознесенія почитаются временемъ такихъ странствованій Спасителя. (Русск. Бесѣда 1856 г., № 1, статья Максимовича, стр. 78.)

1. КТО МЕНЬШЕ ЖЕЛАЕТЪ, ТОМУ БОЛЬШЕ ДАЕТСЯ.

Было три брата; ничего больше не имѣли они на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ одного грушеваго дерева, и стерегли то дерево по очереди: одинъ оставался подлѣ груши, а двое другихъ уходили на поденщину. Однажды Богъ послалъ ангела посмотрѣть, какъ живутъ братья, и если плохо — то надѣлить ихъ лучшимъ пропитаніемъ. Ангелъ Божій сошелъ на землю, обратился въ нищаго, и подойдя къ тому, который оберегалъ дерево, попросилъ у него одну грушу. Этотъ сорвалъ изъ своей доли, подалъ ему и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ его и удалился. На слѣдующій день остался другой братъ стеречь дерево; опять пришелъ ангелъ и попросилъ одну грушу. И этотъ сорвалъ ему изъ своей доли, подалъ, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ и ушелъ. Когда насталъ черёдъ третьему брату оберегать дерево, опять подошелъ ангелъ и попросилъ удѣлить ему одну грушу. И третій братъ сорвалъ изъ своей доли, подалъ ему, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Когда насталъ четвертый день, ангелъ сдѣлался монахомъ, пришелъ рано поутру и засталъ всѣхъ троихъ братьевъ подлѣ избы. «Идите за мною, сказалъ имъ ангелъ; я надѣлю васъ лучшимъ пропитаніемъ». Они пошли за нимъ, не говоря ни слова. Приходятъ къ большому, бурливому потоку; «чего бы ты желалъ?» спросилъ ангелъ старшаго брата. А онъ въ отвѣтъ: «чтобы изъ этой воды сдѣлалось вино, и досталось бы мнѣ». Ангелъ перекрестилъ посохомъ ручей — и вмѣсто воды потекло вино: тутъ приготовляютъ бочки, тутъ вино наливаютъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ старшему брату, и

оставилъ его на томъ мѣстѣ, а съ двумя другими пошелъ дальше. Вышли они на поляну — всю поляну голуби прикрыли. Тогда спросилъ ангелъ средняго брата: «чего ты желаешь?» — Чтобы всё это были овцы, и принадлежали бы мнѣ.—Ангелъ Божій перекрестилъ поле своимъ посохомъ — и намѣсто голубей явились овцы: откуда взялись овчарни, однѣ бабы доятъ, другія молоко разливаютъ, третьи снимаютъ сливки, иныя сыръ дѣлаютъ, иныя масло топятъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ; взялъ съ собой младшаго брата, пошелъ съ нимъ по̀ полю, и спросилъ: «а тебѣ чего-бъ хотѣлось?» — Мнѣ ничего другаго не надо, только бы далъ мнѣ Господь жену отъ праведной христіанской крови. Тогда сказалъ ангелъ: «о, это не легко достать; во всемъ свѣтѣ только и есть три такія: двѣ замужемъ, а одна дѣвица, и за ту двое сватаются». Идучи долго, пришли они въ одинъ городъ, въ которомъ былъ царь, а у него дочь отъ праведной христіанской крови. Какъ пришли въ городъ — сейчасъ къ царю просить у него невѣсту, а тамъ уже сватаются за нее два царя. Стали и они свататься. Когда увидѣлъ ихъ царь, сказалъ своимъ приближеннымъ: «какъ-же быть теперь: эти — цари, а эти — словно нищіе передъ ними?» — «А знаете-ли что? сказалъ ангелъ. Сдѣлаемъ-ка такъ: пускай невѣста возметъ три лозы и посадитъ ихъ въ саду, назначивъ каждому изъ жениховъ какую хочетъ; на чьей лозѣ будетъ поутру гроздье, за того пускай и выйдетъ замужъ.» Всѣ на то согласились; царевна посадила въ саду три лозы, и каждому назначила свою. Глянули поутру, а на лозѣ бѣдняка гроздье. Тогда царь, нечего дѣлать, отдалъ дочь свою младшему брату, и обвѣнчали ихъ въ церкви. Послѣ вѣнца отвелъ ихъ ангелъ въ лѣсъ и оставилъ тамъ; здѣсь жили они цѣлой годъ. А когда исполнился годъ, сказалъ Господь ангелу опять: «пойди, посмотри, какъ живутъ тѣ сироты; если въ нуждѣ, надѣли

ихъ больше». Ангелъ спустился на землю, обратился опять въ нищаго; пришелъ къ тому брату, у котораго потокъ лился виномъ, и попросилъ у него чашу вина. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по чашѣ, такъ и вина не достанетъ!» Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ — и полился потокъ, какъ прежде, водою. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ старшему брату; ступай подъ свою грушу, стереги ее!» Затѣмъ удалился оттуда ангелъ; пришелъ къ другому брату, у котораго все поле овцы прикрыли, и попросилъ у него кусокъ сыра. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по куску, такъ и сыра не достанетъ!» Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ поле — и намѣсто овецъ вспорхнули голуби. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ среднему брату; ступай подъ свою грушу, стереги ее!» Послѣ того пошелъ ангелъ къ младшему брату посмотрѣть, какъ онъ живетъ; приходитъ — а онъ съ своей женою живутъ въ лѣсу бѣдно, въ хижинѣ. Ангелъ попросился къ нимъ переночевать; они охотно, отъ всего сердца, его приняли, и стали упрашивать не поставить имъ того въ вину, что не могутъ угостить его такъ, какъ бы желали: «мы люди бѣдные!» говорили они. «Ничего, отвѣчалъ ангелъ; я доволенъ и тѣмъ, что̀ есть.» Что будешь дѣлать? мукѝ у нихъ не было, чтобы замѣсить настоящій хлѣбъ; такъ они толкли древесную кору и изъ той приготовляли хлѣбъ. Такой-то хлѣбъ замѣсила теперь хозяйка для своего гостя и посадила въ печь. Стали они разговаривать; послѣ глядь — готово ли? а передъ ними настоящій хлѣбъ, и такой славной, такъ поднялся высоко... Увидя то, мужъ съ женой возблагодарили Бога: «слава тебѣ, Господи! что̀ можемъ угостить странника». Подали хлѣбъ гостю, принесли кувшинъ съ водою, и только стали пить — а въ кувшинѣ вино. Въ то время ангелъ перекрестилъ своимъ посохомъ хижину, и на

томъ самомъ мѣстѣ сталъ царской дворецъ, а въ немъ всего много. Ангелъ благословилъ ихъ и оставилъ тамъ, и прожили они счастливо весь свой вѣкъ. [1])

2. ХРИСТОСЪ-СТРАННИКЪ.

а) Однажды Христосъ и апостолъ Петръ пришли поздно вечеромъ въ деревню. Господь хотѣлъ искать ночлега въ бѣдной избушкѣ, но св. Петръ настаивалъ, что они могутъ пойдти въ одинъ изъ богатыхъ домовъ, гдѣ во всемъ достатокъ. Господь не удерживалъ его; позволилъ ему идти, а самъ присѣлъ подлѣ бѣдной избушки. Петръ отправился въ самой что̀ ни есть богатой домъ. «Здѣсь во всемъ изобиліе, здѣсь дадутъ намъ добрый ужинъ и хорошій ночлегъ!» думалъ онъ; но ошибся. Грубо отказала ему хозяйка: нѣтъ у меня для бродягъ ни ужина, ни ночлега! Разсердился Петръ, однако не потерялъ надежды и пошелъ въ другой домъ. И здѣсь, и въ третьемъ домѣ получилъ онъ точно такой-же отказъ. Съ досадою вернулся онъ наконецъ къ Спасителю. «Пойдемъ, поищемъ въ этой избушкѣ» сказалъ Господь, и оба вошли въ хижину. Они застали хозяйку съ дѣтьми за столомъ. Повсюду замѣтна была нищета. «Ну, хорошо мы будемъ приняты, подумалъ Петръ; у бабы у самой нѣтъ ничего!» Но онъ ошибся. Когда Господь попросилъ ужина и ночлега, хозяйка-вдова отвѣчала: «если вы не побрезгаете тѣмъ, что̀ есть у меня, — я очень рада васъ угостить». Господь былъ всѣмъ доволенъ. Вдова тотчасъ встала и вышла; немного погодя воротилась и принесла чашку супу. Она извинялась, что супъ не довольно-жиренъ; она охотно бы приготовила его

[1]) Српске народне приповиjетке, стр. 99—103.

жирнѣе, да масла нѣтъ. «Петръ, сказалъ Спаситель, считай *глазки* [1]), что̀ въ супѣ плаваютъ!» Апостолъ сосчиталъ глазки; ихъ было болѣе шестидесяти, и то считая непристально. Когда они поѣли и стали сбираться на чердакъ, гдѣ приготовила вдова имъ постели. — Спаситель отсчиталъ столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ глазковъ, и подарилъ ихъ вдовѣ. Бѣдная женщина не знала, что дѣлать отъ радости.

Рано утромъ пошла она въ сосѣдній богатой домъ за молокомъ, чтобы изготовить странникамъ хорошій завтракъ, и разсказала тамошней хозяйкѣ, какъ щедро наградили ее странники за плохой супъ: они дали столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ глазко̀въ. Богатая крестьянка была жадна на деньги. Она сказала вдовѣ, чтобы та ничего не варила для странниковъ, что она сама желаетъ ихъ пригласить, что у ней всего много и супъ можетъ быть изготовленъ лучше. Когда передала о томъ вдова св. Петру и Спасителю, Господь сказалъ: «пойдемъ, Петръ!» Они пошли въ домъ той крестьянки, сопровождаемые благословеніями вдовы. Богатая крестьянка приготовила имъ жирной-жирной супъ. «Если они такъ щедро заплатили за худой супъ, думала она; то какъ-же заплатятъ за хорошій!» — «Петръ, сказалъ Господь, считай глазкѝ, что̀ въ супѣ плаваютъ». — «О Господи!» воскликнулъ Петръ, которому супъ показался очень вкуснымъ, «супъ такъ хорошъ, что весь жиръ на немъ слился въ одинъ глазъ. Хозяйка заслуживаетъ, чтобъ ты вознаградилъ ее вдвое больше». Уходя, Господь подарилъ крестьянкѣ только одинъ золотой. Она была недовольна этимъ, однако Господь не далъ ей ничего болѣе: «сколько глазко̀въ, столько и золотыхъ!»

[1]) Плавающіе поверхъ кружкѝ растопленнаго масла.

Доро́гою осуждалъ Петръ Господа, но Господь сказалъ: «Петръ, не въ величинѣ достоинство дара, а въ той внутренней цѣли, съ какою онъ дается. Истинно говорю тебѣ, что худой супъ бѣдной вдовы въ шестьдесятъ разъ болѣе сто̀итъ, чѣмъ вкусной супъ богатой крестьянки».

—

b) Разъ пришелъ Спаситель въ деревню и увидѣлъ убогаго старика, который со слезами вышелъ изъ богатаго дома. «О чемъ ты плачешь, старикъ?» спросилъ Господь. — «О Господи! жаловался нищій, я голоденъ и не могу выпросить ни кусочка хлѣба. Вездѣ бабы трудятся надъ коноплею; всѣ мнѣ отказываютъ, говорятъ: некогда, и ни одна не хочетъ удѣли́ть на столько времени, чтобы отрѣзать мнѣ ломоть хлѣба!»

Господь велѣлъ ему обождать, и пошелъ въ тотъ домъ, изъ котораго нищій былъ прогнанъ. Хозяйка и работницы были заняты дѣломъ: онѣ вязали коноплю, чтобы пото̀мъ ее намочить. Спаситель попросилъ кусочекъ хлѣба. «Ишь таскаются толпами, одинъ за другимъ! заворчала на него крестьянка. Проваливай! Мнѣ некогда вамъ прислуживать!» И когда Господь все-таки продолжалъ просить, говоря, что Богъ заплатитъ ей за то, что сдѣлаетъ она для бѣднаго, — раздраженная крестьянка закричала: «мнѣ не нужно твоей болтовни, и ты ничего не получишь; для твоего удовольствія я не кину работы!» Господь удалился, и пошелъ въ другой домъ, гдѣ не лучше ему посчастливилось. Вездѣ ему отказывали. Тогда Господь сказалъ крестьянкѣ, къ которой обратился онъ съ просьбою послѣ всѣхъ: «попомни меня — на будущее время васъ ожидаетъ двойная работа за коноплей!» Съ этими словами онъ удалился и взялъ съ собой нищаго. Съ того времени приходится бабамъ дважды дергать коноплю: сначала по́сконь (der männliche Hanf), а послѣ ту, что̀ семена приноситъ (Saathanf). [1])

3. НАГРАДА И НАКАЗАНІЕ.

Въ одной деревнѣ жили два сосѣда; у одного было сто овецъ, у другаго только три. Бѣдный сказалъ богатому: «позволь моимъ овцамъ пастись вмѣстѣ съ твоими, тебѣ вѣдь это все равно!» Самъ-же онъ не имѣлъ никакого пастбища. Богатый не хотѣлъ было, но послѣ позволилъ; мальчикъ бѣдняка погналъ свои три овцы на̀ поле къ сосѣдскому стаду, и остался тамъ замѣсто пастуха.

Спустя нѣкоторое время случилось, что король прислалъ къ богатому мужику и потребовалъ отъ него одной жирной овцы. Мужикъ не могъ отказать королю, но ему тяжело показалось потерять хоть одну изъ сотни собственныхъ своихъ овецъ; поэтому онъ приказалъ своимъ работникамъ поймать одну изъ трехъ овецъ бѣдняка и отдать ее королевскимъ слугамъ. Работники такъ и сдѣлали. Сынъ бѣдняка горько плакалъ, когда взяли у него и потащили овцу.

Вскорѣ послѣ того потребовалъ король у богатаго мужика другой овцы; этотъ опять приказалъ своимъ работникамъ отдать одну изъ тѣхъ, что̀ принадлежали бѣдному. Такъ и было, и мальчикъ еще болѣе плакалъ, когда увели у него другую овцу. «Король, подумалъ онъ про себя, скоро потребуетъ еще одну овцу, а работники богатаго сосѣда возьмутъ у меня и эту послѣднюю; лучше убраться мнѣ, пока есть

1) Westslawischer Märchenschatz. Ein Charakterbild der Böhmen, Mährer und Slowaken in ihren Märchen, Sagen, Geschichten, Volksgesängen und Sprüchwörtern. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, 1857, Leipzig, стр. 90—92.

время!» Онъ такъ и сдѣлалъ и ушелъ далеко, далеко на высокую гору; тамъ нашлось довольно корму и свѣжей воды, и овцѣ его было привольно.

Спустя нѣсколько дней сказалъ бѣдной самъ себѣ: «пойду— посмотрю, что дѣлаютъ мои овцы и мальчикъ!» Когда пришелъ онъ къ стаду и спросилъ работниковъ о своемъ ребенкѣ, они отвѣчали: «двѣ изъ твоихъ овецъ отданы нами, по приказанію хозяина, королю; а съ послѣднею ушелъ куда-то твой мальчикъ». Бѣдной сталъ жаловаться; «гдѣ я теперь его найду?» говорилъ онъ; но тотчасъ-же оправился и пошелъ искать. Долго не было примѣтно никакого слѣда. Онъ спрашивалъ у Солнца, не можетъ ли оно указать ему путь-дорогу. Къ сожалѣнію, Солнце не знало дороги. Наконецъ онъ пришелъ къ буйному и свирѣпому Вѣтру, и спросилъ его: не знаетъ ли онъ, гдѣ находится его сынъ? «Да, я знаю; я отправляюсь туда, и охотно возьму тебя съ собой!» Тутъ подхватилъ его буйный Вѣтеръ и въ одно мгновеніе перенесъ на̀ гору къ сыну; мальчикъ находился въ долинѣ, которую никогда не озаряло солнце. Бѣдной мужикъ обрадовался, увидя сына и услышавъ, какъ онъ сберегъ послѣднюю овцу. «Мы теперь оба останемся здѣсь, сказалъ онъ, и будемъ заботливо за нею смотрѣть; потому что эта овца составляетъ все наше богатство!»

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того случилось двумъ странникамъ взойти на̀ горы; они пристали къ бѣдному мужику и расположились на отдыхъ. Это были Христосъ и св. Петръ. «Мы издалека пришли, сказалъ Христосъ, и такъ утомлены, такъ голодны, что конечно должны умереть, если не достанемъ вскорѣ хотя немного мяса.» Бѣдный почувствовалъ состраданіе и тотчасъ отвѣчалъ: «я могу вамъ пособить!» Онъ быстро отправился, взялъ свою овцу, убилъ ее, разложилъ огонь и приготовилъ для своихъ гостей доброй

кусокъ жаренаго, которое показалось имъ очень вкуснымъ. Послѣ угощенія сказалъ Христосъ мальчику, чтобы онъ сòбралъ всѣ кости и положилъ ихъ въ овечью шкуру. Мальчикъ исполнилъ, и потомъ всѣ они вмѣстѣ легли спать. Ранвимъ утромъ поднялся Христосъ съ св. Петромъ; благословили бѣдняка и его сына и тихо удалились. Когда пробудился мужикъ съ своимъ мальчикомъ, онъ увидѣлъ передъ собою большое стадо овецъ; впереди стояла та самая овца, которую онъ вчера зарѣзалъ, совершенно здоровая и бодрая; она держала на лбу запись, въ которой было сказано: «все принадлежитъ бѣдному и его сыну!» Три собаки прыгали около нихъ и ласкались. Бѣдной не могъ скрыть своей радости и счастья, и отправился со стадомъ домой. Когда онъ воротился, собралась цѣлая деревня посмотрѣть на его многочисленныхъ и красивыхъ овецъ; бѣдному то и дѣло приходилось разсказывать, какъ чрезъ двухъ убогихъ странниковъ досталось ему такое счастіе. Зависть не давала покоя богатому его сосѣду; «если такъ, думалъ онъ, то я вскорѣ долженъ получить еще болѣе!» Онъ пошелъ, созвалъ отовсюду бѣдныхъ странниковъ и нищихъ, перебилъ всѣхъ своихъ овецъ, нажарилъ мяса и предложилъ убогимъ. Потомъ старательно собралъ всѣ кости: въ шкурку каждой овцы положилъ именно тѣ, которыя ей принадлежали, и улегся спать. Онъ однако не могъ заснуть; въ мысляхъ своихъ онъ не переставая до самаго утра высчитывалъ, восколько больше должно быть у него овецъ, нежели у сосѣда, потому что онъ убилъ цѣлую сотню, а тотъ только одну. Когда разсвѣло, онъ тотчасъ вскочилъ, чтобы взглянуть на свое огромное стадо; но передъ нимъ лежали только кости въ овечьихъ шкурахъ, и ни одна не двигалась и не шевелилась. А! подумалъ богатой, такъ я знаю же, отчего эта помѣха: надобно, чтобы удалились странники и нищіе! «Эй, вы бродяги, убирайтесь-ка отсюда!» Солнце уже стояло

высоко, но кости все не шевелились, и стадо его не только не
умножилось стократъ, оно совсѣмъ пропало! Жалуясь на
потерю всего своего добра, онъ пошелъ съ проклятіями и
утопился.

А бѣдной сосѣдъ сталъ богатъ и счастливъ; разсказы-
ваютъ, что въ послѣдствіи сынъ его женился на одной коро-
левнѣ. [1])

—

Въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ» (вып. 1, стр.
61 — 70; вып. 2, стр. 121 — 128) напечатана нами
легенда о Маркѣ-Богатомъ. Сообщаемъ еще одинъ
варіантъ:

4. МАРКО-БОГАТОЙ.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ
купецъ Марко-Богатой; казны и всякаго имѣнія было у него
столько, что̀ и счесть нельзя! Жилъ онъ, веселился; а ни-
щихъ къ себѣ и на дворъ не пускалъ: таковъ былъ немило-
стивъ.

Въ одно время приснился ему сонъ: приготовься де,
Марко-Богатой, и ожидай — самъ Господь будетъ къ тебѣ
въ гости! Поутру всталъ Марко, призвалъ жену и велѣлъ
готовить большой пиръ; весь дворъ свой выслалъ алымъ бар-
хатомъ да золотыми парчами и по всѣмъ закоулкамъ разста-
вилъ батраковъ и прикащиковъ, чтобы не пускали никого изъ
нищей братіи, а гнали бы въ-зашеи. Вотъ собрался совсѣмъ
Марко-Богатой и сѣлъ поджидать Господа: часъ ждетъ, дру-

[1]) Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen, gesammelt von Joseph Haltrich, Berlin, 1856, стр. 67—70.

гой ждетъ — не видать гостя. А нищіе какъ услыхали, что
у Марка-Богатаго приготовленъ большой пиръ, такъ и пова-
лили къ нему со всѣхъ сторонъ за святымъ подаяніемъ; толь-
ко батраки и прикащики никого не пропускаютъ, всѣхъ такъ
и гонятъ въ-зашеи. Вотъ одинъ убогой старичокъ, древній-
древній, одѣтъ весь въ рубище, и зашелъ какъ-то на Мар-
кинъ дворъ. Какъ увидѣлъ его изъ окна Марко-Богатой,
закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй, вы слуги
мои-неслухи! али глазъ у васъ нѣту? Вишь, какой-то невѣжа
по двору расхаживаетъ; чтобъ сейчасъ его не было!» Въ тужъ
минуту подскочили слуги, подхватили убогаго подъ руки и
вытолкали черезъ задній дворъ. Увидала убогаго одна добрая
старушка, и говоритъ ему: «пойдемъ ко мнѣ, нищенькой! я
тебя накормлю, я тебя упокою». Привела его къ себѣ, накор-
мила, напоила и спать уложила; а Марко-Богатой такъ и не
дождался Господа! Въ самую полночь проснулась хозяйка, и
слышитъ — кто-то постучался подъ окномъ и спросилъ: «пра-
ведный старче! ты здѣсь ночуешь?» — Здѣсь, сказалъ убо-
гой. «Въ такой-то деревнѣ у бѣднаго мужика родился сынъ;
какимъ наградишь его счастіемъ?» Отвѣчалъ убогой: «вла-
дѣть ему всею казною и всѣмъ имѣніемъ Марка-Богатаго!»
На другой день убогой простился съ хозяйкою и пошелъ
странствовать, а старушка сейчасъ на дворъ къ Марку-Бога-
тому и про все ему разсказала. [1])

Марко поѣхалъ къ бѣдному мужику и выпросилъ у него
мальчика: «отдай, говоритъ; я возьму его въ пріёмыши, выро-
ститъ — добру научу; а какъ стану умирать — все богат-
ство за нимъ запишу». Говоритъ эти рѣчи, а въ головѣ иныя

[1]) *По другому списку:* Спаситель въ нищенскихъ лохмотьяхъ попросился
ночевать къ одному мужику, вошелъ въ избу и легъ на лавкѣ. Спустя не-
много заѣхалъ туда-же Марко–Богатой; увидалъ убогаго, прогналъ съ лавки
и самъ улегся на его мѣстѣ. Въ полночь явился подъ окно Михаилъ-архан-

думки. Взялъ мальчика, поѣхалъ домой и на дорогѣ бросилъ его въ сугробъ: «пускай де замерзнетъ; тогда и увидитъ, каково владѣть Маркиной казною!» На ту самую пору выѣхали въ поле охотники, гоняли-гоняли за зайцами и наѣхали на ребенка; взяли его съ собою, выростили и уму-разуму наставили. Прошло много лѣтъ, много воды утекло: случилось Марку-Богатому заѣхать къ тѣмъ охотникамъ; увидалъ молодаго пріемыша, слово за слово, разговорился объ немъ и узналъ, что это тотъ самой мальчикъ, котораго онъ бросилъ въ полѣ. Сталъ просить его Марко-Богатой: «сходи, говоритъ, ко мнѣ на домъ, отнеси къ женѣ письмо». А въ письмѣ написалъ, чтобы его тотчасъ затравить собаками. Бѣдный пріемышъ отправился въ путь; идетъ дорогою, а на встрѣчу ему убогой старикъ въ рубищѣ, и то былъ не простой нищій— то былъ самъ Христосъ. Онъ остановилъ путника, взялъ у него письмо и только подержалъ въ рукахъ [1]) — какъ въ тужъ минуту все сказанное въ письмѣ перемѣнилось: жена Марка-Богатаго должна принять посланнаго съ честію и тотчасъ женить его на своей дочерѣ. Какъ написано, такъ и сдѣлано. Воротился домой Марко-Богатой, еще пуще осерчалъ на зятя, и говоритъ ему: «вечеромъ де попозднѣе сходи на винокурню да посмотри за работою»; а самъ приказалъ работникамъ: какъ прійдетъ молодецъ — сейчасъ его, не говоря ни слова, бросить въ горячій котелъ. Сталъ было зять собираться на винокурню, и вдругъ ему попритчилось, напала на него такая хворь, что по неволѣ пришлось дома

гелъ, постучался, и спрашиваетъ: «Господи, Інсусе Христе! здѣсь ли ночуешь?» — Здѣсь, говоритъ Господь. «У бѣднаго мужика сынъ родился, у Марка-Богатаго дочь; Господи, какимъ ихъ счастіемъ, какою судьбою надѣлишь?» Отвѣчалъ Господь: «пускай сынъ бѣднаго владѣетъ и дочерью и всѣмъ имѣніемъ Марка-Богатаго».

[1]) *Въ другомъ спискѣ:* перебросилъ съ руки на руку.

остаться. А Марко-Богатой, выждавъ время, пошелъ посмотрѣть, что сталося съ его зятемъ, и таки прямо попалъ винокурамъ въ лапы и угодилъ въ горячій котелъ! (Изъ собранія В. И. Даля.)

—

Подобный-же разсказъ находимъ въ изданіи: «Ungarische Volksmärchen» (Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier, Pesth), № 17, стр. 188 — 193. [1])

Присоединяю еще три легенды о странствованіи Спасителя по землѣ: двѣ — извѣстныя между славянскихъ племенъ и одну — принадлежащую нѣмцамъ:

5. ПѢВЦЫ.

Случилось какъ-то — Христосъ и святой Петръ странствовали по свѣту. Пришли они въ деревню; здѣсь въ одномъ домѣ такъ хорошо пѣли, что Господь остановился и заслушался: святой же Петръ отправился далѣе. Пройдя нѣсколько

---

[1]) Въ валахскихъ сказкахъ (Walach. Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 6) есть одна подъ заглавіемъ: «Die altweibertage», въ которой также упоминается о странствованіи Спасителя съ апостоломъ Петромъ. Злая свекровь мучаетъ свою сноху трудными работами; наконецъ заставляетъ ее вымыть добѣла волну, снятую съ чорной овцы. Съ утра до вечера трудилась она, руки ея устали, а успѣха не было; съ горя заплакала бѣдная. На ту пору шелъ мимо Спаситель съ св. Петромъ. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ ее Господь. Она разсказала. «Будь послушна матери, возразилъ Спаситель; мой и усталыми руками; да будетъ Богъ съ тобой!» Принялась она снова мыть, и мало-по-малу чорная волна обратилась въ бѣлую. Злую свекровь постигло наказаніе: раннею весною она погнала своихъ овецъ на горы и тамъ окаменѣла со всѣмъ стадомъ.

шаговъ, онъ оглянулся назадъ: Христосъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Св. Петръ снова пошелъ дальше; сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся въ другой разъ: Христосъ стоялъ все тамъ-же. Снова дальше и дальше пошелъ св. Петръ; пройдя опять нѣсколько, онъ оглянулся въ третій разъ, и увидѣлъ, что Христосъ все еще стоялъ и слушалъ. Тогда поворотилъ онъ назадъ, и подошелъ къ дому, изъ котораго неслась прекрасная народная пѣсня. Послушали они нѣкоторое время, и двинулись оба въ путь; вотъ подошли къ другому дому, гдѣ также раздавалось пѣніе. Св. Петръ остановился было послушать, но Господь направилъ свои стопы дальше. Пошелъ и св. Петръ; онъ былъ сильно изумленъ. — Что такъ сильно тебя изумило? спросилъ Христосъ. «Меня то поразило, отвѣчалъ св. Петръ, что ты остановился тамъ, гдѣ пѣлась народная пѣсня, и проходишь мимо здѣсь, гдѣ поются духовные стихи.» Тогда сказалъ ему Христосъ: «о мой любимой св. Петръ! тамъ пѣли народную пѣсню, но сохраняя всевозможное благоговѣнье; здѣсь-же поютъ духовные стихи, но безъ малѣйшаго чувства благоговѣнія». [1])

6. АПОСТОЛЪ ПЕТРЪ.

Однажды рядомъ съ Спасителемъ шелъ апостолъ Петръ, весь погруженный въ думы; вдругъ онъ сказалъ: «какъ хорошо, думаю, быть Богомъ! Хоть бы мнѣ на полдня сдѣлаться Богомъ, послѣ я опять готовъ быть Петромъ!» Господь усмѣхнулся и сказалъ: «пусть будетъ по твоему желанію; будь Богомъ до вечера!» Между тѣмъ приблизились они къ

[1]) Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz, herausgegeben von Leopold Haupt und Johann Ernst Schmaler, ч. 2, стр. 175.

деревнѣ, изъ которой крестьянка гнала стадо гусей. Она выгнала ихъ нà лугъ, оставила тамъ, и поспѣшила назадъ въ деревню. «Какъ, ты хочешь оставить гусей однихъ?» спросилъ ее Петръ. — А что, неужли стеречь ихъ и сегодня? У насъ нынче храмовой праздникъ, возразила крестьянка. «Но кто же долженъ беречь твоихъ гусей?» спросилъ Петръ. — Пусть Господь Богъ бережетъ ихъ сегодня! сказала крестьянка и удалилась. «Петръ! ты слышалъ, сказалъ Спаситель. Я бы охотно пошелъ съ тобою въ деревню на храмовой праздникъ; но вѣдь гусямъ можетъ приключиться что̀ и худое: ты сегодня Богъ до вечера, ты долженъ и беречь ихъ.» Что оставалось Петру? Хоть ему и досадно было, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ сторожить гусей; но далъ зарокъ, что никогда болѣе не пожелаетъ быть Богомъ. [1])

7. ГОСПОДЬ И ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Одинъ церковный староста, въ набожной заботливости о своей церкви, пожертвовалъ въ нее великолѣпный подсвѣшникъ съ большою восковою свѣчею. Тогда явился ему Господь въ образѣ старца, и въ воздаяніе за этотъ даръ обѣщалъ, что онъ трижды возвѣститъ ему о смерти—прежде, нежели отзоветъ изъ сего міра. Обрадованный этимъ староста зажилъ въ роскоши и въ весельи, ѣлъ и пилъ, пользовался церковнымъ погребомъ и вовсе не думалъ о смерти. Прошло нѣсколько лѣтъ, и тѣло его стало отказываться выносить долѣе такую жизнь: колѣни его согнулись, спина сгорбилась, и онъ былъ вынужденъ взяться за костыль; немного погодя онъ

[1]) Westslawischer Märchenschatz. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, стр. 89—90.

потерялъ зрѣніе, а потомъ и слухъ. Сгорбленой, слѣпой и глухой онъ продолжалъ жить все также безумно и пышно, какъ и прежде. Наконецъ предсталъ Господь, чтобы взять его отъ сего міра. Церковный староста былъ встревоженъ и смущенъ; онъ обратился къ Господу съ упреками, зачѣмъ онъ трижды не возвѣстилъ ему, какъ самъ обѣщалъ? Тогда сказалъ ему Господь въ праведномъ гнѣвѣ: «Какъ? я не возвѣстилъ тебѣ? А развѣ я не ударялъ тебя сначала по плечу и колѣнамъ, такъ что ты долженъ былъ согнуться? Развѣ я не наложилъ потомъ мой перстъ на твои глаза, такъ что ты ослѣпъ? Развѣ напослѣдокъ не коснулся я твоихъ ушей, такъ что ты потерялъ слухъ? Такъ исполнено все, что я тебѣ обѣщалъ; теперь слѣдуй за мною!» Староста смиренно сталъ молить о прощеніи: ему, право, непонятны были эти напоминанія, и онъ не приготовился еще къ смертному часу. Кротко взглянулъ Господь на кающагося грѣшника и сказалъ: «пойдемъ, пойдемъ; я не хочу для тебя быть справедливымъ болѣе, нежели сколько милостивымъ!» [1])

Александръ Аѳанасьевъ.

[1]) Deutsche Volksmärchen, von J. Haltrich, стр. 62. Сличи съ № 177 во 2-мъ томѣ «Kinder- und Hausmärchen» братьевъ Гриммовъ («Die Boten des Todes»).

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Разъ какъ-то принялъ на себя Христосъ видъ старичка-нищаго и шелъ черезъ деревню съ двумя апостолами. Время было позднее, къ ночи; сталъ онъ проситься у богатаго мужика: «пусти, мужичокъ, насъ переночевать». А мужикъ-атъ богатой говоритъ: «много васъ попрошаекъ здѣсь таскается! что слоняетесь-та по чужимъ дворамъ? только, чай, и умѣете, а небòсь не работàете...» и отказалъ на отрѣзъ.—Мы и то идемъ на работу, говорятъ странники; да вотъ застала насъ въ дорогѣ ночь тёмная. Пусти, пожалуста! мы ночуемъ хоть подъ лавкою. «Ну такъ и быть! ступайте въ избу.» Впустили странниковъ; ничѣмъ-то ихъ не покормили, ничѣмъ-то ихъ не напоили (самъ хозяинъ-та поужиналъ вмѣстѣ съ своими домашними, а имъ ничего нè далъ), да и ночевать имъ довелось подъ лавкою.

По утру рано стали хозяйскіе сыновья собираться хлѣбъ молотить. Вотъ Спаситель и говоритъ: «пустите, мы вамъ поможемъ за нос(ч)легъ, помолотимъ за васъ».—Ладно, сказалъ мужикъ; и давно бы такъ! лучше чѣмъ пò-пусту безъ дѣла слоняться-та!—Вотъ и пошли молотить. Приходятъ, Христосъ

и гутаритъ [1]) хозяйскимъ сыновьямъ: «ну, вы разметывайте адонье [2]), а мы приготовимъ токъ». И сталъ онъ съ апостолами готовить токъ по своему: не кладутъ они по одному снопу въ рядъ, а сноповъ по пяти, по шести, одинъ на другой, и наклали почитай цѣлое полъадонье. «Да вы такіе-сякіе совсѣмъ дѣла не знаете!» заругались на нихъ хозяева; «зачѣмъ наложили такіе вороха̀?»—Такъ кладутъ въ нашей сторонѣ; работа, знашь, отъ того спорѣе идётъ, сказалъ Спаситель и зажогъ покладенные на току̀ снопы. Хозяева ну кричать да браниться, дискать весь хлѣбъ погубили. Анъ погорѣла одна солома, зерно осталось цѣло и заблистало въ большущихъ кучахъ крупное, чистое да такое золотистое!

Воротим(в)шись въ избу, сыновья-та и говорятъ отцу: такъ и такъ, батюшка, смолотили, дискать, полъадонья. Куда! и не вѣритъ! Разсказали ему все, какъ было; онъ еще пуще дивится: «быть не можетъ! отъ огня зерно пропадётъ!» Пошелъ самъ поглядѣть: зерно лежало большими кучами да такое крупное, чистое, золотистое—на диво! Вотъ покормили странниковъ, и остались они еще на одну ночь у мужика.

На утро Спаситель съ апостолами собирается въ путь-дорогу, а мужикъ имъ гутаритъ: «пособите намъ еще денёкъ-та!»—Нѣтъ, хозяинъ, не проси; нѐколи, на̀дыть идти на работу. А старшо̀й хозяйской сынъ потихоньку и говоритъ отцу:, «не трожь ихъ, бачка; незамай идутъ. Мы тапереча и сами знаемъ, какъ на̀дыть молотить». Странники попрощались и ушли. Вотъ мужикъ-то съ дѣтьми своими пошелъ на гумно; взяли наклали сноповъ, да и зажгли: думаютъ—сгоритъ солома, а зерно останется. Анъ вышло не такъ: весь хлѣбъ поняло огнемъ, да отъ сноповъ бросилось по̀лымя на разны

---

[1]) Говоритъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 44).

[2]) Снопы, покладенные въ кучу, скирдъ (ibidem, стр. 138).

постройки; начался пожаръ, да такой страшной, что все до гола̀ и погорѣло!

2. ЧУДО НА МЕЛЬНИЦѢ.

Када-то пришелъ Христосъ въ худой нищенской одёжѣ на мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыньку. Мельникъ о̀серчалъ: «ступай, ступай, отселева съ Богомъ! много васъ таскается, всѣхъ не накормишь!» Такъ-таки ничего и нѐ далъ. На ту пору случись—мужичокъ привёзъ на мельницу смолоть небольшой мѣшокъ ржи, увидалъ нищаго и сжалился: «подь сюды, я тебѣ дамъ». И сталъ отсыпать ему изъ мѣшка хлѣбъ-атъ; отсыпалъ почитай съ цѣлую мѣрку, а нищій всё свою кису подставляетъ. «Что, али еще отсыпать?»—Да, коли будетъ ваша милость! «Ну, пожалуй!» Отсыпалъ еще съ мѣрку, а нищій всё-таки подставляетъ свою кису. Отсыпалъ ему мужичокъ и въ третій разъ, и осталось у него у самого зерна́ такъ самая малость. «Вотъ дуракъ! сколько отдалъ, думаетъ мельникъ, да я еще за помо́лъ возьму; чтожъ ему-то останется?» Ну, хорошо. Взялъ онъ у мужика рожь, засыпалъ и сталъ молоть; смотритъ: ужь много прошло времени, а мука́ всё сыпится, да сыпится! Что за диво! всего зерна́-то было съ четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось что̀ молоть: мука́ себѣ всё сыпится, да сыпится... Мужикъ не зналъ, куды и собирать-то!

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

а. Давно было—странствовалъ по землѣ Христосъ съ двѣнадцатью апостолами. Шли они разъ какъ-бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христосъ и апостолы. Вотъ

пришли они въ одну деревню и попросились на нос(ч)легъ къ богатому мужику [1]). Богатой мужикъ ихъ не пустилъ: «вонъ тамъ живетъ вдова, она нищихъ пускаетъ; ступайте къ ней». Попросились они ночевать у вдовы, а вдова была бѣдная, пребѣднѣющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлѣбца, да съ горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та безъ молока—не отелилась къ тому сроку.«У меня, батюшки! говоритъ вдова, избёнка малая, и лечь-то вамъ негдѣ!»— Ничего, какъ-нибудь упокоимся. Приняла вдова странниковъ и не знаетъ, чѣмъ напитать ихъ. «Чѣмъ же мнѣ покормить васъ, родимыхъ, говоритъ вдова; всего-на́-всего есть у меня одна махонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нѣтуть: все жду—вотъ отелится... Не взыщите на хлѣбѣ-на соли!»— И, бабушка! сказалъ Спаситель, не кручинься, всѣ будемъ сыты. Давай что̀ есть, мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога... Вотъ сѣли они за столъ, стали ужинать, одной краюшечкой хлѣбца всѣ напитались, еще и ломтей эва сколько осталось! «Вотъ, бабушка, ты говорила, что нечѣмъ будетъ накормить, сказалъ Спаситель; гляди-ка, мы всѣ сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, отъ Бога...» Переночевали Христосъ и апостолы у бѣдной вдовы. На утро говоритъ вдова своей невѣсткѣ: «подь, поскреби мучицы въ закромѣ; авось наберёшь съ горсточку на блины покормить странниковъ». Невѣстка сходила, и несётъ муки таки порядочную махотку (глиняный горшокъ). Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невѣстка говоритъ: «тамъ въ закромѣ и на другой разъ осталось». Напекла вдова блинковъ и подчуетъ

---

[1]) *Варіантъ:* Шелъ Христосъ съ 12-ю учениками, словно нищенки. Пришли они въ городъ и попросились ночевать къ богатому купцу; купецъ не пустилъ...

Спасителя и апостоловъ: «кушайте, родимые! чѣмъ Богъ послалъ...» — Спасибо, бабушка, спасибо! [1])

Поѣли они, попрощались съ бѣдною вдовою и пошли себѣ въ путь. Идутъ эдакъ по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѣды: «Господи! завылъ, я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!»—Пойди, сказалъ ему Спаситель, къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у неё корову съ телёнкомъ. Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что-же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаючи отъ своей коровы телёночка: было бы у ней молочко — пропитаніе на всю семью». —Такъ тому быть должно! отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣжалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреньемъ промолвила: «Богъ далъ, Богъ и взялъ; его святая воля!»

Вотъ идутъ Христосъ и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами [2]). Спаситель и говоритъ: «катись, бочка, къ богатому мужику [3]) во дворъ!» Апостолы опять усумнилися: «Господи! лучше-бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «хоть бы еще столько-же послалъ Гос-

---

[1]) *Варіантъ:* Собрала вдова ужинать, и говоритъ: «я бы вамъ, родимые, блинковъ растворила, да муки нѣтути». Христосъ отвѣчаетъ: «посмотри, можетъ быть найдется».—Нѣтъ, батюшки вы мои! я ужь въ ларѣ крылушкомъ муку повымела. «Ступай, посмотри, опять говоритъ Христосъ; можетъ, и найдется». Пошла вдова и видитъ: полонъ ларь муки! откуда что взялось! Принесла она муки, сдѣлала растворъ, а поутру встала и напекла блиновъ.

[2]) *Вар.* съ серебромъ.

[3]) *Вар.* къ купцу.

подь!» думаетъ про себя. Христосъ и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Іисусе! мы пить хочемъ», говорятъ они Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель, вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напейтеся.»

Апостолы пошли; шли, шли, и видятъ колодезь. Заглянули въ него: тамъ-то срамота̀, тамъ-то скверно́та — жабы, змѣи, лягва (лягушки)... тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Чтожъ испили водицы?» спросилъ ихъ Христосъ. — Нѣтъ, Господи! «Отчего?» — Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотрѣть-то въ него страшно. Ничего не отвѣчалъ имъ Христосъ, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли, шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: «Іисусе! мы пить хочемъ». Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: «вонъ видите колодезь, ступайте и напейтесь». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо; тамъ-то прекрасно! ростутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ-бы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы — а вода такая чистая, студёная да сладкая! — и воротились назадъ. «Что такъ долго не приходили?» спрашиваетъ ихъ Спаситель. — Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы, да побыли тамъ всего три минуточки. «Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года, сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другаго колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ!» [1]). — (Всѣ три легенды записаны издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

---

[1]) *Варіантъ*. Первый колодецъ пріуготовленъ богатому купцу, а второй бѣдной вдовѣ.

ƅ. Въ давніи времена ходывъ по земли Богъ и зъ святымъ Мыколаемъ и святымъ Петромъ, и уже святый Петро совсимъ обдерся [1]), такъ, що й не стало на јому ныякого шматя [2]). А Господь каже ему: «пиды, Петре, та украды соби шматя дѣ-ныбудь на тыну, тай прислухайся — чы буде за те лаяты тебе хозяйка, чы ни?» Отъ св. Петро пишовъ и покравъ повишане на тынови людскее шматя, и убрався пишовъ до Бога, тай каже: «я вже укравъ шматя, алы-жъ хозяйка мене за тее не лаяла, а тильки оглядывшысь сказала: нехай јому Богъ звыдить и избачить!» А Богъ выслухавъ цее, тай каже: «ну добре, колы такъ!» — Отъ Богъ, св. Петро и св. Мыколай вси зашлы въ обидранную хату до одной найбиднищой вдовы-мужычки, упросылысь въ ней на ничь и сталы спрошуваты: «чы ныма чого у тебе поисты?» А хозяйка одвичае: «ныма въ мене ничого. Я бидная, хлибъ соби заробляю, и тильки маю хлиба—що одынъ окрайчыкъ на полыци». А Богъ до неи каже: «дай же намъ хоть борщу». Вона зновъ одвичае: «та ныма у мене ни якой стравы [3]), и ничогисынько не варыла». Отъ Богъ зновъ сказавъ: «погляды лышъ, молодыце, добре въ пичи, може чы не найдешъ тамъ чого-ныбудь». Вона все таки не хоче того слухаты, а дали Богъ якъ причыпывся добре до неи: «таки погляды въ пичь, та погляды»—отъ вона, абы витчыпытьця, иде до печи; колы заглянула туда въ пичь, ажъ тамъ богацько всякой всячыны — понава̀рывано разной хорошой стравы и варынухи, тай каже вона: «що це такее на свити значытъ, я не топыла, ажъ богацько есть понава̀рывано всякой всячыны?» Отъ вона повыньмала все съ печи, и вси воны понаїидалысь, тай полягалы спаты; а хозяйка все не знала, що то Богъ пріишовъ до неи. На другый день

---

[1]) Ободрался.

[2]) Платья.

[3]) Кушанья, ѣствы.

вранци Богъ, св. Петро и св. Мыколай повставалы, подяковалы гарно [1]) хозяйци, тай пишлы дальше, и почулы воны высильне гранье [2]); ажъ надходять воны туда, колы дывятця, а тамъ высилья у одного богатаго мужыка. Отъ св. Мыколай каже: «Господы мылостывый! ходимъ же и мы на те высилья, чы не дадутъ и намъ по чарци горилки та чого појисты?» А Богъ каже: «добре, ходымъ». Отъ воны пишлы туда замисть старцивъ, буцимъ [3]) просыты мылостыни, а богатый хозяинъ теи хаты оглянувшысь до ныхъ, тай зновъ ставъ частуваты за столомъ своихъ высильныхъ гостей, богатыхъ хозяинивъ, а дали ставъ гукаты на свою жинку: «а дай лышъ тамъ старцямъ мылостыни». А жинка јого—такa въ убраньи, щой куды!—закрычала сердыто: «ты гляды своихъ людей, що частуешъ [4]). и не оглядайся до старцивъ; бо якъ ты принадышъ сыхъ дидивъ [5]), то й не будуть черезъ ныхъ двери зачынятьця!» [6]) Дали погодывши, той хозяинъ якъ оглянувшись побачывъ, що довго старци стоять въ хати, та нагумонивъ [7]) добре на свою жинку,—ажъ тоди вона дала тымъ старцямъ по маленькій чароци горилки и по шматочку хлиба, тай выпроводыла ихъ за двери. Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ идучи звиттыля [8]), тай каже Богъ: «ну тай богатый же цей чоловикъ, що мы булы въ нёго на высильи, алы-жъ и крѣпко винъ скупый, а јого жинка ище гирше (пуще) скупища и дуже велыка злоѣдныця, та и обое воны не вмиють въ счастьи шануватысь [9])

---

[1]) Поблагодарили усердно.

[2]) Свадебное гулянье, веселье.

[3]) Какъ будто (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр 21).

[4]) Угощаешь (Труды общ. люб. рос. словесн., кн. VII, стр. 323).

[5]) Привадишь этихъ старцевъ.

[6]) Затворяться.

[7]) Накричалъ.

[8]) Оттуда.

[9]) Держать себя.

и не хотять помогаты другымъ биднымъ людямъ». Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ пишлы шляхомъ [1]) и на поли полягалы спочываты, ажъ прибигъ до ныхъ вовкъ, тай просыть Бога: «дай мини, Господы, що појисты; бо я цилые сутки нычого не јивъ и дуже охлявъ [2]) зъ голоду». Богъ выслухавъ цее, тай говорыть: «пиды, вовче, въ село; тамъ есть найбиднища вдова-мужычка, що мы въ неи ночувалы; у неи есть одна тильки ряба корова, то визьмы ту корову тай изъјижъ». А св. Мыколай начавъ просыть Бога: «Господы мылостивый! нащо-жъ обиждаты бидную вдову, нехай вовкъ не бере въ неи послиднёй коровы, бо вона буде гирько плакать и мучытьця; а лучше нехай вовкъ возме яку-ныбудь скотыну у того богатыря [3]), дѣ мы булы на высильи, бо винъ богатый чоловикъ та ще й дуже скупый». А Богъ каже: «не можно такъ! нехай возме корову у самой теи бидной вдовы; нехай вона до время плаче та гирько бидуе [4]). бо вона на симъ свити талану не мае». Отъ вовкъ побигъ до неи, а воны полягалы спаты. Св. Мыколай и ставъ жаловаты бидной вдовы, тай начавъ винъ придумуваты, якъ-бы ухытрытьця и помогты для неи, а дали надумавъ и подывывся, що Богъ уже спыть (а Богъ все знае, та навмысне буцимъ [5]) спыть), отъ св. Мыколай взявъ та мерщій [6]) побигъ на випереймы [7]) вовка другою стороною, щобъ вмазаты вдовыну корову болотомъ [8]), щобъ та корова була чорна, а не ряба, щобъ не зъјивъ јiи вовкъ. И якъ прибигъ туды св. Мыколай, отъ скорійще болотомъ и обмазавъ ту корову, такъ що вона зробылась

---

[1]) Дорогою.

[2]) Ослабѣлъ (Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 16).

[3]) Богача (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр. 3).

[4]) Бѣдствуетъ.

[5]) Притворился будто?

[6]) Скорѣе.

[7]) Чтобы обогнать, опередить волка.

[8]) Т. е. грязью.

чорна, тай заразъ вернувся назадъ до Бога. А Богъ скоро вставъ буцимъ ничого не знае, и каже до св. Петра и Мыколая: «а що вставайте уже, та ходымъ». И тильки що хотилы воны идты дальше, ажъ зновъ прибигъ до ныхъ той самый вовкъ и каже: «ныма, Господы, у теи бидной вдовы рябой коровы, а тильки есть у неи одна чорна». Отъ Богъ все уже знае, тай каже: «ну такъ изъјижъ ту чорну корову». А св. Мыколай бачить, що ничого не вдie [1]), тай замовчавъ. Отъ вовкъ побигъ до чорной коровы, а Богъ зъ Петромъ и Мыколаемъ началы идты шляхомъ. Отъ идуть воны та идуть, ажъ катытьця противъ ныхъ бочка, а св. Мыколай пытае: «що це таке, Господы, катытьця и куды?» Господь одвичае: «це катытьця бочка съ сребромъ и златомъ до того богатыря, що мы булы у нёго на высильи, бо такiй јого таланъ и така јого доля; алы все јого счастя буде на симъ свити!» А св. Мыколай давай просить, каже: «Господы мылостывый, удилы-жъ съ цей бочки або зъ макитерку [2]) для теи бидной вдовы, дѣ мы ночувалы; въ неи-жъ вовкъ и послиднюю корову зъјивъ». А Богъ одвичае: «ни, того не можно! бо цей таланъ данъ одному тильки тому богатырови». Отъ св. Мыколай вже замовчавъ, и началы идты дальше; ишли та ишли, ажъ св. Мыколай захотивъ дуже пыты воды тай каже: «ахъ, якъ мыни хочетця пыть!» А Богъ говорыть јому: «колысь я проходывъ чрезъ оцей яръ, що недалеко видъ насъ выдно, тамъ я бачывъ крыныцю [3]). Иды туда, тай напьешся воды». Колы пишовъ св. Мыколай туда въ яръ, ажъ тамъ коло крыныци побачывъ такого богацько темнаго та спраго страшеннаго гаду, такого сердытаго, що ажъ кышыть; отъ винъ злякався [4]) дуже тай насылу звиттыля

[1]) Не сдѣлаетъ.

[2]) Макитра—глиняной сосудъ, горшокъ.

[3]) Колодецъ, родникъ.

[4]) Испугался. (Словарь малор. Чужбинскаго, стр. 167).

утикъ [1]). А Богъ пытае: «чого ты, Мыколаю, такъ ныначе злякався, ажъ поблиднивъ съ переполоху [2]), и мабудь [3]) не пывъ воды?» А св. Мыколай одвичае: «не могъ я напытьця, та ще й якъ побачывъ, що тамъ есть такого богацько страшеннаго гаду, то насылу я звиттыля утикъ». Отъ Богъ выслухавъ цее тай сказавъ: «ну, ходымъ же дали!» И прошлы воны дальше зъ пятыро гинъ [4]), або бильше, тай Богъ зновъ каже до св. Мыколая: «иды у цей другый ярокъ, тамъ повная буде крыныця; то вже тамъ напьесся воды». Отъ св. Мыколай пишовъ туда; колы надходыть въ той яръ, ажъ тамъ побачывъ такiй ще гиршый гадъ, та такого-жъ јого превеликая сыла и дуже богацько, та ще й далеко злищiй, якъ попереду бачывъ, такъ що ныначе горыть трава. И св. Мыколай завсимъ перелякався та побиливъ, и насылу велыку звиттыль утикъ, такъ ныначе на јому волосья и одежа загорилася! И прiйшовъ до Бога тай съ переляху [5]) насылу разсказавъ, що не можно тамъ напытысь воды, бо ще й гиршей тамъ есть гадъ и далеко злищiй отъ першого гаду, що винъ бачывъ попереду. А Богъ каже: «ну колы такъ, то ходымъ же дальше». Отъ воны пошлы дальше и довго ишлы, ажъ побачылы вдали третiй ярокъ ныначе съ садкомъ; тай Богъ каже: «ну иды-жъ, Мыколаю, въ той ярокъ, дѣ бачышъ—садокъ выдно, а вже тамъ певне [6]) напьесся воды». Колы св. Мыколай пишовъ туда, ажъ тамъ такая прихорошая крыныця зъ пригожою водою, а надъ тею крыныцею и скрызь тамъ такiи разнiи, прихорошiи, пахнючiи цвиткы та ягоды,

[1]) Убѣжалъ.

[2]) Съ испугу. (Труды общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 310).

[3]) Можетъ быть.

[4]) Вмѣсто: *гоней* (*гони*—мѣра разстоянiя; смотри Малоросск. словарь Чужбинскаго, стр. 76).

[5]) Съ испугу; *лякъ*—испугъ (см. Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13).

[6]) Навѣрно, непримѣнно.

яблуки, хвыги, мындалы, розынки [1]) и всякая овощь, а птыци такъ хороше спивають та щебечуть разными голосами, и таке все тамъ занымательне, що й сказаты и прописаты не можно. Отъ св. Мыколай не знавъ, що й робыты, чы воду пыты, чы любоватыся та прыглядуватысь; напьетця трохы пахнючой воды, тай оставыть пыты, та все разглядае. И винъ трычи такъ потрохы пывъ тую воду, та все разглядувавъ, и не щувся [2]) — що винъ не въ примиту пробувъ тамъ цилыхъ тры рокы [3]), якъ ныначе одну мынуту тамъ бувъ. Ажъ прыходыть туды Господь Богъ тай каже јому: «що це ты, Мыколаю, такъ довго тутъ сыдышъ, що прошло тому тры рокы, якъ ты пишовъ сюды пыть воды?» И каже Богъ: «а я тебе не дождався тай покынувъ, и далеко уже я выходывъ съ пивъ-свита, покы зновъ до тебе вернувся». Отъ св. Мыколай выслухавши цее, тай одвичае: «Господы мылостывый! що це таке значыть, що коло передніщыхъ двохъ крыныць, куды я попереду ходывъ пыть воды, есть тамъ богацько страшеннаго гаду, що й прыступыть страшно; а тутынька въ третимъ яру такъ дуже прихорошая крыныця зъ водою и все тутынька росте дуже гарная пахнючая всякая всячина, що й не можно налюбоватысь и наслухатьця птычаго щебетаня, що й любуйся, прислухайся тай ще того хочитця?» — А Богъ одвичае јому: «оце-жъ знай, що передніщый яръ, дѣ ты бачывъ богацько злого страшнаго гаду, то тее мисто называитця пекломъ и воно опредиляно для того богатыря, що мы булы у нёго на высильи, а другій яръ, дѣ есть еще гиршій пристрашенный гадъ, то также приготовано пекло для жинки того-же богача, бо јого жинка ище гирша видъ свого чоловика [4]); а якъ воны не вмилы въ счастіи

[1]) Изюмъ (Труды общ. любит. рос. словесности, кн. VII, стр. 313).
[2]) Почувствовалъ.
[3]) Года.
[4]) Мужа.

жыты, добре шановатысь, и не хотилы помогаты биднымъ людямъ, то за тее по смерти будуть вично мучытьця въ тыхъ пеклахъ. А оце третій яръ, дѣ ты, Мыколаю, пывъ воду, тай довго такъ тутъ забарывся [1]) черезъ тее, що тутынька дуже хороше, называетця рай, опредиляный для теи бидной вдовы, що мы въ неи ночувалы, бо вона на симъ свити цилый викъ гирько бидовала, терпила та плакала, но була добрая жинка и честнàя, — то за тее по смерти буде маты въ симъ раю вичное прибогатое счастье. Отъ бачь, якъ то робытця; будь добрый чоловиче, не вповай на земнее счастье, та любы биднызъ и старайся, небоже, — то, якъ кажуть, Богъ въ симъ и будущимъ вику поможе!» — (Записана въ васильковскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля.)

4. ИСЦѢЛЕНІЕ.

Вотъ видишь ли, скажу тваёй миласти, былъ адинъ священникъ бяднѣющій, пребяднѣющій. Приходъ ли у нево былъ больна (очень) малый, али какъ тебѣ сказать, правду молвить: што иное, толька, слышъ, все малился Богу, кабы въ достаткѣ-та быть паоправнѣе. Вотъ онъ всё малился, ды малился, день и ночь малился, и Николу миласливава прасилъ всё, кабы справица. Анъ нѣтъ — лихъ! не даётъ Богъ ему счастья. Вотъ онъ пашолъ изъ дому, куды глаза глядятъ; шолъ-шолъ, всё шолъ, и увидалъ онъ: возля дароги сидятъ двоя съ сумками, какъ и онъ пѣшіе — ну, знашъ, присѣли атдахнуть. Адинъ-атъ малодинькай съ бароткай, а другой-атъ сѣдинькай старичокъ. Адинъ-атъ, знашъ, былъ самъ Христосъ, а другой-атъ Ни-

[1]) Замѣшкался (Слов. малоросс. Чужбинскаго, стр. 7).

кола миласливай. Вотъ онъ абрадавался, патшолъ къ нимъ и гаваритъ: «ну, братцы! вы, какъ и я-же, пѣшкомъ идёте; кто вы дискать таковы?» Ани ему сказали: «мы ворожецы, знахари, и варажить умѣемъ и лѣчимъ».—Ну, слышъ, нельзя ли вамъ взять и меня съ сабою. «Пайдемъ, гаварятъ ему, толька матряй (смотри)—всё по́-равну дѣлить».—Зна́ма дѣла, што по́равну. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани всѣ троя вмѣсти. Шли ани, шли, устали и зашли начавать въ избушку. Попъ-атъ всё у себя съ вечеру съѣлъ, што, знашъ, была у нево съѣснова. А у Христа съ Николай миласливымъ была адна лишъ прасвирачка, и ту палажили ани на полачку у абразовъ да другова дни. На утро попъ всталъ; захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украт(д)кай ту прасвирачку и съѣлъ. Христосъ атъ схватился прасвирачки, анъ-лихъ нѣтъ её! «Хто, слышъ, маю прасвирачку съѣлъ?» гаваритъ папу. Онъ заперся, сказалъ: «знать не знаю, я не ѣлъ». Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Встали, вышли изъ избушки и пашли апять; шли ани, шли, и пришли въ адинъ го́ратъ. Вотъ малодинькай съ бароткай знахарь, знашъ—Христосъ-атъ и гаваритъ: «въ эвтамъ гараду у багатава де барина есть бальная дочь; нихто не смохъ её излѣчить, айда́те-ка [1]) мы къ нему». Пришли ани къ таму барину, стали стучатца у нево падъ акномъ: «пусти-ка насъ; мы, слышъ, вылѣчимъ тваю дочь». Вотъ пустили ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ лѣчить сваю дочь; ани взяли её и павели въ баню. Привели въ баню, и Христосъ-атъ всеё её разрѣзалъ на части: ана и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части её, взялъ и перемылъ всеё на́ всеё въ трёхъ вадахъ. Перемылъ въ трёхъ вадахъ и слажилъ её всеё вмѣсти па прежняму, какъ была. Слажилъ вмѣсти, и спрыснулъ разъ—ана сраслась; спрыснулъ въ другой—ана пашевелилась;

¹) Пойдемте. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 2).

спрыснулъ въ третій—ана встала. Привели её къ атцу; ана, знашъ, и гаваритъ: «я ва всёмъ здарова па прежняму». Вотъ баринъ тотъ ихъ вдоваль сыто на́ сыто всѣмъ накармилъ и напаилъ. Попъ ѣлъ, ѣлъ, насилу съ мѣста всталъ, а тѣ, знашъ, Христосъ-атъ ды Никола миласливай немношка закусили, и сыты. Вотъ пасля́ баринъ-атъ аткрылъ имъ сундукъ съ деньгами: «ну, слышъ, берите, сколька душѣ вашей угодна». Вотъ Христосъ взялъ горсточку, ды Никола миласливай другую; а попъ началъ савать вездѣ себѣ, и въ карманы, и за пазуху, и въ суму, и въ сапаги — и́льно [1]) вездѣ была по́лна.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та пашли ани апять въ дарогу; шли, шли, и пришли къ рѣчкѣ. Христосъ съ Николай миласливымъ разомъ перешли легоханька, а попъ-атъ съ деньгами шолъ-шолъ па вадѣ-та и началъ была тануть. Съ другова-та берегу Христосъ съ Николай миласливымъ кричатъ ему: «брось, брось деньги! брось, слышъ, деньги! а то утонишь». — Нѣтъ, гаваритъ; хоть утану, а ихъ не брошу. «Брось, брось деньги! а то захлебнёшься, помрёшь.» — Нѣтъ, умру — не брошу! гаваритъ попъ, и каё-какъ перебрёлъ онъ съ деньгами-та черезъ рѣчку. И сѣли всѣ троя на бережокъ. Христосъ-атъ и гаваритъ папу: «давай деньги-та дѣлить». А попъ не даётъ: «эвта маи деньги! Вы што не брали себѣ больше? я чуть бы́ла не утанулъ съ ними, а вы гаварили: брось ихъ». — А уговоръ-атъ, сказалъ Христосъ, вить лутча денихъ. Вотъ попъ сталъ выкладывать сваи деньги въ кучу, и Христосъ съ Николай миласливымъ слажили сваи туды-жа. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та сталъ Христосъ дѣлить деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Попъ-атъ гаваритъ: «насъ де троя; каму кладешь ты ищо четвёртую

¹) Такъ что (ibidem, стр. 74).

долю?» — Четвёртая доля таму, гаваритъ Христосъ, хто маю прасвирачку съѣлъ. «Я, слышъ, её съѣлъ!» патхватилъ попъ. Вотъ Христосъ-атъ съ Николай миласливымъ усмѣхнулись. «Ну, кали ты маю прасвирачку съѣлъ, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки денихъ. Ды вотъ и маю вазьми себѣ-же», гаваритъ Христосъ. «И маю, слышъ, кучку вазьми себѣ», гаваритъ Никола миласливай. — Ну, таперь у тебя многа денихъ! ступай дамой, а мы пайдёмъ адни.

Попъ-атъ взялъ всѣ деньги и пашолъ адинъ. Пашолъ, знашъ, и думаетъ: чѣмъ дискать мнѣ дамой идти, лутча пайду я адинъ лѣчить; я таперь съумѣю — видѣлъ, какъ лѣчутъ. Вотъ онъ шолъ-шолъ, пришолъ въ гòратъ и проситца къ аднаму багатаму купцу: узналъ, знашъ, што у нево есть дочь бальная, и нихто её не мохъ излѣчить. Проситца къ багатаму купцу: «пустите меня, я вашу бальную дочь вылѣчу». Пустили ево. Онъ, знашъ, увѣрилъ ихъ, што вылѣчитъ. Ну харашо, такъ таму дѣлу и быть: вылѣчитъ, такъ вылѣчитъ! Вотъ выпрасилъ онъ бальшой нош(ж)ъ вострай, и павёлъ бальную въ баню, и началъ её рѣзать на части: знашъ, видѣлъ — какъ Христосъ-атъ рѣзалъ. Толька нука кричать эвта бальная; кричала, кричала, што ни есть мочи! «Не кричи, слышъ, не кричи, будишь здарова!» Вотъ изрѣзалъ её зàмертво на части, и началъ её перемывать въ трёхъ вадахъ. Перемылъ и началъ складывать апять, какъ былà па прежняму; анъ-лихъ не складываетца ана па прежняму. Вотъ онъ мучился, мучился надъ нею, каё-какъ слажилъ. Слажилъ и спрыснулъ разъ—анъ, слышъ, ана не срастаетца; спрыснулъ въ другой — нѣтъ толку; спрыснулъ въ третiй — всё, знашъ, бéзъ толку. «Ну, бѣда мая! прапалъ я таперь! угажу на висилицу, либа матряй въ Сибирь на катаргу!» Началъ плакать и малѝтца Богу и Николѣ миласливаму, штоп(б)ъ паслали ему апять тѣхъ знахарей. И видитъ въ акошка, што

идутъ къ нему въ баню тѣ знахари: малодинькай съ бароткай и сѣдинькай старичокъ. Вотъ какъ абрадавался имъ! Бухъ имъ въ ноги: «батюшки маи! будьте атцы радные! Взялся я лѣчить па вашему, ды не выходитъ...» А эвти знахари апять, знашъ, были Христосъ и Никола миласливай. Взашли, усмѣхнулись и гаварятъ: «ты бóльна скора выучился лѣчить-та!» Вотъ Христосъ-атъ взялъ мертваю всеё па частя̀мъ перемылъ, ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, па прежняму, какъ была, и спрыснулъ разъ — ана срaслась, спрыснулъ въ другой — ана пашевелилась, спрыснулъ въ третiй — ана встала. Вотъ попъ-атъ перекрестился: «ну, слава тебѣ, Господи! уш(ж)ъ вотъ какъ рат(д)ъ — сказать нельзя!» — Вазьми, сказалъ Христосъ, и атведи её таперь къ атцу; ды матряй, больше не лѣчи! — крѣпко-нàкрѣпко наказалъ ему: а не то прападёшь! Вотъ знахари тѣ: Христосъ и Никола миласливай пашли са дварà, а попъ-атъ привёлъ её къ атцу: «я её, слышъ, излѣчилъ». Дочь сказала атцу, што ана таперь здарова па прежняму. Купецъ нука ево паить, кармить. угаваривать, штопъ астался онъ у нево-та. «Нѣтъ, не астанусь!» Вотъ купецъ ему денихъ далъ вдоваль, лошать съ павоскай, и попъ ушъ пря̀ма паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станитъ. — (Записана въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губернiи.)

5. ПОПЪ - ЗАВИДУЩIЕ ГЛАЗА.

Въ приходѣ святаго Николы жилъ одинъ попъ. У этого попа глаза были самые поповскiе. Служилъ онъ Николѣ нѣсколько лѣтъ, до того дослужилъ, что не осталось у него ни кола-ни двора, ни хлѣба, ни прiюта. Собралъ нашъ попъ всѣ ключи церковные, увидѣлъ икону Николы, съ горя ударилъ

его по плеши ключами и пошелъ изъ своего прихода, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ путемъ-дорогой. Вдругъ па́лся (попался) ему на стрѣту (на встрѣчу) незна́мой человѣкъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ! сказалъ онъ попу. Куда идешь и откуда? Возьми меня къ себѣ въ товарищи.» Вотъ и пошли они вмѣстя̀хъ. Шли, шли они нѣсколько верстъ, пріустали; пора отдохнуть. У попа было въ рясѣ немного сухариковъ, а у принятаго товарища двѣ просвирки. Попъ говоритъ ему: «давай съѣдимъ прежде твои просвирки, а тамъ примемся и за сухари». — Ладно, говоритъ ему незна́мый, съѣдимъ просвирки мои, а твои сухари оставимъ на-по́слѣ. Вотъ они ѣли-ѣли просвирки; оба наѣлись досыта, а просвирки не убывали. Попу стало завидно. «Семъ-ка, думаетъ онъ, я у него украду ихъ.» Старичекъ послѣ обѣда легъ отдохнуть, а попъ всё смѣкаетъ, какъ-бы украсть у него просвирки? Заснулъ старичекъ. Попъ стянулъ у него изъ кармана просвирки; сидитъ да ѣстъ въ-тихомолку. Проснулся старичекъ, хватился просвирокъ своихъ — нѣту ихъ! «Гдѣ мои просвирки? вскрычалъ онъ; кто съѣлъ ихъ? ты, попъ?» — Нѣтъ, право не я, сказалъ ему попъ. «Ну ладно!»

Вотъ встряхнулись они, пошли опять путемъ-дорогой. Идутъ, идутъ; вдругъ дорога разсѣкается на двѣ ро́зстани [1]). Вотъ они пошли оба въ одну сторону. Дошли до какого-то царства. Въ этомъ царствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитья̀-полбытья̀-полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируютсе*, до́хтурами называются. Выходили изъ царскаго дворца слуги и спрашивали ихъ: «что́ вы за́ люди? изъ

[1]) Розстань—мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ; перекрестокъ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 192.)

какихъ родовъ, изъ какихъ городовъ? что вамъ на́доть?» — Мы, говорятъ они, до́хтуры; можемъ царевну вылѣчить. «Ну, коли до́хтуры, заходите въ палату.» Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попросили у царя особой избы, обре́за воды, вострой сабли, большаго стола. Царь всё это далъ имъ. Заперлись они въ особую избу, клали царевну на большой столъ, разсѣкали её вострой саблей на мелкія части, кидали въ обрезъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штукѣ; какъ старичекъ дунетъ, такъ штука съ штукой и склеиваются. Склалъ онъ всѣ штуки какъ на́доть, въ послѣдній разъ дунулъ — царевна встрепенулась и встала жива и здрава. Приходитъ самъ царь къ избѣ и̇хной и говоритъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — Аминь! отвѣчаютъ ему. «Вылѣчили-ль царевну?» спрашиваетъ царь.— Вылѣчили, говорятъ до́хтуры; вотъ она! Царевна вышла къ царю жива и здрава. Царь говоритъ до́хтурамъ: «что хотите вы отъ добра́? злата ли, серебра ли? берите». Вотъ они начали брать злато и серебро; старичекъ берётъ пя̀сточкой [1]), а попъ горсточкой и всё кладётъ въ сумку свою; покладётъ, покладётъ, да поприздыма̀ётъ [2]): заберётъ ли его могута̀ [3]). Потомъ они распростились съ царемъ и пошли. Старичекъ говоритъ попу: «эти мы деньги въ землю складёмъ, а сами опять лѣчить пойдёмъ». Вотъ они шли, шли; дошли опять до другаго царства. Въ этомъ царствѣ у царя была тоже при смерти дочь, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитья̀-полбытья̀-полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируютсе*, до́хтурами называются... (Повторяется слово въ слово тотъ-же разсказъ объ излѣченіи царевны.)

[1]) Щепоткой, тремя пальцами (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 185).
[2]) Да приподниметъ (ibidem, стр. 177).
[3]) Возьметъ ли его сила (ibidem, стр. 114).

Приходятъ они опять въ третіе царство, въ которомъ тоже царевна при смерти, и царь обѣщалъ тому, кто ее вылѣчитъ, полжитья-полбытья-полцарства, а не вылѣчитъ—голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Завиднаго попа мучитъ лукавый: какъ-бы не сказать старичку, а вылѣчить одному, серебро и злато захватить одному бы? Противъ царскихъ воротъ ходитъ попъ, *палируется*, дохтуромъ называется. Такимъ-же образомъ проситъ у царя особой избы, обрѣза воды, большаго стола, вострой сабли. Заперся онъ въ особую избу, клалъ царевну на столъ, рубилъ вострой саблей, и какъ царевна ни крычала, какъ ни визжала, попъ, не глядя ни на крыкъ, ни на визгъ, знай рубитъ да рубитъ, словно говядину. Разрубилъ онъ ее на мелкія части, скидалъ въ обрезъ, мылъ, полоскалъ, склалъ штука къ штукѣ, также какъ дѣлалъ старичекъ; глядитъ, какъ будутъ склеиваться всѣ штуки. Какъ дунетъ—такъ нѣтъ ничего! опять дунетъ—хуже того! Вотъ попъ ну опять складывать штуки въ воду; мылъ-мылъ, полоскалъ-полоскалъ, и опять приложилъ штука къ штукѣ; дунетъ—всё нѣтъ ничего! «Ахти *мнѣциньки!* думаетъ попъ, бѣда!» Поутру приходитъ царь и видитъ: никакихъ нѣтъ успѣховъ у дохтура; всё тѣло смѣшалъ съ дрянью. Царь велѣлъ дохтура въ петлю. Взмолился нашъ попъ: «царь, вольной человѣкъ! оставь меня на мало время; я сбѣгаю за старичкомъ, онъ вылѣчитъ царевну». Побѣгъ попъ старичка искать; нашелъ старичка, и говоритъ: «старичекъ! виноватъ я окаянный; попуталъ меня бѣсъ: хотѣлъ я одинъ вылѣчить у царя дочь, да не могъ; хотятъ меня вѣшать. Помоги мнѣ!» Пошелъ старичекъ съ попомъ. Повели попа въ петлю. Старичекъ говоритъ попу: «попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?»—Право не я, ей Богу не я! Взвели его на другую ступеньку. Старичекъ говоритъ попу: «попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?»—Право не я, ей Богу не я! Взвели на третью, опять: не я! Сейчасъ голову въ петлю, и всё: не

я! Ну, нечего дѣлать! Старичекъ говоритъ царю: «царь, вольной человѣкъ! позволь мнѣ царевну вылѣчить; а если не вылѣчу, вели вѣшать другую петлю: мнѣ петля, и попу петля!» Вотъ старичекъ склалъ куски тѣла царевнина штука къ штукѣ, дунулъ—и царевна встала жива и здрава. Царь наградилъ ихъ обоихъ серебромъ и златомъ. «Пойдёмъ же, попъ, деньги дѣлить», сказалъ старикъ. Пошли. Склали всѣ деньги на три кучки. Попъ глядитъ: «какъ-же! насъ двое, кому-же третья-то часть?»—А это тому, сказалъ старичекъ, кто съѣлъ у меня просвирки. «Я съѣлъ, старичекъ! вскрычалъ попъ; право я, ей Богу я!»—Ну на тебѣ и деньги, да возьми и мои. Служи вѣрно въ своемъ приходѣ, не жадничай, да не бей ключами Николу по плеши,—сказалъ старичекъ и вдругъ сталъ невидимъ [1]).—(Записана въ шенкурскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи, г. Н. Борисовымъ.)

6. ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Жиу адзинъ багаты чалавѣкъ, други бѣдны; багаты—банкетъ [2]), а бѣдны ницъ (ничего) не мѣу. Прыходзиць да багатаго дзѣдъ и просицца на́ начъ, дый каже: «гаспадарокъ (хозяинъ), мой галубокъ! ци пусьциу бы ты мене на́ начъ?» Іонъ ницъ не дау яму̀, да й гордо атказау: «у мене, каже, никали не начавали ни убогіе, ни бѣдные, ни падарожные; дакъ и ты не будзешъ начаваць. Идзи у тую хату, што небамъ пакрыта; тамъ заусіоды начуюць бѣдные, убогіе и падарожные, то и ты тамъ будзешъ начаваць. Цебе тамъ пусьцяць!» Старикъ

---

[1]) *Варіантъ:* «Ну впередъ-же не бей ключами Николу-угодника; вотъ какъ прошибъ ты мнѣ голову!»

[2]) Пиръ (т. е. задаетъ).

каже: «гаспадарокъ, мой галубокъ! пакажы, гдзѣ тая хата, што небамъ пакрыта?» Гаспадаръ вышоу паказываць: «да вонъ дзѣ тая хата небамъ пакрыта, гдзѣ начуюць бѣдные, убогіе и падарожные; тамъ и цебе пусьцяць.» Дакъ дзѣдъ пагладзиу (погладилъ) гаспадара па галавѣ, и той гаспадаръ стау каніомъ.

Просицца дзѣдъ у бѣднаго на́ начъ и каже: «гаспадарокъ, мой галубокъ! пусьци мене на́ начъ». — Можно, дзѣдку! у мене начуюць убогіе, бѣдные и падарожные. «Кали, гаспадарокъ, я з' каніомъ.» Дакъ іонъ каже: «дзѣдку! у мене поставиць нима гдзѣ, и сѣна нима, чаго даць яму̀ ѣсць». Дзѣдъ каже: «я-бъ на дварѣ паставиу, кастрыцы [1]) падкинуу, дакъ и будзе ѣсць!» Дакъ бѣдны павіоу каня и паставиу на дварѣ, а дзѣдъ пашоу самъ у хату. На-заутра, якъ дзѣдъ адхадзиу, каже: «дарую я табѣ гэтаго каня на твае сирацтво» [2]). Гаспадаръ зачау яму̀ дзякаваць [3]), и каже да жонки: «жонко! возьміомъ и вывазимъ хату». И вывазили хату [4]).

Апяць прышоу дзѣдъ на́ начъ, дакъ той гаспадаръ не пусьциу. «Я той самы стары, а ты мене не пазнау!» И узяу изноу пагладзиу таго каня па галавѣ, и стау іонъ чоловѣкомъ; а бѣдны безъ каня зноу зробиуся бѣднымъ. (Записана въ новогрудскомъ уѣздѣ, гродненской губерніи, старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ.)

---

[1]) Труха, остающаяся послѣ льна и конопли. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 91.)

[2]) На бѣдность, сиротство.

[3]) Благодарить (Этнограф. сборн., вып. 2-ii, стр. 116).

[4]) Т. е. навозили лѣсу на новую избу. — Объясняя эту легенду, г. Дмитріевъ говоритъ: «На другой годъ странникъ (дѣдъ, въ видѣ котораго являлся самъ Господь) во второй разъ приходитъ къ бѣдняку, гладитъ подареннаго имъ коня, и онъ снова обращается въ богача, который послѣ этого превращенія заказываетъ навсегда и себѣ и дѣтямъ своимъ гордиться, и велитъ всегда помогать бѣднымъ.»

7. ПИВО И ХЛѢБЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатой крестьянинъ; много у него было и денегъ, и хлѣба. И давалъ онъ по всей деревнѣ бѣднымъ мужичкамъ въ займы: деньги давалъ изъ процентовъ, а коли дастъ хлѣба, то весь сполна возврати на лѣто, да сверхъ того за каждый четверикъ два дня ему проработай на̀ полѣ. Вотъ разъ случилось: подходитъ храмовой праздникъ, и стали мужички варить къ празднику пиво; только въ этой самой деревнѣ былъ одинъ мужикъ да такой бѣдной, что скуднѣй его во всемъ околодкѣ не было. Сидитъ онъ вечеромъ, наканунѣ праздника, въ своей избёнкѣ съ женою и думаетъ: «что дѣлать? люди добрые станутъ гулять, веселиться; а у насъ въ домѣ нѣтъ ни куска хлѣба! Пошелъ бы къ богачу попросить въ долгъ, да вѣдь не повѣритъ; да и что съ меня, горемычнаго, взять послѣ?» Подумалъ-подумалъ, приподнялся съ лавки, сталъ передъ образомъ и воздохнулъ тяжелёхонько. «Господи! говоритъ, прости меня грѣшнаго; и масла-та купить нѐ на что, чтобъ лампадку передъ иконою затеплить къ празднику!» Вотъ немного погодя приходитъ къ нему въ избушку старецъ: «здравствуй, хозяинъ!» — Здорово, старичекъ! «Нельзя-ль у тебя переночевать?» — Для̀ чего нельзя! ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нѣтъ ни куска въ домѣ, и покормить тебя нечѣмъ. «Ничего, хозяинъ! у меня есть съ собой три кусочка хлѣбушка, а ты дай ковшикъ водицы: вотъ я хлѣбцемъ-то закушу, а водицей прихлебну — тѣмъ сытъ и буду.» Сѣлъ старикъ на лавку и говоритъ: «что, хозяинъ, такъ пріунылъ? о чемъ запечалился?» — Эхъ,

старина! отвѣчаетъ хозяинъ; какъ не тужить мнѣ? вотъ далъ Богъ — дождались мы праздника, люди добрые станутъ радоваться да веселиться, а у насъ съ женою хоть шаромъ покати, — кругомъ пусто! «Ну, что-жъ! говоритъ старикъ, пойди къ богатому мужику, да попроси у него въ долгъ что̀ надо.» — Нѣтъ, не пойду; все равно не дастъ! «Ступай! пристаетъ старикъ, иди смѣло и проси у него четверикъ солоду; мы съ тобой пива наваримъ.» — Э, старичекъ! теперича поздно; когда тутъ пиво варить? вить праздникъ-то завтра. «Ужь я тебѣ сказываю: ступай къ богатому мужику и проси четверикъ солоду; онъ тебѣ съ-разу дастъ! небось, не откажетъ! А завтра къ обѣду такое пиво у насъ будетъ, какого во всей деревнѣ никогда не бывало!» Нечего дѣлать, собрался бѣднякъ, взялъ мѣшокъ подъ мышку и пошелъ къ богатому. Приходитъ къ нему въ избу, кланяется, величаетъ по имени и отечеству, и проситъ въ заёмъ четверикъ солоду: хочу де къ празднику пива сварить. «Что-жь ты прежде-та думалъ! говоритъ ему богатой. Когда теперича варить? вить до праздника всего на̀ всего одна ночь осталась.» — Ничего, родимой! отвѣчаетъ бѣдной; коли милость твоя будетъ, мы какъ-нибудь сваримъ себѣ съ женою, будемъ вдвоемъ пить да величать праздникъ. Богатой на́бралъ ему четверикъ солоду и насыпалъ въ мѣшокъ; бѣдной поднялъ мѣшокъ на плечи и понёсъ домой. Воротился и разсказалъ, какъ и что было. «Ну, хозяинъ! молвилъ старикъ, будетъ и у тебя праздникъ. А что есть ли на твоёмъ дворѣ колодезь?» — Есть, говоритъ мужикъ. «Ну, вотъ мы въ твоёмъ колодезѣ и наваримъ пива; бери мѣшокъ да ступай за мною.» Вышли они на дворъ, и прямо къ колодезю. «Высыпай-ка сюда!» говоритъ старикъ. — Какъ можно такое добро въ колодезь сыпать! отвѣчаетъ хозяинъ; только одинъ четверикъ и есть, да и тотъ зада́ромъ должо̀нъ пропасть! Хорошаго ничего мы не сдѣлаемъ, только воду сму-

тимъ. «Слушай меня, все хорошо будетъ!» Что дѣлать, вывалилъ хозяинъ въ колодезь весь свой солодъ. «Ну, сказалъ старецъ, была вода въ колодезѣ, сдѣлайся за́ ночь пивомъ!... Теперь, хозяинъ, пойдемъ въ избу да ляжемъ спать, — утро мудренѣе вечера; а завтра къ обѣду поспѣетъ такое пиво, что съ одного стакана пьянъ будешь.» Вотъ дождались утра; подходитъ время къ обѣду, старикъ и говоритъ: «ну, хозяинъ! теперича доставай ты побольше ушатовъ, станови кругомъ колодезя и наливай пивомъ полнёхоньки, да и зови всѣхъ, кого ни завидишь, пить пиво похмѣльное». Бросился мужикъ по сосѣдямъ. «Начто тебѣ ушаты понадобились?» спрашиваютъ его. — Очѐнно, говоритъ, нужно; нѐ во что пива сливать. Вздивовались сосѣди: что такое значитъ! не съ ума ли онъ спятилъ? куска хлѣба нѣтъ въ домѣ, а еще о пивѣ хлопочетъ! — Вотъ хорошо, набралъ мужикъ ушатовъ двадцать, поставилъ кругомъ колодезя и сталъ наливать — и такое сдѣлалось пиво, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Налилъ всѣ ушаты полнымъ-полнёхоньки, а въ колодезѣ словно ничего не убыло. И сталъ онъ кричать, гостей на дворъ зазывать: «эй, православные! пожалуйте ко мнѣ пить пиво похмѣльное; вотъ пиво — такъ пиво!» Смотритъ народъ, что за диво такое? вишь налилъ изъ колодезя воды, а зоветъ на пиво; да(й)-ка зайдемъ, посмотримъ, на каку̀ это хитрость онъ поднялся? Вотъ повалили мужики къ ушатамъ, стали черпать ковшикомъ, пиво пробовать; очѐнно показалось имъ это пиво: «отродясь де такого не пивали!» И нашло народу полонъ дворъ. А хозяинъ не жалѣетъ, знай себѣ черпаетъ изъ колодезя да всѣхъ сплошь и угощаетъ. Услыхалъ про то богатой мужикъ, пришелъ къ бѣдному на дворъ, попробовалъ пива, и зачалъ просить бѣднаго: «научи де меня, какой хитростью сотворилъ ты эдакое пиво?» — Да тутъ нѣтъ никакой хитрости, отвѣчалъ бѣдной; дѣло самое про-

стое, — какъ принёсъ я отъ тебя четверикъ солоду, такъ прямо и высыпалъ его въ колодезь: была де вода, сдѣлайся за́ ночь пивомъ! «Ну, хорошо же! думаетъ богатой, только ворочусь домой, такъ и сдѣлаю.» Вотъ приходитъ онъ домой и приказываетъ своимъ работникамъ таскать изъ анбара самой что̀ ни есть лучшій солодъ и сыпать въ колодезь. Какъ взялись работники таскать изъ анбара, и впёрли въ колодезь кулей десять солоду. «Ну, думаетъ богатой, пиво-то у меня будетъ получше, чѣмъ у бѣднаго!» Вотъ на другое утро вышелъ богатой на дворъ и поскорѣй къ колодезю, почерпнулъ и смотритъ: какъ была вода — такъ и есть вода! только мутнѣе стала. «Что такое! должно быть мало солоду положили; надо прибавить», думаетъ богатой и велѣлъ своимъ работникамъ еще кулей пять ввалить въ колодезь. Высыпали они и въ другой разъ; не тутъ-то было, ничего не помогаетъ! весь солодъ зада́ромъ пропалъ. Да какъ прошелъ праздникъ, и у бѣднаго осталась въ колодезѣ только сущая вода; пива все равно какъ не бывало.

Опять приходитъ старецъ къ бѣдному мужику, и спрашиваетъ: «послушай, хозяинъ! сѣялъ ли ты хлѣбъ-атъ нынѣшнимъ годомъ?» — Нѣтъ, дѣдушка, ни зерна не сѣялъ! «Ну, ступай же теперича опять къ богатому мужику и проси у него по четверику всякаго хлѣба; мы съ тобой поѣдимъ на́ поле да и посѣемъ.» — Какъ теперича сѣять? отвѣчаетъ бѣдной; вѣдь на дворѣ зима трескучая! «Не твоя забота! дѣлай, что приказываю. Наварилъ тебѣ пива, насѣю и хлѣба!» Собрался бѣдной, пошелъ опять къ богатому и выпросилъ у него въ долгъ по четверику всякаго зерна. Воротился и говоритъ старику: «все готово, дѣдушка!» Вотъ вышли они на́ поле, розыскали по примѣтамъ мужикову полосу — и давай разбрасывать зерно по бѣлому снѣгу. Все разбросали. «Теперича, сказалъ старикъ бѣдному, ступай домой и дожидай лѣта: будешь и ты

съ хлѣбомъ!» Только пришелъ бѣдной мужикъ въ свою деревню, какъ провѣдали про него всѣ крестьяне, что онъ сере́дь зимы хлѣбъ сѣялъ; смѣются съ него — да и только: «эка онъ, сердечной, хватился когда сѣять! осенью небось не догадался!» Ну хорошо; дождалися весны, сдѣлалась теплынь, снѣга растаяли и пошли зеленые всходы. «Да(й)-ка, вздумалъ бѣдной, пойду—посмотрю, что на моей землѣ дѣлается.» Приходитъ на свою полосу, смотритъ, а тамъ такіе всходы, что̀ душа ни нарадуется! на чужихъ десятинахъ и вполовину не такъ хороши. «Слава тебѣ, Господи! говоритъ мужикъ, теперича и я поправлюсь.» Вотъ пришло время жатвы; начали добрые люди убирать съ поля хлѣбъ. Собрался и бѣдной, хлопочетъ съ своею женою, и никакъ не сможетъ управиться; принужденъ созывать къ себѣ на жнитво рабочій народъ и отдавать свой хлѣбъ изъ половины. Дивуются всѣ мужики бѣдному: земли онъ не пахалъ, сѣялъ середь зимы, а хлѣбъ у него выросъ такой славной. Управился бѣдной мужикъ и зажилъ себѣ безъ нужды; коли что надо по хозяйству — поѣдитъ онъ въ городъ, продастъ хлѣба четверть, другую, и купитъ что̀ знаетъ; а долгъ свой богатому мужику сполна заплатилъ. Вотъ богатой и думаетъ: «да(й)-ка и я зимой посѣю; авось и на моей полосѣ уродится такой-же славной хлѣбъ». Дождался того самаго дня, въ которой сѣялъ бѣдной мужикъ прошлымъ годомъ, навалилъ въ сани нѣсколько четвертей разнаго хлѣба, выѣхалъ въ поле и давай сѣять по̀ снѣгу. Засѣялъ все поле; только поднялась къ ночи погода, подули сильные вѣтры и свѣяли съ его земли все зерно на чужія полосы. Вотъ и весна красна; пошелъ богатой на́ поле и видитъ: пусто и голо на его землѣ, ни одного всхода не видать, а возлѣ на чужихъ полосахъ, гдѣ ни пахано, ни сѣяно, поднялись такія зеленя́, что любо-дорого! И раздумался богатой: «Господи! много издержалъ я на семена—всё нѣтъ толку; а вотъ у моихъ должниковъ ни паха-

но, ни сѣяно — а хлѣбъ самъ собой ростетъ! Должно быть я — великой грѣшникъ!» (Изъ собранія В. И. Даля.)

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Одинъ старикъ, умирая, завѣщалъ своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ яицъ христосоваться съ нищіей братіей, хоть и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ сра́мной нищій, и позвалъ его парень на́ домъ къ себѣ разговѣться. Какъ увидала мать нищаго, больно осерчала: «лучше, говоритъ, со псомъ разговѣться, нежели съ такимъ срамнымъ старикомъ!» — и не стала разговляться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣлись и пошли отдохнуть. И видитъ сынъ: на старикѣ одёжонка плохинькая, а крестъ какъ жаръ горитъ. «Давай, говоритъ старецъ, крестами мѣняться; будь ты мнѣ братъ крестовый!» — Нѣтъ, братъ! отвѣчаетъ парень, коли я захочу — такъ куплю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять. Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой. «А дорога, говоритъ, — вонъ ступай по той дорожкѣ; скажи только: благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня.»

Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: «благослови, Господи!» и пустился въ путь-дорогу. Прошелъ немного — и слышитъ дѣтскіе голоса. «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прошелъ еще немного — и видитъ: дѣвицы изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ. «Христовъ братецъ, говорятъ

онѣ ему, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идётъ онъ дальше — и видитъ тынъ, а подъ тѣмъ тыномъ виднѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идётъ все дальше и дальше — и вотъ усмотрѣлъ того самаго старца, съ которымъ вмѣстѣ онъ разговлялся. Старецъ у него спрашиваетъ: «не видалъ ли чего по дорогѣ?» Парень разсказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говоритъ старецъ — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. «За что-жъ, Господи, младенцы мучатся?» — Ихъ мать во чревѣ прокляла, имъ въ рай и пройдти нельзя! «А дѣвицы?» — Онѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду! «А старики?» — Какъ жили они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ всё равно — хоть тынъ нами подпирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подъ тыномъ. Потомъ повёлъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужику и выйдти оттудова не хотѣлось!) А послѣ повёлъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онъ и сталъ просить Христа: «помилуй ее, Господи!» Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно ужь Господь такъ далъ! Приноситъ ко Христу. «Ну, говоритъ онъ, ты вилъ эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудился за свою мать — вытащи ее изъ ада.» Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смолѣ кипучей, Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужь за голову ее схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: «ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалась и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. «Не хотѣла она, сказалъ Христосъ, и

тутъ воздержать своего сердца; пусть-же сидитъ въ аду вѣки вѣчные!» (Доставлена отъ П. В. Кирѣевскаго.)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Какъ во городѣ, во Ерусалимѣ,
При царѣ было, при Ѳедорѣ,
При царицѣ было, при Софеѣ,
Породила она Ѳедору три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Выходитъ изъ той земли, изъ жидовскія,
Жидовскія, босурманскія,
Ца́рища Мартемьянища.
Полонилъ онъ у Ѳедора три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Злодѣй-ца́рища Мартемьянища
Святому Егорію глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
Святой Егорій глаголуетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу. царю небесному!»
Злодѣй–ца́рища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:

Повелѣлъ Егорія въ топоры рубить.
Не добре Егорія топоры берутъ,
У топоровъ лезвея посломалися
Отъ святаго тѣла Егорьева.
Злодѣй-ца́рища Мартемьянища
Святому Егорію глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
Святой Егорій глаголуетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу.
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-ца́рища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорія во смолѣ варить.
Не добре Егорія смола беретъ,
И поверхъ смолы Егорій плаваетъ,
Самъ стихи поетъ херувимскіе,
Онъ гласы гласитъ все евангельскіе.
Злодѣй-ца́рища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорія во пилы пилить.
Не добре Егорія пилы берутъ,
У пилъ зубья поломалися

От святаго тѣла отъ Егорьева.
Злодѣй-ца́рища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорію сапоги ковать желѣзные,
Становить на плиты на чугунныя, на каленыя.
Не добре Егорія сапоги берутъ,
Въ сапогахъ стоитъ —
Самъ стихи поетъ херувимскіе,
А гласы гласитъ все евангельскіе.
Злодѣй-ца́рища Мартемьянища
Святому Егорію глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
Святой Егорій глаголуетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-ца́рища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорію погреба копать,
Погреба копать ему глубокіе —
Длины погребъ сорокъ сажень,
Ширины погребъ тридцать сажень,
Глубины погребъ двадцать сажень;
Садилъ Егорія во глубокій погребъ,

А самъ собака приговариваетъ:
«Не бывать Егорію на святой Руси,
Не видать Егорію солнца краснаго,
Не слыхать Егорію будетъ звону колокольнаго,
Не слыхать Егорію будетъ четья, пѣтья [1]) церковнаго!»
Защитилъ онъ щитомъ дубовымъ,
Задвига́лъ онъ досками чугунными,
Засыпа́лъ онъ песками рудожолтыми.
Какъ по Божіему повелѣнію, по Егорьеву умоленію
Подымалися вѣтры буйные со святой Руси,
Со святой Руси — погода и со вихоремъ;
Разносили пески рудожолтые,
Раздвигали доски чугунныя,
Разметали щиты всѣ дубовые.
Выходитъ Егорій на святую Русь,
Идетъ во свой во Ерусалимъ-градъ.
Ерусалимъ-градъ — онъ пустъ стоитъ;
Однѣ церкви!... и стоитъ одна
Церковь Божія соборная, богомольная:
Во той во церкви его матушка,
Святая Софея премудрая,
На святыя иконы Богу молится;
Молитва ея къ Богу доносится.
Увидѣла она Егорія Харабраго,
Называла милымъ чадомъ,
А сама говоритъ таково слово:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
Ты бери себѣ коня сиваго
Со двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ,

---

[1]) Чтенія и пѣнья.

Поѣзжай ты во чисто поле.»
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
Еще Егорій наѣзжаючи
На тѣ лѣса на дремучіе, —
Древо съ древомъ совивалося,
Къ сырой земли(ѣ) приклонялося.
Не добре Егорію льзя проѣхати,
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ вы гой еси, лѣса темные,
Лѣса темные и дремучіе!
Разойдитеся лѣса по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному.»
Разошлися лѣса по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На тѣ горы на высокія, на толкучія, —
Гора съ горою сойдется, не разойдется.
Не добре Егорію льзя проѣхати,
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ вы гой еси, горы толкучія!
Разойдитеся горы по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
Ужь вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному.»
Разошлися горы по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На то стадо на звѣриное, на змѣиное;
Не добре Егорію льзя проѣхати,
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ вы гой еси, звѣри свирѣпые!
Разойдитеся звѣри по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному.»
Разошлися звѣри по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На то стадо на змѣиное,
На змѣиное, на звѣриное, —
Пасутъ то стадо три пастыря,
Три милыя сёстры.
Не добре Егорію льзя проѣхати;
Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
Слѣзаетъ онъ со бѣла осла (коня?),
Беретъ онъ свое (с)кипетро вострое [1]),
И побилъ онъ все стадо змѣиное,
Все змѣиное, все звѣриное;
А самъ говоритъ таково слово:
«Охъ вы гой еси, три пастыря,
Три милыя сёстры!
Вы подите во свой во Ерусалимъ-градъ

---

[1]) За этимъ стихомъ въ подлинномъ спискѣ слѣдуютъ еще два:
Строгалъ онъ во стружачи, во мелкіе,
Обратилися стружачи — калены стрѣлы.

И купайтеся во Іорданѣ-рѣкѣ;
Набралися всѣ вы духа нечистаго,
Духа нечистаго, босурманскаго.»
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На тѣ ворота кесарійскія, іерусалимскія, —
На воротахъ сидитъ Острафилъ-птица,
Во когтяхъ держитъ осетра-рыбу.
Не добре Егорію льзя проѣхати,
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, матушка Острафилъ-птица!
Ты не вѣруй сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А ты вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному.
Полети-жъ ты, птица, на сини моря,
Пей и ѣшь повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное,
И дѣтей води на синёмъ морѣ.»
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На того злодѣя-царища Мартемьянища;
Увидѣлъ онъ собака Егорія Харабраго,
Закричалъ онъ собака по звѣриному,
Засвисталъ онъ собака по змѣиному.
Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
Слѣзаетъ онъ со бѣла осла,
Беретъ онъ свою палицу желѣзную,
Поразилъ онъ тута царища Мартемьянища.
Потопила Егорія кровь жидовская,

Кровь жидовская, босурманская;
По колѣна во кровѣ(и) стоитъ —
Святый Егорій глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, матушка сыра земля!
Пріими въ себя кровь жидовскую,
Кровь жидовскую, босурманскую.»
Разступилася матушка сыра земля
На двѣ стороны, на четыре четверти,
Пожрала въ себя кровь жидовскую,
Кровь жидовскую, босурманскую.
Живучи Егорій мучился на вольномъ свѣтѣ,
Отъ грѣховъ своихъ очистился.
Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

(Изъ собранія В. И. Даля; записана въ Сорокинской пристани, екатеринбургскаго уѣзда, пермской губерніи.)

10. ИЛЬЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Давно было; жилъ-былъ мужикъ. Николинъ день завсегда почиталъ, а въ Ильинъ нѣтъ-нѣтъ, да и работàть станетъ; Николѣ-угоднику и молебенъ отслужитъ, и свѣчку поставитъ, а про Илью-пророка и думать забылъ.

Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николой полемъ этого самаго мужика; идутъ они да смотрятъ — на нивѣ зеленя̀ стоятъ такія славныя, что̀ душа ни нарадуется. «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай! говоритъ Никола. Да и мужикъ-то, право, хорошій, доброй, набожной; Бога помнитъ и святыхъ знаетъ! Къ рукамъ добро достанется...» — А вотъ посмотримъ, отвѣчалъ Илья; еще много ли достанется! Какъ

спалю я молніей, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ мужикъ твой правду знать, да Ильинъ день почитать. — Поспорили-поспорили и разошлись въ разныя стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: «продай, говоритъ, поскорѣе ильинскому батькѣ весь свой хлѣбъ на корню; не то ничего не останется, всё градомъ повыбьетъ». Бросился мужикъ къ попу: «не купишь ли, батюшка, хлѣба на корню? все поле продамъ; такая нужда въ деньгахъ приключилась, что̀ вынь да положь! Купи, отецъ! за дёшево отдамъ». Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужикъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ ливнемъ и градомъ разразилась надъ нивою мужика, весь хлѣбъ какъ ножемъ срѣзала — не оставила ни единой былинки. На другой день идетъ мимо Илья-пророкъ съ Николою; и говоритъ Илья: «посмотри, каково разорилъ я мужиково поле!» — Мужиково? Нѣтъ, братъ! разорилъ ты хорошо, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково. «Какъ попа?» — Да такъ; мужикъ — съ недѣлю будетъ — какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги всѣ сполна получилъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ! «Постой-же, сказалъ Илья-пророкъ; я опять поправлю ниву, будетъ она вдвое лучше прежняго.» Поговорили и пошли всякой своей дорогою. Никола-угодникъ опять къ мужику: «ступай, говоритъ, къ попу, выкупай поле — въ убыткѣ не будешь». Пошелъ мужикъ къ попу, кланяется и говоритъ: «вижу, батюшка, наслалъ Господь Богъ несчастіе на тебя—все поле градомъ выбито, хоть шаръ покати! Такъ ужь и быть, давай пополамъ грѣхъ: я беру назадъ свое поле, а тебѣ на бѣдность вотъ половина твоихъ денегъ.» Попъ обрадовался, и тотчасъ они по рукамъ ударили.

Межъ тѣмъ — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; отъ старыхъ корней пошли новые свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то и дѣло носятся надъ нивою и поятъ землю; чудный уродился хлѣбъ — высокой да частой: сорной травы совсѣмъ не видать; а колосъ налился полной-полной, такъ и гнётся къ землѣ. Пригрѣло солнышко, и созрѣла рожь — словно золотая стоитъ въ полѣ. Много нажалъ мужикъ сноповъ, много наклалъ копенъ; ужь собрался возить, да въ скирды складывать. На ту пору идетъ опять мимо Илья-пророкъ съ Николою. Весело оглянулъ онъ все поле и говоритъ: «посмотри, Никола, какая благодать! Вотъ такъ наградилъ я попа, по вѣкъ свой не забудетъ...» — Попа?! Нѣтъ, братъ! благодать-то велика, да вѣдь поле это — мужиково; попъ тутъ ни при чемъ останется. «Что ты!» — Пра̀вое слово! Какъ выбило градомъ всю ниву, мужикъ пошелъ къ ильинскому батькѣ и выкупилъ ее назадъ за половинную цѣну. «Постой-же! сказалъ Илья-пророкъ; я отниму у хлѣба всю спорынью: сколько бы ни наклалъ мужикъ сноповъ, больше четверика за-разъ не вымолотитъ.» — Плохо дѣло! думаетъ Никола-угодникъ; сейчасъ отправился къ мужику: «смотри, говоритъ, какъ станешь хлѣбъ молотить, больше одного снопа за-разъ не клади на токъ».

Сталъ мужикъ молотить: что̀ ни снопъ, то и четверикъ зерна. Всѣ закрома, всѣ клети набилъ рожью, а все еще остается много; поставилъ онъ новые анбары и насыпалъ полнёхоньки. Вотъ идетъ какъ-то Илья пророкъ съ Николою мимо его двора, посмотрѣлъ туда-сюда и говоритъ: «ишь какіе анбары вывелъ! что-то насыпать въ нихъ станетъ?»—Они ужь полнёхоньки, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. «Да откуда-же взялъ мужикъ столько хлѣба?» — Эва! у него всякой снопъ далъ по четверику зерна; какъ зачалъ молотить, онъ все по одному снопу клалъ на токъ. «Э, братъ Никола! догадался

Илья-пророкъ; это все ты мужику пересказываешь.» — Ну, вотъ выдумалъ; стану я пересказывать... «Какъ тамъ хочешь, а ужъ это твое дѣло! Ну, будетъ-же меня мужикъ помнить!» — Чтожъ ты ему сдѣлаешь? «А что̀ сдѣлаю, того тебѣ не скажу.» — Вотъ когда бѣда, такъ бѣда приходитъ! думаетъ Никола-угодникъ, и опять къ мужику: купи, говоритъ, двѣ свѣчи большую да малую, и сдѣлай то-то и то-то.

Вотъ на другой день идутъ вмѣстѣ Илья-пророкъ и Никола-угодникъ въ видѣ странниковъ, и попадается имъ на встрѣчу мужикъ: несетъ двѣ восковыя свѣчи — одну большую рублевую, а другую копѣечную. «Куда, мужичекъ, путь держишь?» спрашиваетъ его Никола-угодникъ. «Да вотъ иду свѣчку рублевую поставить Ильѣ-пророку; ужь такой былъ милостивой ко мнѣ! Градомъ поле выбило, такъ онъ батюшка постарался, да вдвое лучше прежняго далъ урожай.» — А копѣечная-то свѣча на что? «Ну, эта Николѣ!» Сказалъ мужикъ и пошелъ дальше. «Вотъ ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь самъ видишь, какая это правда!»

На томъ дѣло и покончилось; смиловался Илья-пророкъ, пересталъ мужику бѣдою грозить; а мужикъ зажилъ припѣваючи, и сталъ съ той поры одинаково почитать и Ильинъ день, и Николинъ день. — (Записана со словъ крестьянина ярославской губерніи.)

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогѣ. Знамо, какія у насъ дороги; а тутъ еще случилось осенью — такъ и говорить нечего! Мимо идетъ Касьянъ-угодникъ. Мужикъ не узналъ его и давай просить: «помоги, родимой, возъ вытащить!» — Поди ты! сказалъ ему Касьянъ-угодникъ, есть мнѣ когда съ вами валяндаться! Да и пошелъ своею дорогою. Немного спустя идетъ тутъ-же Никола-угодникъ. «Батюшка, завопилъ опять мужикъ, батюшка! помоги мнѣ возъ вытащить.» Никола-угодникъ и помогъ ему.

Вотъ пришли Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай. «Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ?» спросилъ Богъ — Я былъ на землѣ, отвѣчалъ тотъ; прилучилось мнѣ идти мимо мужика, у котораго возъ завязъ; онъ просилъ меня: помоги, говоритъ, возъ вытащить; да я не сталъ марать райскаго платья. «Ну, а ты гдѣ такъ выпачкался?» спросилъ Богъ у Николы угодника. — Я былъ на землѣ; шелъ по тойже дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ, отвѣчалъ Никола-угодникъ. «Слушай, Касьянъ! сказалъ тогда Богъ; не помогъ ты мужику — за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ! за то, что помогъ мужику возъ вытащить — будутъ служить молебны два раза въ годъ.» Съ тѣхъ поръ такъ и сдѣлалось: Касьяну въ високосный только годъ служатъ молебны, а Николѣ два раза въ годъ. (Записана въ орловскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

12. ЗОЛОТОЕ СТРЕМЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ одинъ цыганъ, была у него жена и семеро дѣтей [1]), и дожилъ онъ до того, что ни ѣсть, ни пить нечего — нѣтъ ни куска хлѣба! Работать-то онъ лѣнится, а воровать боится;

---

[1]) *Варіантъ:* Жилъ-былъ бѣдной мужикъ Нестерка, а дѣтей у него шестерка.

что дѣлать? Вотъ вышелъ цыганъ на дорогу и стоитъ въ раздумьи. На ту пору ѣдетъ Егорій Храбрый [1]). «Здорово! говоритъ цыганъ; куды ѣдешь?» — Къ Богу. «Зачѣмъ?» — За приказомъ: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять. «Доложи и про меня Господу, говоритъ цыганъ; чѣмъ велитъ мнѣ питаться?» — Хорошо, доложу! отвѣчалъ Егорій и поѣхалъ своей дорогой. Вотъ цыганъ ждалъ его, ждалъ, и только завидѣлъ, что Егорій ѣдетъ назадъ, сейчасъ и спрашиваетъ: «чтожъ доложилъ про меня?» — Нѣтъ, говоритъ Егорій. «Чтожъ такъ?» — Забылъ! — Вотъ и въ другой разъ вышелъ цыганъ на дорогу, и опять повстрѣчалъ Егорія: ѣдетъ онъ къ Богу за приказомъ. Цыганъ и проситъ: «доложи де про меня!» — Хорошо, сказалъ Егорій — и опять позабылъ. Вышелъ цыганъ и въ третій разъ на дорогу, увидалъ Егорія и снова проситъ: «скажи де про меня Богу!» — Хорошо, скажу. «Да ты, пожалуй, забудешь?» — Нѣтъ, не забуду. Только цыганъ не вѣритъ: «дай, говоритъ, мнѣ твое золотое стремено (стремя) я подержу, пока ты назадъ вернешься; а безъ того ты позабудешь». Егорій отвязалъ золотое стремено, отдалъ цыгану, а самъ объ одномъ стременѣ поѣхалъ дальше. Пріѣхалъ къ Богу и сталъ спрашивать: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять? Получилъ приказъ и хотѣлъ было назадъ ѣхать; только сталъ на лошадь садиться, глянулъ на стремено и вспомнилъ про цыгана. Воротился къ Богу и говоритъ: «попался мнѣ еще на дорогѣ цыганъ и наказалъ спросить: чѣмъ ему питаться?» — А цыгану, говоритъ Господь, то и промыселъ, коли у кого что̀ возьметъ да утаитъ; его дѣло обмануть да выбожить! Сѣлъ Егорій на коня и пріѣхалъ къ цыгану: «ну, правду ты, цыганъ, сказывалъ! колибъ нѐ взялъ ты стремено̀, совсѣмъ бы забылъ про тебя». — То-то и есть! сказалъ цыганъ; теперь по вѣкъ меня не забудешь, какъ только глянешь на стремено̀ — сейчасъ меня помянешь. Ну, что Господь-то сказалъ? «А то и сказалъ: коли у кого что̀ возьмешь — утаишь да забожишь, твое и будетъ!» — Спасибо, молвилъ цыганъ, поклонился и повернулъ домой. «Куда-жъ ты? сказалъ Егорій; отдай мое золотое стремено̀.» — Какое стремено̀? «Да ты же у меня взялъ?» — Когда я у тебя бралъ? я тебя впервòй вижу, и никакого стремена́ не бралъ, ей Богу, не бралъ! забожился цыганъ.

[1]) Въ одномъ спискѣ вмѣсто Егорія выведенъ св. Петръ.

Что дѣлать — бился съ нимъ, бился Егорій, такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ! «Ну правду сказывалъ цыганъ: коли-бъ не давалъ ему стремена̀ — и не зналъ бы его, а теперь по вѣкъ помнить буду!»

Цыганъ взялъ золотое стремено̀ и пошелъ продавать. Идетъ дорогою, а на встрѣчу ему ѣдетъ баринъ. «Что, цыганъ, продаешь стремено̀?» — Продаю. «Что возьмешь?» — Полторы тысячи рублевъ. «Зачѣмъ такъ дорого?» — Затѣмъ, что оно золотое. «Ну, ладно!» сказалъ баринъ; хватился въ карманъ — нѣтъ больше тысячи. «Вотъ тебѣ, цыганъ, тысяча — отдавай стремено̀; а остальныя деньги напослѣдяхъ получишь.» — Нѣтъ, баринъ; тысячу-то рублевъ, пожалуй, я возьму, а стремена́ не отдамъ; какъ дошлешь что̀ слѣдуетъ по уговору, тогда и товаръ получишь. Баринъ отдалъ ему тысячу и поѣхалъ домой. И только пріѣхалъ — сейчасъ-же вынулъ пятьсотъ рублевъ и послалъ къ цыгану съ своимъ человѣкомъ: «отдай, говоритъ, эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стремено̀». Вотъ приходитъ барской человѣкъ въ избу къ цыгану. «Здорово, цыганъ!» — Здорово, доброй человѣкъ! «Я привёзъ тебѣ деньги отъ барина.» — Ну давай, коли привёзъ. Взялъ цыганъ пятьсотъ рублевъ и давай поить его виномъ; напоилъ до̀-сыта! Какъ напоилъ до̀-сыта, сталъ барской человѣкъ собираться домой и говоритъ цыгану:

«давай же золотое стремено». — Какое? «Да то, что барину продалъ!» — Когда продалъ? у меня никакого стремена не было. «Ну, подавай назадъ деньги!» — Какія деньги? «Да я сейчасъ отдалъ тебѣ пятьсотъ рублевъ.» — Никакихъ денегъ я не видалъ, ей Богу, не видалъ! еще самого тебя Христа ради поилъ, не то что брать съ тебя деньги! — Такъ и отперся цыганъ. Только услыхалъ про то баринъ, сейчасъ поскакалъ къ цыгану: «чтожъ ты, воръ эдакой, деньги забралъ, а золотаго стремена не отдаешь?» — Да какое стремено? ну, ты самъ, баринъ, разсуди, какъ можно, чтобъ у эдакаго мужика-сѣряка да было золотое стремено! — Вотъ баринъ съ нимъ возился-возился, ничего не беретъ. «Поѣдемъ, говоритъ, судиться.» — Пожалуй, отвѣчаетъ цыганъ; только подумай, какъ мнѣ съ тобой ѣхать-то? ты какъ есть баринъ, а я мужикъ-вахлакъ! Наряди-ка напередъ меня въ хорошую одёжу, да и поѣдемъ вмѣстѣ.

Баринъ нарядилъ его въ свою одёжу, и поѣхали они въ городъ судиться. Вотъ пріѣхали въ судъ; баринъ говоритъ: «купилъ я у этого цыгана золотое стремено; онъ деньги-то забралъ, а стремена не отдаетъ». А цыганъ говоритъ: «господа судьи! сами подумайте, откудова возьмется у мужика-сѣряка золотое стремено? у меня дома и хлѣба-то нѣту! Не вѣдаю, чего этому барину надо отъ меня? Онъ, пожалуй, скажетъ, что на мнѣ и одёжа-то его!» — Да таки моя! закричалъ баринъ. «Вотъ видите, господа судьи!» Тѣмъ дѣло и кончено; поѣхалъ баринъ домой ни съ чѣмъ, а цыганъ сталъ себѣ жить да поживать, да добра наживать [1]. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

---

[1]) *Варіантъ:* Только что уѣхалъ Егорій, мужикъ Нестерка продалъ золотое стремено да купилъ себѣ хлѣба и всякаго харчу, и съ той поры завсегда у кого что ни возьметъ — а ужь непримѣнно затаитъ и забожитъ.

13. ПЯТНИЦА.

Када-та адна баба ни пачла [1]) матушку Пятницу и учла (начала) прядиво мыкать да вертѣть. Прапряла она да абѣда, и вдругъ сонъ на неё нашолъ — такой магучай сонъ! Уснула ана, вдругъ атварилась дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница въ-очью всѣмъ, въ бѣломъ шушунѣ [2]), да сердитая такая! и шмых(г)ъ пряма къ бабѣ, ще пряла-та. Набрала въ горсть кастрики съ пола, какая атлятала-та атъ мочекъ [3]), и ну пасыпать ей глаза, и ну пасыпать! пасыпала да и была такава: паминай какъ звали! Ничаго и ня молвила, сярдешная. Та баба какъ праснулась, такъ и взвыла благимъ матамъ атъ глазъ, и ни вѣдая, атъ чаго ани забалѣли. Другія (бабы) сидя(тъ) въ ужасьи и учали вапить: «ухъ ты, акаянная! заслужила казнь лютую атъ матушки Пятницы» — и сказали ей всё, ще было. Та баба слушала-слушала и ну прасить: «матушка Пятница! взмилуйся мнѣ, памилуй меня грѣшную; паставлю те(тебѣ) свѣчку, и другу-недругу закажу абижать те(тебя), матушка!» И ще-жъ ты думаешь? Ночью, вишь, апять прихадила ана и выбила изъ глазъ у той бабы кастру-та, и ана апять встала. Грѣхъ великай абижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да прясть! — (Записана въ липецкомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи сельскимъ учителемъ Елисѣемъ Сабуровымъ.)

---

[1]) Не почтила.

[2]) Женская одежда (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 269).

[3]) Мочка — прядь льна или поскони (ibidem, стр. 117).

14. О НОѢ ПРАВЕДНОМЪ.

Заставилъ Гасподь слипова ды бизрукыва караулить садъ. Бизрукый яблыка ни дастанить, слипой ни на́йдить. Паспѣли яблыки, пашли духѝ сладкiи. «Малый, какъ-жа намъ яблычка пакушить?» — Садись вирхомъ на мине, а я пыдвизу къ яблынки. Слипой нарвалъ пазуху яблыкъ. Бизрукый у̀зрилъ Бога, драгнулъ атъ яблынки бѣжать. Слипой атъ плечъ (онъ за̀ пличи диржалси — вирхомъ на бизрукымъ) атарвалси, ударилси абъ земь, ды-й абмёръ. Гасподь прихо̀дить: «бизрукый, идѣ слипой?» — Омырыкъ яво́ ашибъ. Гасподь приходить къ слипому: «слипой, съ чаво-жъ ты абмёръ? абманываишь ты мине, слипой! ни омырыкъ тибе ушибъ, ты съ пличей убилси съ бизрукыва!» — Абманулъ я тибе, Госпыди! прасти мине. Прастилъ слипова, ды-й пашолъ.

Сыбралис караульщики, на варата́хъ стаять. Идѣть дьявылъ: «здрастуйти, рибята! што-жъ вы яблыкъ ни јидитя?»— Какъ-жа намъ ихъ ѣсть? у мине рукъ нѣту, у ниво глазъ. Я ни дастану! — А я ни найду! «Плохи-жъ вы, рибята, кады въ саду яблыкъ ни јидитя.» — Мы ни ухитримси, какъ ихъ ѣсть! «Эка, какъ? бизрукый пади ударьси абъ яблыню, а слипой надбери!» Яблынки были насажины другъ атъ друга па сажню. Бизрукый какъ ударилси абъ яблыню — увесь тотъ садъ абтрёсъ. Слипой лёгъ на пуза, прикаталъ усю траву — всё яблыки искалъ. Ну, Гасподь приходить: «караульщики, хто-жъ у васъ садъ абтрёсъ?» — Вѣтиръ паднялси, увесь садъ абтрёсъ! «Атъ чаво-жа яблыни пазавяли?» — Атъ яснава со(л)нца! «Атъ чаво-жа нижнiи бака́ напрѣли?» — Атъ сильныва дожжа̀! «А хто-жа у васъ въ саду траву примялъ?»

Слипой гаварить: «у мине животъ балѣлъ, всѐ каталси!» — Врёшь ты, слипой! всё абманываишь мине! Сабралъ Гасподь караульщикавъ, узялъ огнинныи прутьи, выбилъ ихъ огнинными прутьими: «выдитя, праклятыи калѣки, вонъ изъ маиво саду, пабирайтиси по̀ мiру атныни да вѣку!»

Гасподь сказалъ: «дай-жа я сдѣлаю Ноя Правидныва, штобъ у маёмъ у свѣти была правда». Приставилъ сабаку голую караулить Ноя Правидныва: «сматри-жъ ты, сабака, никаво ни пущай сматрѣть маиво Ноя Правидныва!» Приходить дьявылъ къ сабаки: «пусти мине, сабака, Ноя Правиднывa пысматрѣть!» — Мнѣ Гасподь ни вилѣлъ никаво пущать. «Хатя ты ни пущаишь мине Ноя Правидныва пысматрѣть, а я тибѣ дамъ шубу и на руки и на̀ ныги: придеть зима, придуть марозы — ни на̀дыть тибѣ избы.» Далъ дьявылъ сабаки шубу; сабака пустила дьявыла пысматрѣть Ноя Правидныва. Дьявылъ ахаркылъ, апливалъ Ноя Правидныва; сталъ Ной синiй, зиленый, дурной... странно на Ноя глидѣть стало! «Штожъ ты, сабака, да Ноя дьявыла дапустила? штожъ я тибѣ гаварилъ!» — А штожъ ты мине безъ шубы приставилъ? «Штобъ ты цирковныва звону ни слыхала, у Божiй храмъ ни хадила!» Взялъ Гасподь, апаслѝ той сабаки, Ноя вывырызалъ (sic): аплёвыныя, ахо̀ркыныя въ сирёдку... Изъ Ноевыва рибра сдѣлалъ Гасподь жину Евгу. «Ну, Ной съ Евгаю Правидныи! усѣ плады ѣштя; аднаво плада ни трогайтя, вотъ съ той-та яблынки.» Евга гаварить: «Ной Правидный! атъ чаво-жъ эта такъ Богъ гаварить: усѣ плады ѣштя, а съ аднаво ни трогайтя? Давай пакушаимъ!» Съѣли па яблычку, па разу укусили... другъ друга зыстыдились: Евга пыдъ лапухъ, а Ной пыдъ другой, другъ атъ друга схаранилиси. Приходить Гасподь: «Ной Правидный! игдѣ ты?» — Я во̀тынъ! «Иди ка мнѣ!»—Я нагъ! Ной гаварить; Госпыди! сатвари намъ адёжу. Вышли ани къ ниму̀; выбилъ ихъ Гасподь огнинными прутьими, выгналъ изъ саду вонъ!

Выслымши изъ саду Ноя Правидныва, умилилси Гасподь. «Ной Правидный, гаварить, у насъ будить чиризъ три года патопа; штобы ты въ три года кавшегъ выстраилъ. Ной Правидный! кавшегъ строй, да жинѣ ни сказывай што строишь!» Пашолъ Ной Правидный у рощу строить кавшегъ; строить годъ, строить два. Дьявылъ приходить: «Ной Правидный, што дѣлаишь?» — Развѣ ты слипой? ты видишь, што я дѣлаю! «Я вижу, што ты строишь, ды ня знаю!» — И ни вѐляна тибѣ знать! Дьявылъ ударилси изъ рощи къ Ноивый жинѣ, къ Евги: «Евга, успраси ты у мужа, што онъ дѣлаить?» А Ной Правидный жинѣ атказываить: «я такъ па рощи хажу, на древья сматрю, самъ сибе забавляю!» — «Ёнъ ни па рощи гуляить, ёнъ што-й-та рубить!» — Я ни знаю. «Сдѣлай-жа ты квасу, наклади хмѣлю!» — Усхвалилъ самъ сибе Ной: «слава тибѣ, Госпыди! састроилъ сибѣ судно за палгода патопы». Приходить, сталъ кушать: «Евга, нѣтъ ли чаво пакушамши напитца?» Напилси квасу, лёгъ атдыхать. «Ной Правидный! два года ходишь, да мнѣ правды ни скажишь, што-й-та такоя ты рабатáишь?» — Экая ты! Вотъ асталась палгода да первыва мая; у-маимѐсицы, у первымъ числѣ, будить патопа! — Атдахнумши, приходить Ной къ кавшегу: увесь кавшегъ дьявылъ разметалъ. «Экая!... пригряшилъ я дли(я) тибе!» Шесть мѣсицывъ ёнъ јиво сыбиралъ ни пимши, ни ѣмши, и дамой ни хадилъ. Приходить-жа Гасподь: «Ной Правидный, сабирай-жа всякихъ звирьёвъ у кавшегъ па парѣ, и дичи, пладовъ всякихъ». Сабралъ-жа ёнъ звирьёвъ всякихъ, и ужовъ, и пладовъ всякихъ. «Будить, гаварить Гасподь, патопа: затопить и лѣса, и луга, и балóта, и дамà! Будить патопа на двинатцать сутыкъ.» Ной забралъ всё.

Дьявылъ гаварить: «Евга, какъ-жа мнѣ съ табою у кавшегъ залѣсть?» — Я ни знаю! «Разуй лѣваю ногу, да глянь скрозь ноги на мине; а патыль (до тѣхъ поръ) ты ни лѣзь у кавшегъ, пакыль

страшная патопа ни настанить, пакыль вада ни разальётси увиздѣ; ёнъ на тибе закричить: лѣзь ка мнѣ, акаянная, а то утопнишь! Какъ ёнъ тибе акаяннай назавётъ — и я съ табой улѣзу. А датыль не лазій.» Евга глянула скрозь ноги, Ной закричалъ: «лѣзь-жа ты ка мнѣ! лѣзь-жа скарѣя, акаянная!» Какъ сказалъ Ной, дьявылъ какъ сигнетъ (прыгнетъ) у кавшегъ и паплылъ; скинулси (обратился) мышью — кавшегъ пратачилъ. Ужъ узялъ эту дыру галавой и заткнулъ, игдѣ мышь пратачила. Плавыли ани адинатцать сутыкъ па взморью, па этай пы патопи. Паслалъ Ной Правидный ворана: «палити-жа ты, чорнай воранъ, узнай есть вадѣ паниженія, али нѣтъ?» Воранъ литалъ, литалъ, нашолъ пáдла и сталъ кливать на острави. «Идѣ-жъ ты былъ, воранъ?» — Я, гаварить, аташолъ да падла кливалъ! «Какъ-жа ты ни паслушилъ? мы тибе пасылали пысматрѣть вады; вѣдь всякая душа да хвалить Госпыда! будь-жа ты, воранъ, какъ пень гарѣлый; будь-жа у тибе дѣти гадавыи: какъ дитей даждешьси — самъ акалѣй!» Вѣдь какъ воранъ даждетца дитей, выходить, выкормить, — самъ акалѣить; вѣдь ани всѣ калѣють! «Лити-жъ ты, голубь; пысматри-жъ ты патопы: паспадаить ли, прибавляить ли?» Литалъ, литалъ голубь; сутопа сбавила на три аршина, и нашолъ ёнъ такоя мѣста,, хоя, игдѣ можна кавшегу вылѣсти на край. Приплыли х(к)ъ пристыни.

Приходить Гасподь: «што вы живы ли усѣ?» — Слава ти, Госпыди! усѣ живы! «Выходитя-жъ вонъ!» Усѣ вышли; напаслѣдакъ дьявылъ сигъ! «Вотъ, Госпыди, хотѣлъ мине утапить; вѣдь я вóтанъ! я тибе бальшой врагъ!» — Кали-жъ ты мнѣ бальшой врагъ, вазьми-жъ ты мине за руку. Вазьмётъ дьявылъ Госпыда папирёхъ руки, да ни паймаить — руку апустить. «Дай-жа я тибе вазьму за руку!» Какъ вазьмётъ Гасподь дьявыла за руку, — «ой, ой, ой! я буду тибѣ хоть меньшой братъ!» — все, вишь, у братья лѣзить. «Лѣзь-жа ты,

меньшой братъ, у моря, дастань зимли горсть: давай зимлю засивать.» Ани прибились х(к)ъ кургану, а кругомъ все моря стояла. Полѣзъ дьявылъ въ моря, схватилъ зимли горсть, да ни вытащилъ — всиё размыла! Разъ слѣзъ, другой, третій слѣзъ... у читвёртай полѣзъ. «Братъ, гаварить Гасподь, скажи: Госпыди Іисусъ Христосъ!» Сказалъ дьявылъ: Госпыди Іисусъ Христосъ! нырнулъ въ моря и вытащилъ зимли у горсти съ макавыхъ два зирна. «Лѣзь-жа ищо, этай зимли мала!» — Пастой-жа, гаварить самъ сибѣ дьявылъ, я запхаю сибѣ за щику зимли: што Гасподь будить дѣлать, я сибѣ тожа сдѣлаю. Взялъ Гасподь перехрястились, кинулъ зимлю на три стораны: сдѣлались па взморью луга, лѣса, рощи... ровна! «Госпыди, а штожъ за маи труды, какоя будить угоженія?» — Пасажали мы бѣлый свѣтъ; можеть, тибе будуть хвалити, мине поминати; я и тѣмъ буду даволинъ.

«Ну, Ной, живи на зимлѝ, радися, пладися!» — Госпыди, скора-жъ атъ мине атъ аднаво бѣлый свѣтъ нарадитца? Гасподь гаварить: «ты мужика сваляй изъ глины, а гасподъ изъ пшенишнива изъ тѣста». Барзой кабель стаялъ сзади, схватилъ пшенишный комъ да бижать: атъ Варонижа да нашива сила всё аднадворцевъ и. . . . .

. . . .

«Госпыди, я насилилъ народу атъ Варонижа ды Куракина на двѣсти на восемдесятъ вёрстъ. Госпыди, у чомъ-жа намъ жить будить? народу я распладилъ многа!» Гасподь далъ имъ тапоры, срубилъ имъ избы: «живитя, вотъ вамъ избы!» — Госпыди, на чомъ-жа намъ работать? Далъ Гасподь лошадь. «Да чѣмъ-жа јиё абратать?» Гасподь свизалъ обрыть [1]), свизалъ хамутъ. Вотъ спирва сыбралось чилавѣкъ сорыкъ народу абгарнуть (окружить — см. Опытъ обл. словаря, стр. 131) лошадь

[1]) Мочальная или веревочная узда (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 135).

ды загнать въ хамутъ, а тамъ обрыть вздернуть; стали впириди, растапырили хамутъ да обрыть! Гасподь паймалъ лошадь, запрёгъ: «вотъ вамъ, гаварить, изба, лошадь, упряжъ; живитя да мине хвалитя! Вотъ мы таперича живёмъ да и хвалимъ јиво: «слава тибѣ, Госпыди! што усё паказалъ». — (Доставлена П. В. Кирѣевскимъ.)

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРОЙ.

Іисусъ Христосъ, послѣ распятія, сошелъ во адъ и всѣхъ оттуда вывелъ, окромя одного Соломона Премудраго. «Ты, сказалъ ему Христосъ, самъ вы(й)ди своими мудростями!» И остался Соломонъ одинъ въ аду; какъ ему выдти изъ аду? Думалъ-думалъ да и сталъ вить завёртку. Подходитъ къ нему маленькой чертенокъ, да и спрашиваетъ, на что вьетъ онъ веревку безъ конца? «Много будешь знать, отвѣчалъ Соломонъ, будешь старше дѣда своего сатаны! увидишь на что!» Свилъ Соломонъ завёртку, да и сталъ размѣрять ею въ аду. Чертенокъ опять сталъ у него спрашивать, на что онъ адъ размѣряетъ? «Вотъ тутъ монастырь поставлю, говоритъ Соломонъ Премудрой; вотъ тутъ церковь соборную.» Чертенокъ испугался, бѣгомъ побѣжалъ и разсказалъ все дѣду своему сатанѣ, а сатана взялъ да и выгналъ изъ аду Соломона Премудраго. (Записана въ орловскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

а. Одинъ солдатъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ, а отставки ему нѣтъ — какъ нѣтъ! Сталъ онъ думать да гадать: «что такое значитъ? прослужилъ я Богу и великому государю

двадцать пять лѣтъ, въ штрафахъ не бывалъ, а въ отставку не пущаютъ; дай пойду, куды глаза глядятъ!» Думалъ-думалъ и убѣжалъ. Вотъ ходилъ онъ день, и другой, и третій, и повстрѣчался съ Господомъ. Господь его спрашиваетъ: «куда идешь, служба?» — Господи! прослужилъ я двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, вижу: отставки не даютъ — вотъ я и убѣжалъ; иду теперь, куды глаза глядятъ! «Ну, коли ты прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, такъ ступай въ рай — въ царство небесное.» Приходитъ солдатъ въ рай, видитъ благодать неизрѣченную, и думаетъ себѣ: вотъ когда поживу-то! Ну только ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «не продастъ ли кто табаку?» — Какой, служба, табакъ! тутъ рай, царство небесное! Солдатъ замолчалъ. Опять ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ въ другой разъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «не продаютъ ли гдѣ близко вина?» — Ахъ ты, служба-служба! какое тутъ вино! здѣсь рай, царство небесное! . . . .
«Какой тутъ рай: ни табаку, ни вина!» сказалъ солдатъ и ушелъ вонъ изъ раю.

Идетъ себѣ да идетъ, и попался опять на встрѣчу Господу. «Въ какой, говоритъ, рай послалъ ты меня, Господи? ни табаку, ни вина нѣтъ!» — Ну, ступай по лѣвую руку, отвѣчаетъ Господь; тамъ все есть! Солдатъ повернулся налѣво, и пустился въ дорогу. Бѣжитъ нечистая сила: «что угодно, господинъ служба?» — Погоди спрашивать; дай прежде мѣсто, тогда и разговаривай. Вотъ привели солдата въ пекло [1]). «А что табакъ есть?» спрашиваетъ онъ у нечистой силы. — Есть, служивой! «А вино есть?» — И вино есть! «Подавай всего!» Подали ему нечистые трубку съ табакомъ и полуштофъ пер-

[1]) *Варіантъ*: въ адъ.

цовки. Солдатъ пьетъ-гуляетъ, трубку покуриваетъ, и радёхонекъ сталъ: «вотъ взаправду рай — такъ рай!» Да недолго нагулялъ солдатъ; стали его черти со всѣхъ сторонъ прижимать, тошно ему пришлося! Что дѣлать? пустился на выдумки, сдѣлалъ сажень, настрогалъ колышковъ и давай мѣрить: отмѣритъ сажень и вобьетъ колышокъ [1]). Подскочилъ къ нему чортъ: «что ты, служба, дѣлаешь?» — Развѣ ты ослѣпъ! Не видишь что-ли? хочу монастырь построить [2]). Какъ бросится чортъ къ своему дѣдушкѣ: «погляди-тка, дѣдушка, солдатъ хочетъ у насъ монастырь строить!» Дѣдъ вскочилъ и самъ побѣжалъ къ солдату: «что, говоритъ, ты дѣлаешь?» — Развѣ не видишь? хочу монастырь строить. Дѣдъ испугался и побѣжалъ прямо къ Богу: «Господи! какого солдата прислалъ ты въ пекло: хочетъ монастырь у насъ построить!» — А мнѣ что̀ за дѣло! зачѣмъ такихъ къ себѣ при(ни)маете? «Господи! возьми его оттѣдова.» — А какъ его взять-то! самъ пожелалъ. «Ахти! завопилъ дѣдъ, что-же намъ бѣднымъ съ нимъ дѣлать?» — Ступай, сдери съ чертенка кожу и натяни барабанъ, да послѣ выйди изъ пекла и бей тревогу: онъ самъ уйдетъ! Воротился дѣдъ, поймалъ чертенка, содралъ съ него кожу и натянулъ барабанъ. «Смотрите же, наказываетъ чертямъ, какъ выскочитъ солдатъ изъ пекла, сейчасъ запирайте ворота крѣпко-на́крѣпко, а то какъ-бы опять сюда ни ворвался!» Вышелъ дѣдъ за ворота и забилъ тревогу; солдатъ какъ услыхалъ барабанный бой — пустился бѣжать изъ аду сломя голову, словно бѣшеной; всѣхъ чертей распугалъ, и выскочилъ за ворота. Только выскочилъ — ворота хлопъ и заперлися крѣпко-на́крѣпко. Солдатъ осмотрѣлся кругомъ: никого не видать и тревоги не слыхать; пошелъ назадъ и давай стучаться въ пек-

[1]) *Вар.* Взялъ шнуръ, вынулъ изъ ранца кусокъ мѣлу, намѣлилъ шнуръ и сталъ размѣрять пекло.

[2]) *Вар.* Хочу соборъ построить: придетъ табель, некуда и въ парадъ идти!

ло: «отворяйте скорѣе! кричитъ во все горло, ни то ворота сломаю!» — Нѣтъ, братъ, не сломаешь! говорятъ черти. Ступай себѣ, куда хочешь, а мы тебя не пустимъ; мы и такъ насилу тебя выжили!

Повѣсилъ солдатъ голову и побрёлъ, куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ, и повстрѣчалъ Господа. «Куда идешь, служба?» — И самъ не знаю! «Ну, куда, я тебя дѣну? послалъ въ рай — не хорошо! послалъ въ адъ — и тамъ не ужился!» — Господи, поставь меня у своихъ дверей на часахъ. «Ну, становись.» Сталъ солдатъ на часы. Вотъ пришла Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой [1]). Смерть отвѣчаетъ: «иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ». — Погоди, я пойду спрошу. Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила самой старой людъ. Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморитъ; вѣдь они старики». Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай по лѣсамъ и три года точи самые старые дубы» [2]). Заплакала Смерть: «за что Господь на меня прогнѣвался? посылаетъ дубы точить!» И побрела по лѣсамъ, три года точила самые старые дубы; а какъ изошло время — воротилась опять къ Богу за повелѣніемъ. «Зачѣмъ притащилась?» спрашиваетъ солдатъ. — За повелѣніемъ, кого морить Господь прикажетъ. «Погоди, я пойду спрошу.» Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила молодой народъ [3]). Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, по-

---

1) ***Варіантъ:*** Поставилъ Богъ солдата у райскихъ дверей: «смотри, приказываетъ, никого не пропускай!» — Слушаю; стараго солдата нечего учить. Вотъ стоитъ онъ на часахъ, никого не пропускаетъ. Идетъ Смерть. «Кто йдетъ?» окликаетъ солдатъ. — Смерть. «Куда?» — Къ Богу. «Зачѣмъ?»...

2) ***Вар.*** Грызи старой лѣсъ, которой сто лѣтъ на корню простоялъ.

3) ***Вар.*** среднихъ людей.

жалуй, она братьевъ моихъ уморитъ!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точи молодые дубы [1]); такъ Господь приказалъ!» — За что это Господь на меня прогнѣвался! Заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года точила всё молодые дубы, а какъ изошло время — идетъ къ Богу, едва ноги тащитъ. «Куда?» спрашиваетъ солдатъ. — Къ Господу за повелѣніемъ, кого морить прикажетъ. «Погоди, я пойду спрошу.» Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года младенцевъ морила. Солдатъ думаетъ себѣ: «у моихъ братьевъ есть ребятки; эдакъ, пожалуй, она ихъ уморитъ!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи самые малые дубки». — За что Господь меня мучаетъ! заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года глодала самые что ни есть малые дубки; а какъ изошло время — идетъ опять къ Богу, едва ноги передвигаетъ [2]). «Ну теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что такъ девять лѣтъ онъ меня наказуетъ?» Солдатъ увидалъ Смерть и окликаетъ: «куда идешь?» Смерть молчитъ, лѣзетъ на крыльцо. Солдатъ ухватилъ ее за шиворотъ, не пускаетъ. И подняли они такой шумъ, что Господь услыхалъ и вышелъ: «что такое?» Смерть упала въ ноги: «Господи! за что на меня прогнѣвался? мучилась я цѣлыхъ девять лѣтъ: всё по лѣсамъ таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые малые дубки... еле ноги таскаю!» — Это всё ты! сказалъ Господь солдату. «Виноватъ, Господи!» — Ну, ступай-же за это, носи девять лѣтъ Смерть на закòртышкахъ! (на плечахъ. — см. Слов. Росс. Акад.)

---

1) ***Вар.*** грызи средній лѣсъ.

2) ***Вар.*** Идетъ чуть живая: только вѣтеръ подуетъ — такъ отъ вѣтру и валится!

Засѣла Смерть на солдата верхомъ. Солдатъ — дѣлать нечего — повёзъ ее на себѣ, вёзъ-вёзъ и уморился; вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. Смерть увидала, что солдатъ нюхаетъ, и говоритъ ему: «служивой, дай и мнѣ понюхать табачку». — Вотъ-те на! полѣзай въ рожокъ да и нюхай, сколько душѣ угодно. «Ну, открой-ка свой рожокъ!» Солдатъ открылъ, и только Смерть туда влѣзла — онъ въ ту-жъ минуту закрылъ рожокъ и заткнулъ его за голенище [1]). Пришелъ опять на старое мѣсто и сталъ на часы. Увидалъ его Господь и спрашиваетъ: «а Смерть гдѣ?» — Со мною. «Гдѣ съ тобою?» — Вотъ здѣсь за голенищемъ. «А ну, покажи!» — Нѣтъ, Господи, не покажу, пока девять лѣтъ ни выйдетъ; шутка ли её носить на закòртышкахъ! вѣдь она не легка! «Покажъ, я тебя прощаю!» Солдатъ вытащилъ рожокъ и только открылъ его — Смерть тотчасъ и сѣла ему на плеча. «Слѣзай, коли не съумѣла ѣздить!» сказалъ Господь. Смерть слѣзла. «Умори-же теперь солдата!» приказалъ ей Господь и пошелъ — куда зналъ.

«Ну, солдатъ! говоритъ Смерть, слышалъ — тебя Господь велѣлъ уморить!» — Чтожъ? надо когда-нибудь умирать! дай только мнѣ исправиться. «Ну, исправься!» Солдатъ надѣлъ чистое бѣлье и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совсѣмъ готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къ верху. «Не такъ!» говоритъ Смерть. — А какъ-же? спрашиваетъ солдатъ — и улегся нà бокъ. «Да всё не такъ!» — На тебя и умереть-то не угодишь! — и улегся на другой бокъ. «Ахъ, какой ты, право! развѣ не видалъ, какъ умираютъ?» — То-то и есть, что не видалъ! «Пу-

---

[1]) *Вар.* Велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Пошелъ солдатъ съ нею въ лѣсъ, и заспорилъ: «ты де не влѣзишь въ пустой орѣхъ!» Смерть сдуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дырочку (въ орѣхѣ) колышкомъ, спряталъ орѣхъ въ карманъ, и пошелъ на старое мѣсто.

сти, я тебѣ покажу.» Солдатъ выскочилъ изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ крышку, накрылъ поскорѣе гробъ и наколотилъ на него желѣзные обручи; какъ наколотилъ обручи — сейчасъ-же поднялъ гробъ на плеча и стащилъ въ рѣку. Стащилъ въ рѣку, воротился на прежнее мѣсто и сталъ на часы. Господь увидалъ его и спрашиваетъ: «гдѣ-же Смерть?» — Я пустилъ ее въ рѣку. Господь глянулъ — а она далеко плыветъ по водѣ. Выпустилъ ее Господь на волю. «Чтожъ ты солдата не уморила?» — Вишь, онъ какой хитрой! съ нимъ ничего не сдѣлаешь. «Да ты съ нимъ долго не разговаривай; пойди и умори его!» Смерть пошла и уморила солдата.

---

b. Жилъ да былъ одинъ солдатъ, и зажился онъ долго на свѣтѣ, по-просту сказать — чужой вѣкъ сталъ заѣдать. Сверстники его по-немногу отправляются на тотъ свѣтъ, а солдатъ себѣ и ухомъ не ведетъ, знай себѣ таскается изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто. А по правдѣ сказать-не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вотъ приходитъ Смерть къ Богу и проситъ у него позволенія взять солдата: долго де зажился на свѣтѣ, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволилъ Богъ Смерти взять солдата.

Смерть слетѣла съ небесъ съ такою радостію, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Остановилась у избушки солдата и стучится. «Кто тутъ?» — Я. «Кто ты?» — Смерть. «А! зачѣмъ пожаловала? я умирать-то не хочу.» Смерть разсказала солдату все, какъ слѣдуетъ. «А! если ужь Богъ велѣлъ, такъ другое дѣло! противъ воли Божіей нельзя идти. Тащи гробъ! Солдатъ на казенный счетъ всегда умираетъ. Ну, поворачивайся, беззубая!» Смерть притащила гробъ и поставила посреди избы. «Ну, служивый, ложись; когда-нибудь

надо-же умирать.» — Не растабарывай! знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама. «Какъ сама?» — Да такъ. Я безъ артикула ничего не привыкъ дѣлать; что̀ начальство покажетъ: фрунтъ — что ли тамъ, аль другое что, — то и дѣлаешь. Ужь такъ привыкъ, сударка моя! не переучиваться же мнѣ: старенекъ сталъ! Смерть поморщилась и полѣзла въ гробъ. Только что расположилась она въ гробу, какъ слѣдуетъ,—солдатъ возьми да и нахлопни гробъ-то крышкой, завязалъ веревкой и бросилъ въ море. И долго, долго носилась Смерть по волнамъ, пока ни разбило бурей гроба, въ которомъ она лежала.

Первымъ дѣломъ Смерти, какъ только она получила свободу, опять была просьба къ Богу, чтобъ позволилъ ей взять солдата. Богъ далъ позволеніе. Снова пришла Смерть къ солдатской избушкѣ и стучится въ двери. Солдатъ узналъ свою прежнюю гостью, и спрашиваетъ: «что нужно?» — Да я за тобой, дружище! теперь не вывернешься. «А врешь, старая чертовка! не вѣрю я тебѣ. Пойдемъ вмѣстѣ къ Богу.» — Пойдемъ. «Подожди, мундиръ натяну.» Отправились въ путь. Дошли до Бога; Смерть хотѣла было идти впередъ, да солдатъ не пустилъ: «ну куда ты лѣзешь? какъ смѣешь ты безъ мундира... идти? Я пойду впередъ, а ты жди!» Вотъ воротился солдатъ отъ Бога. «Что, служивый, правду я сказала?» спрашиваетъ Смерть. — Врешь, солгала немного. Богъ велѣлъ тебѣ прежде еще лѣса подстригать да горы ровнять; а потомъ и за меня приниматься. И солдатъ отправился на зимнія квартиры вольнымъ шагомъ, а Смерть осталась въ страшномъ горѣ. Шутка ли! развѣ мала̀ работа — лѣса подстригать да горы ровнять? И много, много лѣтъ трудилась Смерть за этой работой, а солдатъ жилъ себѣ да жилъ.

Наконецъ и въ третій разъ пришла за солдатомъ Смерть, и нечѣмъ ему было отговориться: пошелъ солдатъ въ адъ.

Пришелъ и видитъ, что народу многое множество. Онъ то толчкомъ, то бочкомъ, а гдѣ и ружье на перевѣсъ, и добрался до самаго сатаны. Посмотрѣлъ на сатану и побрѣлъ искать въ аду уголка, гдѣ-бы ему расположиться. Вотъ и нашелъ; тотчасъ наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣсилъ аммуницію и закурилъ трубку. Не стало въ аду прохода отъ солдатика; не пускаетъ никого мимо своего добра: «не ходить! вишь, казенныя вещи лежатъ; а ты, можетъ, на руку нечистъ. Здѣсь всякаго народу много!» Велятъ ему черти воду носить, а солдатъ говоритъ: «я двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю служилъ, да воды не носилъ; а вы съ чего это вздумали... Убирайтесь-ка къ своему дѣдушкѣ!» Не стало чертямъ житья отъ солдата; хоть бы выжить его изъ ада, такъ не идетъ: «мнѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо!» Вотъ черти и придумали штуку: натянули свинячую кожу, и только улегся солдатъ спать — какъ забили тревогу. Солдатъ вскочилъ да бѣжать; а черти сейчасъ за нимъ двери и притворили, да такъ себѣ обрадовались, что надули солдата!... И съ той поры таскался солдатъ изъ города въ городъ, и долго еще жилъ на бѣломъ свѣтѣ, — да вотъ какъ-то на прошлой недѣлѣ только померъ. (Записана въ Нижнемъ-Новгородѣ.)

—

с. Служилъ солдатъ Богу и великому государю цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, выслужилъ три сухаря и пошелъ домой на родину. Шелъ-шелъ и крѣпко задумался: «Господи Боже ты мой! служилъ я царю двадцать пять лѣтъ, былъ сытъ и одѣтъ; а теперь до чего дожилъ? и голоденъ, и холоденъ; только и есть что̀ три сухаря». А на встрѣчу ему убогой нищій и проситъ милостинку. Солдатъ отдалъ нищему одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше; немного погодя попадается ему другой нищій, кланяется и проситъ мило-

стинку. Солдатъ подалъ и этому сухарь, и остался у него одинъ. Опять пошелъ дальше своей дорогою, и повстрѣчалъ третьяго нищаго: кланяется ему старецъ и проситъ милостинку. Вынулъ солдатъ послѣднiй сухарь и думаетъ: «цѣлой дать — самому не останется; половину дать — пожалуй, сойдется этотъ старецъ съ прежними нищими, увидитъ у нихъ по цѣлому сухарю и обидится; лучше отдамъ ему весь, а самъ обойдусь коё-какъ!» Отдалъ послѣднiй сухарь, и остался ни при чемъ. Вотъ старецъ и спрашиваетъ его: «скажи, доброй человѣкъ, чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? я тè помогу». — Богъ съ тобой! отвѣчаетъ солдатъ; съ тебя, старичекъ, взять нечего: ты самъ человѣкъ убогой. «Да ты не смотри на мое убожество; только скажи, чего желаешь,— а я ужь награжу тебя за твою добродѣтель.» — Мнѣ ничего не надо; а коли есть у тебя карты, такъ подари на память. Старецъ вынулъ изъ-за пазухи карты и даетъ солдату: «возьми, говоритъ; съ кѣмъ ни станешь играть въ эти карты — всякаго обыграешь; да вотъ нà тебѣ и торбу: чтò ни встрѣтишь на дорогѣ, звѣря ли, птицу ли, и захочешь поймать, — только распахни торбу и скажи: полѣзай сюда, звѣрь али птица! и все сдѣлается по твоему» [1]). — Спасибо, сказалъ солдатъ, взялъ карты и торбу, и поплёлся въ путь-дорогу.

---

[1]) *Варiантъ 1.* Служилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ и выслужилъ три денежки Идетъ на родину, а на встрѣчу ему самъ Господь съ двѣнадцатью апостолами. Подходитъ Христосъ въ нищенскомъ образѣ и проситъ милостину. «Чтожъ тебѣ подать, старичекъ, говоритъ солдатъ; хлѣба у меня нѣтъ ни куска, вотъ тебѣ денежка — прими Христа ради!» Пошелъ солдатъ своей дорогой, а Господь зашелъ впередъ, повстрѣчалъ его и спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» Апостолы говорятъ: «проси, солдатъ, царства небеснаго!» А онъ въ отвѣтъ: «я двадцать пять лѣтъ служилъ своимъ умомъ, и теперь не хочу слушать чужаго разуму! Дай мнѣ, говоритъ, кисетъ табаку». Далъ ему Господь кисетъ табаку. На другой день идетъ Христосъ и по прежнему проситъ у солдата милостину; отдалъ ему

Шелъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и пришелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плаваютъ три дикихъ гуся. Вотъ солдатъ и вздумалъ: «дай-ка я торбу свою попробую!» Вынулъ её, распахнулъ и говоритъ: «эй, вы дикiе гуси! полетайте въ мою торбу.» И только выговорилъ эти слова — какъ снялись гуси съ озера и прилетѣли прямо въ торбу. Солдатъ завязалъ торбу, поднялъ на плечà и пустился въ дорогу. Шелъ-шелъ, и пришелъ въ городъ. Забрался въ трактиръ и говоритъ хозяину: «возьми этого гуся и зажарь мнѣ къ ужину, а другаго гуся отдаю тебѣ за хлопоты, а третьяго промѣняй мнѣ на водку». Вотъ солдатъ сидитъ себѣ въ трактирѣ да

солдатъ и другую денежку. Пошелъ солдатъ своей дорогой, а Господь зашелъ впередъ, на встрѣчу ему, и опять спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» — Проси царства небеснаго! говорятъ апостолы. «Не хочу жить чужимъ умомъ, отвѣчалъ солдатъ; дай мнѣ кошель съ деньгами.» Далъ ему Господь кошель съ деньгами. На третiй день идетъ Христосъ и опять проситъ у солдата милостину; отдалъ ему солдатъ и послѣднюю заслужоную денежку. И въ третiй разъ зашелъ Господь ему на встрѣчу и спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» — Проси царства небеснаго! говорятъ апостолы. «Что вы учите! сердито закричалъ солдатъ; сказалъ вамъ, что не хочу чужимъ умомъ жить — и не приставайте! Вишь, своимъ умомъ-то я выпросилъ кисетъ табаку да кошель денегъ, и сколько табаку ни курю, сколько денегъ ни беру,— все не убываетъ!» Была у солдата порожняя сума, вотъ онъ ее ухватилъ, и говоритъ Христу: «пущай по моему слову будетъ она полна, чѣмъ пожелаю!» — Ну, пущай! сказалъ Христосъ, и пошелъ съ апостолами своей дорогой.

Варiантъ 2. Выслужилъ солдатъ три сухаря и пошелъ домой. Идетъ, а на встрѣчу ему Господь съ апостоломъ Петромъ. «Служивой, дай чего-нибудь перекусить намъ!» Солдатъ далъ имъ по сухарю, себѣ оставилъ третiй. «Спасибо!» — и пошли они въ разныя стороны. Вотъ Господь и говоритъ апостолу Петру: «ступай, нагони солдата и спроси, чего отъ Бога желаетъ?» Нагоняетъ апостолъ Петръ солдата, а солдатъ увидалъ его и кричитъ: «что, братъ, аль за третьимъ сухаремъ идешь? У самого одинъ остался, и не проси — не дамъ!» — Нѣтъ, служивой! скажи-ка, чего ты отъ Бога желаешь? «Чего желаю? да только колоду картъ, да еще коли на что погляжу и вымолвлю: по Господневу слову полѣзай въ ранецъ! — чтобъ всё туда и лѣзло.»

угощается: выпьетъ винца да гусемъ и закуситъ. И вздумалось ему посмотрѣть въ окошко: стоитъ на другой сторонѣ большой дворецъ, только во всемъ дворцѣ нѣтъ ни одного стекла цѣлаго. «Послушай, спрашиваетъ онъ хозяина, что это за дворецъ и отчего пустой стоитъ?» — Да вишь, говоритъ хозяинъ, царь нашъ выстроилъ себѣ этотъ дворецъ, только жить-то въ немъ нельзя; вотъ ужь семь лѣтъ пустѣетъ! всѣхъ нечистая сила выгоняетъ! Кажную ночь собирается тамъ чертовское сонмище, шумитъ, пляшетъ, въ карты играетъ и всякія скверны творитъ. Вотъ солдатъ пошелъ къ царю. «Ваше царское величество! позволь, говоритъ, мнѣ въ твоемъ порожнемъ дворцѣ одну ночь переночевать.» — Что ты, служба! говоритъ ему царь; Богъ съ тобою! ужь были такіе смѣльчаки, брались переночевать въ энтомъ дворцѣ, да ни одинъ живой не ворочался! «Небось, русской солдатъ ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ. Служилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, да не умеръ; а то за одну ночь у тебя помру!» — Я-жъ тебѣ говорю: пойдетъ туда съ вечера живой человѣкъ, а утромъ однѣ косточки найдутъ. Солдатъ стоитъ на своемъ: пусти да пусти его во дворецъ. «Ну, говоритъ царь, ступай съ Богомъ, ночуй, коли хочешь; я съ тебя воли не снимаю.»

Пришелъ солдатъ во дворецъ и расположился въ самой большой комнатѣ; снялъ съ себя ранецъ и саблю, ранецъ поставилъ въ уголокъ, а саблю на гвоздикъ повѣсилъ; сѣлъ за столъ, вынулъ кисетъ съ табакомъ, набилъ трубку—и покуриваетъ себѣ. Вотъ ровно въ двѣнадцать часовъ—откуда что взялось — набѣжало во дворецъ чертей видимо-невидимо; поднялся гамъ, крикъ, плясъ, музыка. «А и ты, служивой здѣсь! закричали черти. Зачѣмъ пожаловалъ? Не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?»—Отъ чего не хотѣть! только чуръ играть моими картами. Сейчасъ вынулъ свои карты и ну сдавать.

Стали играть; разъ сыграли—солдатъ выигралъ, въ другой — опять солдатъ выигралъ; сколько ни ухитрялись черти, а всѣ деньги спустили солдату: онъ знай себѣ загребаетъ! «Постой, служивой, говорятъ черти; есть у насъ еще шестьдесятъ четвериковъ серебра да сорокъ золота, давай-ка играть съ тобой на это серебро и золото!»—и посылаютъ они малаго чертёнка таскать серебро. Стали снова играть, солдатъ все обыгрываетъ: ужь чертёнокъ таскалъ-таскалъ, все серебро перетаскалъ, и говоритъ старому дьяволу: «дѣдушка, больше нѣту!»— Таскай, пострѣлъ, золото! Вотъ онъ таскалъ-таскалъ золото, цѣлой уголъ завалилъ, а толку все нѣту, все солдатъ обыгрываетъ. Жалко стало чертямъ своихъ денегъ; вотъ они и давай приступать къ солдату, да какъ заревутъ: «разорвемъ его, братцы! съѣдимъ его!» — Еще посмотримъ, кто кого съѣстъ! говоритъ солдатъ, схватилъ торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «а это что?»—Торба, говорятъ черти. «А ну, по Божьему слову, полѣзайте въ торбу!» Только сказалъ—и полѣзли черти въ торбу; да и много-жъ набралось ихъ, чуть ни давятъ другъ дружку! Солдатъ завязалъ торбу покрѣпче и повѣсилъ на стѣнку, на гвоздь; а самъ улегся спать.

Поутру посылаетъ царь своихъ людей: «ступайте, провѣдайте—что съ солдатомъ дѣется? Коли пропалъ отъ нечистой силы, такъ приберите его косточки!» Вотъ и пошли; приходятъ во дворецъ—а солдатъ весело по горницамъ похаживаетъ да трубочку покуриваетъ. «Здорово, служивой! не чаяли увидать тебя живаго! Ну, какъ ночевалъ, какъ съ чертями поладилъ?»—Что черти! вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у нихъ выигралъ, вишь какія кучи! Посмотрѣли царскіе люди и вздивовались, а солдатъ имъ наказываетъ: «приведите, братцы, да поживѣе двухъ кузнецовъ, да чтобъ захватили съ собой желѣзную плиту и молоты». Тѣ бѣгомъ бросились въ кузницу, и живо справили дѣло. Пришли кузнецы съ

желѣзной плитою, съ тяжелыми молотами. «Ну-ка, говоритъ солдатъ, снимите эту торбу да прiударьте её по кузнешному.» Стали кузнецы снимать торбу и говорятъ промежъ собой: «ишь какая тяжелая! черти—что-ли въ ней напханы!» А черти откликаются: «мы батюшки! мы, родимые!» Сейчасъ положили кузнецы торбу на желѣзную плиту и давай молотами постукивать, словно желѣзо куютъ. Жутко пришлось чертямъ, не въ моготу стало терпѣть: «смилуйся! заорали; выпусти, служивой, на вольной свѣтъ, по вѣкъ тебя не забудемъ; а ужь въ этотъ дворецъ ни одинъ чортъ ни ногой... всѣмъ закажемъ, за сто верстъ отъ него будемъ бѣгать!» Солдатъ остановилъ кузнецовъ, и только развязалъ торбу — черти такъ и прыснули, и пустились безъ оглядки въ тартарары — въ преисподнюю. А солдатъ не промахъ, ухватилъ одного стараго чорта, разрѣзалъ ему лапу до крови: «подавай, говоритъ, росписку, что будешь мнѣ вѣрно служить!» Нечистой написалъ ему въ томъ росписку своею кровiю, отдалъ и навострилъ лыжи. Прибѣжали черти въ пекло, переполошили всю нечистую силу—и старыхъ, и малыхъ; сейчасъ разставили кругомъ пекла часовыхъ и крѣпко-на̀крѣпко приказали караулить, чтобъ какъ-нибудь ни пробрался туда солдатъ съ торбою.

Пришелъ солдатъ къ царю. Такъ и такъ, говоритъ, очистилъ дворецъ отъ дьявольскаго навожденiя. «Спасибо, говоритъ ему царь; оставайся жить у меня, стану тебя замѣсто брата почитать.» Остался солдатъ при царѣ жить [1]); всего у

---

[1]) ***Варiантъ 1:*** Жилъ-жилъ, и пришло ему время умирать. Посылаетъ Господь ангеловъ вынуть его душу. Вотъ ангелы взяли солдатскую душу, понесли по мытарствамъ, и спрашиваютъ у Бога: куда прикажетъ эту душу—въ рай или адъ? «Посадите ее въ муку вѣчную, сказалъ Господь; она сама отказалась отъ царства небеснаго!» Посадили солдата въ муку вѣковѣчную. Вотъ онъ осмотрѣлся и видитъ: висятъ кругомъ котлы съ горячею смолою, а въ котлахъ грѣшныя души мучатся, плачутъ и скрежещутъ зубами. Обступили солдата черти: «ну, служивой, пора и тебѣ въ котелъ отправляться!»—Вы меня

него вдоволь, денегъ куры не клюютъ, и задумалъ онъ жениться. Оженился, а черезъ годъ послѣ того далъ ему Богъ сына. Вотъ и приключилась этому мальчику хворь, да такая — не можетъ никто вылѣчить; ужь сколько лѣкарей перебывало, а толку нѣтъ ни на грошъ. И вздумалъ солдатъ про того стараго чорта, что̀ далъ ему росписку, а въ роспискѣ написалъ: вѣчно де буду тебѣ вѣрнымъ слугою; вздумалъ и говоритъ: «куда-то мой старой чортъ дѣвался?» Вдругъ явился передъ

котломъ не стращайте, а давайте-ка лучше играть въ карты. «Нѣтъ, братъ, полно! мы съ тобой играть не станемъ.»—А вотъ-же врете; станете играть, только торбу вамъ показать... «Ништо она съ тобою?»—Со мною. Перепугались черти: «давай, служивой, карты!» Вотъ и стали они играть на грѣшныя души. Солдатъ обыгралъ. «Ну, теперь ты здѣсь хозяинъ!» сказали ему черти. А онъ тому и радъ, повыпускалъ изъ котловъ всѣ грѣшныя души, построилъ ихъ по-солдатски въ три шеренги, и повелъ прямо къ райскимъ дверямъ. «Отпирай ворота!» кричитъ солдатъ. Апостолъ Петръ говоритъ: «постой, пойду у Бога спрошу».—О чемъ-же ты прежде думалъ? Пошелъ апостолъ Петръ къ Богу: «Господи! говоритъ, пришелъ къ райскимъ дверямъ солдатъ и привелъ съ собой изъ пекла многое множество грѣшныхъ душъ».—Прими отъ него по счету, а самаго не пущай въ рай. Вотъ апостолъ Петръ отперъ райскiя двери и сталъ примать души—всё по одной. А солдатъ: «эхъ, братъ, ты и считать не умѣешь! а ты вотъ какъ считай: разъ, два, три—ступай туды! разъ, два, три—и я туды!»—и полѣзъ было въ рай; апостолъ Петръ схватилъ его за руку: «нѣтъ, говоритъ, погоди! ты самъ не пожелалъ себѣ царства небеснаго, на себя и пеняй!»

Варiантъ 2: Посадили солдата въ адъ, увидалъ онъ у чорта два большiе ключа и спрашиваетъ: «что это за ключи?»—Одинъ отъ котла, другой отъ холодной горницы. «А тамъ что?» Въ котлѣ кипятъ грѣшныя души, а въ холодной горницѣ мерзнутъ... «Давай играть въ карты на эти ключи!»—Давай! Солдатъ выигралъ ключи и повыпускалъ на волю всѣ грѣшныя души. Пришелъ чортъ: «служивой! куда дѣвалъ ты грѣшныя души?» Солдатъ показываетъ себѣ на грудь и говоритъ: «во̀тана грѣшная душа!» Побѣжалъ чортъ къ своимъ товарищамъ: «ну, братцы! солдатъ всѣ грѣшныя души поѣлъ! пожалуй, и до насъ доберется». И тутъ-же выгнали его изъ пекла. Собралъ солдатъ всѣхъ выпущенныхъ изъ котла и холодной горницы грѣшниковъ и повелъ въ царство небесное. «Кто йдетъ?» спрашиваютъ солдата.—Я съ грѣшными душами. «Сюда грѣшныхъ не примаютъ; здѣсь рай!»—Знаю, что край; отъ того и не йду дальше.....

нимъ тотъ самой чортъ и спрашиваетъ: «что твоей милости угодно?»—А вотъ что: захворалъ у меня сынишка, не знаешь ли—какъ-бы его вылѣчить? Чортъ вытащилъ изъ кармана стаканъ, налилъ его холодной водою, поставилъ хворому въ головахъ и говоритъ солдату: «поди-ка, посмотри нà воду». Солдатъ смотритъ нà воду, а чортъ его спрашиваетъ: «ну, что видишь?» — Я вижу: въ ногахъ у моего сына стоитъ Смерть. «Ну, коли въ ногахъ стоитъ, то будетъ здоровъ; а если бы Смерть въ головахъ стояла—то непримѣнно бы померъ!» Потомъ берётъ чортъ стаканъ съ водою и брызнулъ на солдатскаго сына, и въ ту-же минуту онъ здоровъ сдѣлался. «Подари мнѣ этотъ стаканъ, говоритъ солдатъ, и больше ничего отъ тебя не надо!» Чортъ подарилъ ему стаканъ, а солдатъ воротилъ назадъ росписку. Сдѣлался солдатъ знахаремъ, сталъ лѣчить и бояръ, и генераловъ; только посмотритъ въ стаканъ — и сейчасъ скажетъ: кому помереть, кому выздоровѣть.

Случилось самому царю захворать; призвали солдата. Вотъ онъ налилъ въ стаканъ холодной воды, поставилъ царю въ головахъ, поглядѣлъ—и видитъ, что Смерть тутъ-же въ головахъ стоитъ. И говоритъ солдатъ: «ваше царское величество! никто тебя не сможетъ вылѣчить, Смерть въ головахъ ужь стоитъ; всего нà всего только три часа и осталось тебѣ жить!» Царь услыхалъ эти рѣчи и сильно на солдата озлобился: «какъ такъ? закричалъ на него, ты многихъ бояръ и генераловъ вылѣчивалъ, а меня не хочешь? сейчасъ прикажу казнить тебя смертію!» Вотъ солдатъ думалъ-думалъ: что ему дѣлать? и началъ просить Смерть: «отдай, говоритъ, царю мой вѣкъ, а меня умори; все равно придется мнѣ помереть—такъ ужь лучше помереть своею смертію, чѣмъ лютую казнь претерпѣть!» Посмотрѣлъ въ стаканъ, и видитъ, что Смерть стоитъ у царя въ ногахъ. Тутъ солдатъ взялъ воду и сбрызнулъ царя: сталъ

онъ совершенно здоровъ. «Ну, Смерть! говоритъ солдатъ, дай мнѣ сроку хоть на три часа, только домой сходить да съ женой и сыномъ проститься.»—Ступай! отвѣчаетъ Смерть. Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать и крѣпко разболѣлся. А Смерть ужь около него стоитъ: «ну, служивой! прощайся скорѣе, всего три минуты осталось тебѣ жить на свѣтѣ». Солдатъ потянулся, досталъ изъ-подъ головъ свою торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «что это?» Смерть отвѣчаетъ: «торба».—Ну, коли торба, такъ полѣзай въ нее! Смерть прямо въ торбу и *шурхнула*. Солдатъ—куда и хворь дѣвалась—вскочилъ съ постели, завязалъ торбу крѣпко-нàкрѣпко, взвалилъ ее на плеча и пошелъ въ лѣса Брянскіе, дремучіе. Пришелъ и повѣсилъ эту торбу на горькой осинѣ, на самой вершинѣ, а самъ воротился домой.

Съ той поры не сталъ народъ помирать: рожаться—рожается, а не помираетъ! Вотъ прошло много лѣтъ, солдатъ все торбы не снимаетъ. И случилось ему идти по городу. Идетъ, а на встрѣчу ему эдакая древняя старушка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту сторону и валится. «Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужь помирать пора!»—Да, батюшка! отвѣчаетъ старушка, мнѣ давно помереть пора,—еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаетъ, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощоный грѣхъ! вѣдь ни одна душа на свѣтѣ также, какъ я, мучится!—Вотъ солдатъ и сталъ думать: «видно, надобно выпустить Смерть-та; ужь пускай уморитъ меня... И безъ того на мнѣ грѣховъ много; такъ лучше теперь, пока еще силёнъ, отмучуюсь на томъ свѣтѣ; а какъ сдѣлаюсь крѣпко-старъ, тогда хуже будетъ мучиться». Собрался и пошелъ въ Брянскіе лѣса. Подходитъ къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко-высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разны

стороны. «А что, Смерть, жива?» спрашиваетъ солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снялъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть, и самъ лёгъ на кровать, прощается съ женою и сыномъ, и проситъ Смерть, чтобъ уморила его. А она бѣгомъ за двери, давай Богъ ноги: «пущай, кричитъ, тебя черти уморятъ, а я тебя морить не стану!»

Остался солдатъ живъ и здоровъ, и вздумалъ: «пойду-ка я прямо въ пекло; пущай меня черти бросятъ въ кипучую смолу и варятъ до тѣхъ поръ, покудова на мнѣ грѣховъ не будетъ». Простился со всѣми, и пошелъ съ торбою въ рукахъ прямо въ пекло. Шелъ онъ близко ли—далеко, низко ли—высоко, мелко ли—глубоко, и пришелъ таки въ преисподнюю. Смотритъ, а кругомъ пекла стоятъ часовые. Только онъ къ воротамъ, а чортъ спрашиваетъ: «кто идетъ?»—Грѣшная душа къ вамъ на мученіе. «А это что у тебя?»—Торба. Заоралъ чортъ во все горло, ударили тревогу, сбѣжалась вся нечистая сила, давай запирать всѣ двери и окна крѣпкими запорами. Ходитъ солдатъ вокругъ пекла и кричитъ князю пекельному: «пусти, пожалуста, меня въ пекло; я пришелъ къ вамъ за свои грѣхи мучиться».—Нѣтъ, не пущу! ступай, куда знаешь; здѣсь тебѣ мѣста нѣту. «Ну, коли не пущаешь меня мучиться, то дай мнѣ двѣсти грѣшныхъ душъ; я поведу ихъ къ Богу, можетъ—Господь и проститъ меня за это!» Князь пекельный отвѣчаетъ: «я тебѣ еще отъ себя прибавлю душъ пятьдесятъ, только уходи отсюдова!» Сейчасъ велѣлъ отсчитать двѣсти пятьдесятъ душъ и вывесть въ задніе ворота, такъ чтобы солдатъ не увидѣлъ. Сказано, сдѣлано. Забралъ солдатъ грѣшныя души и повелъ къ самому раю. Апостолы увидали и доложили Господу: «такой-то солдатъ двѣсти пятьдесятъ душъ изъ пекла привелъ».—Примите ихъ въ рай, а солдата не пущайте. Только солдатъ отдалъ одной грѣшной душѣ свою торбу и приказалъ: «смотри, какъ войдешь въ райскіе двери—сейчасъ скажи: полѣзай, солдатъ, въ торбу!» Вотъ райскіе двери отворились, стали входить туда души, вошла и грѣшная душа съ торбою, да о солдатѣ отъ радости и забыла. Такъ солдатъ и остался, ни въ одно мѣсто не угодилъ. И долго послѣ того онъ жилъ-жилъ на бѣломъ свѣтѣ, да вотъ только на дняхъ померъ. — (Всѣ заимствованы изъ собранія В. И. Даля.)

17. ВИДѢНІЕ.

а. Шелъ прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя клѣти, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣть, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣть, гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежитъ змій и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожій и пошелъ въ иную клѣть; тутъ увидалъ кунку (куницу): перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Далъ имъ спокой и отправился въ поле; легъ подъ зоро́дъ (большая куча, стогъ — Оп. обл. великор. слов.) сѣна, и послышалось ему — будто какой человѣкъ въ сѣнѣ стонетъ и говоритъ: «тошно животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испу-

гался и легъ было подъ суслонъ [1]) ржаной; и тутъ послышалъ голосъ, кричитъ: «постой, возьми меня съ собой!» Не поспалось прохожему, воротился къ старику-хозяину въ избу, и зачалъ его старикъ спрашивать: «гдѣ былъ, прохожій?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: «на столѣ, говоритъ, нашелъ я разной гадъ, — отъ того, что послѣ ужина невѣстки твои ничего благословясь не собрали и не покрыли; у большаго сына бьется въ клѣти дубинка, — это отъ того, что хочется ему большакомъ (старшимъ, главнымъ въ домѣ, хозяиномъ) быть, да малые братья не слушаются: бьется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежъ середняго сына и жены его видѣлъ змія, — это потому, что другъ на друга вражду имѣютъ; у меньшаго сына видѣлъ кунку, — значитъ, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скоситъ да смететъ въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давитъ свое, а свое стонетъ, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ собой! — это которое съ полосы не собрано, оно-де говоритъ: пропаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старику: «наблюдай, хозяинъ, за своей семьею: большому сыну отдай большину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣтнѣе; чужаго сѣна не коси, а колосье съ полосъ собирай до̀ чиста». Распростился съ старикомъ и пошелъ въ путь-дорогу.

—

ѣ. Ходилъ по̀ міру старинькой старичекъ, и попросился ночевать къ одному мужику. «Пожалуй, говоритъ мужикъ,

[1]) Нѣсколько сноповъ хлѣба, складенныхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221).

я тебя пущу; только станешь ли всю ночь сказывать мнѣ сказки?» — Хорошо, буду сказывать; дай только отдохнуть. «Ну, ступай!» Вошелъ старичекъ въ избу и легъ на полати. Хозяинъ говоритъ: «поди-ка, почтенной, поужинай». Старичекъ слѣзъ и поужиналъ. «Ну, старичекъ, сказывай сказку.» — Погоди, лучше я поутру разскажу. «Ладно!» Улеглись спать. Вотъ старикъ проснулся въ ночи̂ и видитъ: теплятся передъ образами двѣ свѣчки и порхаютъ по избѣ двѣ птички. Захотѣлось ему напиться; слѣзъ онъ съ полатей, а по̀ полу такъ и бѣгаютъ ящерицы; подошелъ къ столу, а тамъ лягушки прыгаютъ да крякаютъ. Посмотрѣлъ на старшо́го хозяйскаго сына, а промежъ имъ и женою змѣя лежитъ; посмотрѣлъ на втораго сына — на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула; глянулъ на меньшаго сына, а промежъ имъ и женою младенецъ лежитъ. Страшно показалось старичку, пошелъ онъ и легъ на гувнѣ (овинъ—Оп. обл. великор. слов.), а тутъ кричатъ: «сестра! сестра! прибери меня». Легъ подъ изгородой, и тутъ кричатъ: «выдерни да вторни (воткни — ibidem) меня!» Легъ подъ чугунъ, здѣсь кричитъ: «на бобрѣ вѣшу̀, на бобёръ упаду!» Пошелъ старичекъ опять въ избу. Просыпается хозяинъ и говоритъ: «ну, сказывай сказку!» А старичекъ ему: «я не сказки буду тебѣ сказывать, а правду. Знаешь ли, что я въ твоемъ домѣ видѣлъ? Проснулся я и вижу: теплятся передъ образами двѣ свѣчки, а по избѣ двѣ птички перепархиваютъ». — Это мои два ангела перепархивали! говоритъ хозяинъ. «Да еще видѣлъ я: промежъ старшимъ твоимъ сыномъ и его женою змѣя лежала.» — Это отъ того, что они въ ссорѣ. «Глянулъ я ночью и на другаго сына, а на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула.» — Это значитъ, что они недружно живутъ, хочетъ жена мужа известь. «А какъ посмотрѣлъ на меньшаго сына, такъ межъ имъ и женою младенецъ лежалъ.» — Это не младенецъ,

ангелъ лежалъ, отъ того что живутъ они дружно, согласно. «Отъ чего-же, хозяинъ, какъ слѣзъ я съ полатей, такъ по̀ полу ящерицы бѣгали; а какъ подошелъ къ столу и хотѣлъ испить, такъ по немъ лягушки прыгали да крякали?» — Отъ того, сказалъ хозяинъ, что снохи мои никогда угарочка (лучины — Оп. обл. великор. слов.) не подметутъ, а квасъ, какъ нацѣдятъ въ кружку, такъ не благословясь и поставятъ на столъ. «Пошелъ было я спать на гувно, а тамъ кричатъ: сестра! сестра! прибери меня.» — А это вотъ что значитъ: сыновья мои никогда мётелъ благословясь на мѣсто не поставятъ! «Потомъ легъ я подъ изгороду, а тамъ кричатъ: выдерни, да вторни!» — Это значитъ, что изгорода вверхъ низомъ поставлена. «Потомъ легъ я подъ чугунъ, а тамъ кричитъ: на бобрѣ вѣшу̀, на бобёръ упаду̀.» Хозяинъ говоритъ: «а это вотъ что̀ — коли я помру̀, то и весь домъ мой опустится!» — (Изъ собранія В. И. Даля; первая записана въ архангельской губерніи, а вторая въ зубцовскомъ уѣздѣ, тверской губерніи.)

18. ПОТАНЬКА.

Одна баба не благословесь замѣшала опару. Прибѣжалъ бѣсъ Потанька, да и сялъ. А баба и вспомнила, што не благословесь замѣшала опару, пришла да и перекрестила: Потанькѣ выскочить-то и нельзя. Баба процѣдила опару и вывалила опарины на улицу, а Потанька всё тутъ. Свиньи перепехиваютъ ево съ мѣста на мѣсто, а вырватца не мо́жотъ; да чрезъ трои суд(т)ки коё-какъ выбился и безъ оглядки убѣжалъ. Прибѣжалъ къ товарищамъ; тѣ спрашиваютъ: «гдѣ былъ, Потанька?» — Да будь она про́клятая баба! опару,

говоритъ, замѣсила ли, завела ли не благословесь; я пришолъ да и сялъ. Она взяла да меня и перекрестила, дакъ насилу вырвался чрезъ трои судки: свиньи перепехиваютъ меня съ опариной, а я выбитца не могу; теперь въ жиз(н)ь мою никогда не сяду къ бабѣ въ опару! — (Записана въ пермской губерніи, шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Долматовѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.)

19. ПОѢЗДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Какой-то архимандритъ (в)сталъ къ заутринѣ; пришолъ умыватца, видитъ въ рукомой(ни)кѣ нечистой духъ, взялъ ево да и заградилъ (крестомъ). Вотъ дьяволъ и взмолился: «выпусти, отче! каку хошь налош(ж)ь службу — сослужу!» Архимандритъ говоритъ: «свозишь ли меня между обѣднёй и заутриной въ Ерусалимъ?» — Свожу, отче, свожу! Архимандритъ ево выпустилъ и послѣ заутрины до обѣдни успѣлъ съѣздить въ Ерусалимъ, къ обѣднѣ поспѣлъ обратно. Послѣ забрали какъ то справки, — всѣ удивились, какъ онъ скоро мок(г)ъ съѣздить въ Ерусалимъ, спросили ево, и онъ разсказалъ это. — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬЯВОЛЪ.

а. Одинъ пустынникъ молился тридцеть три года, и видитъ къ какому-та царю ходятъ дьявола̀ на обѣдъ, ѝвкаютъ, гайка-

ютъ (кричатъ, кличутъ), пляшутъ, скачутъ и пѣсни поютъ. Одинъ разъ Потанька хромой отсталъ отъ дьяволо̀въ; пустынникъ вышолъ да и спрашиватъ ево: «куда вы такъ ходите?» — Да ходимъ вотъ къ такому-та царю на обѣдъ; у нево всѣ стряпухи дѣлаютъ всё не благословесь, намъ и ладно! Старикъ и думатъ, какъ-бы объ этомъ извѣстить царя; а отъ царя носили ему обѣдать кажной день. Онъ принялъ ѣства да на тарелкахъ взялъ и надписалъ, што дьяволà къ нему ходятъ на обѣдъ кажной день. Царь увидялъ эту надпись, тотчасъ всѣхъ людей перемѣнилъ и поставилъ къ стряпнѣ людей набожныхъ; за чево они ни во̀змутца — всё говорятъ: «Господи, благослови!» Видитъ пустынникъ дьяволо̀въ — вперёдъ шли весёлы и радостны, а назадъ идутъ заунывны и печальны, и спрашиватъ опеть Потаньку, што они не весёлы? Тотъ только и сказалъ: «молчи-жо! ужо̀ мы тебѣ отплатимъ!» Не сталъ видàть послѣ тово пустынникъ дьяволо̀въ. Одинъ разъ приходитъ къ нему женщина набожна. Онъ её распросилъ: какà, откуда? тѣ-другй разговоры, стали винцо попивать и напились, сговорились вѣнчатца; пошли, видятъ — всё готово, какъ и есть. Пришло время вѣнцы надѣвать; ужь начали — только надѣть. Пустынникъ и перекрестился; дьяволà отступились, и онъ увидялъ петлю; да послѣ тово опеть тридцеть три года молился, грѣхи замаливалъ! — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

—

ь. Былъ пустынникъ, молился тридцать лѣтъ Богу: мимо его часто пробѣгали бѣси. Одинъ изъ нихъ хромой отставалъ далеко отъ своихъ товарищей. Пустынникъ остановилъ хромаго и спросилъ: «куды вы, бѣси, бѣгаете?» Хромой сказалъ: «мы бѣгаемъ къ царю на обѣдъ». — Когда побѣжишь назадъ, принеси мнѣ солонку отъ царя; тогда я повѣрю, что вы

тамъ обѣдаете. Онъ принесъ соло́ницу. Пустынникъ сказалъ: «когда побѣжишь опять къ царю обѣдать, забѣги ко мнѣ взять назадъ соло́ницу». Между тѣмъ на солонкѣ написалъ: «ты, царь, не благословясь кушаешь; съ тобой бѣси ѣдятъ!» Государь велѣлъ, чтобы на столъ становили все благословясь. Послѣ того бѣсёнки прибѣжали на обѣдъ и не могутъ подойдти къ благословенному столу, жжетъ ихъ, и убѣжали назадъ. Начали спрашивать хромаго: «ты оставался съ пустынникомъ; вѣрно, говорилъ съ нимъ, что мы на обѣдъ ходимъ?» Онъ сказалъ: «я только одну соло́ницу приносилъ ему отъ царя». Начали бѣси хромаго за то драть, для чего сказывалъ пустыннику. Вотъ хромой въ отмщеніе построилъ противъ кельи пустынника кузницу, и сталъ стариковъ передѣлывать въ горнѣ на молодыхъ. Пустынникъ увидалъ это, захотѣлъ и самъ передѣлаться: «дака, говоритъ, и я передѣлаюсь!» Пришелъ въ кузницу къ бѣсёнку, говоритъ: «нельзя ли и меня передѣлать на молодаго?» — Изволь, отвѣчаетъ хромой, и бросилъ пустынника въ горно; тамъ его варилъ-варилъ и выдернулъ молодцомъ; поставилъ его передъ зеркало: «поглядись-ка теперь — каковъ ты?» Пустынникъ самъ себѣ налюбоваться не можетъ. Потомъ понравилось (захотѣлось) ему жениться. Хромой предоставилъ ему невѣсту; оба они глядятся-не наглядятся другъ на друга, любуются-не налюбуются. Вотъ надобно ѣхать къ вѣнцу; бѣсёнокъ и говоритъ пустыннику: «смотри, когда вѣнцы станутъ накладывать, ты не крестись!» Пустынникъ думаетъ: какъ-же не креститься, когда вѣнцы накладываютъ? Не послушался его и перекрестился, а когда перекрестился — то увидѣлъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля. Еслибъ не перекрестился, такъ бы тутъ и повисъ на деревѣ; но Богъ отвелъ его отъ конечной погибели. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

—

с. Жилъ-былъ святой пустынникъ, и вычиталъ онъ въ писаніи: всё, чего ни пожелаешь, и всё, чего ни попросишь у Бога съ вѣрою, — то Господь тебѣ и даруетъ. Захотѣлось ему испытать: правда ли это? «Ну, можно ли тому статься, думалъ онъ; коли я пожелаю взять за себя царевну, то ужли-жъ царь и выдастъ её за такого старца!» Думалъ-думалъ и пошелъ къ царю. Такъ и такъ, говоритъ, хочу взять за себя царевну замужъ. А царь говоритъ: «коли ты достанешь мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто не видывалъ, такъ царевна будетъ твоею женою». Воротился пустынникъ въ келью; а чорту давно ужь досадно смотрѣть на его святое житіе, пришелъ онъ соблазнять пустынника и сталъ сказывать ему про свое могучество. «А сможешь ли ты, нечистой, влѣзть въ этотъ кувшинъ съ водою?» — Э! да я, пожалуй, въ пустой орѣхъ влѣзу, не только въ кувшинъ! «Одначе попробуй сюда влѣзть!» Чортъ съ дуру влѣзъ въ кувшинъ, а пустынникъ и началъ его крестить. «Пусти меня; сдѣлай милость, пусти! заоралъ чортъ во все горло; крестъ меня жжетъ, страшно жжетъ!» — Нѣтъ, не пущу! развѣ возьмешься достать мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто на свѣтѣ не видывалъ — ну, тогда другое дѣло! «Достану; право слово, достану; только пусти! Пустынникъ открестилъ кувшинъ; чортъ выскочилъ оттудова и улетѣлъ. Черезъ малое время воротился онъ съ такимъ дорогимъ камнемъ, что всякому на диво! Взялъ пустынникъ камень и понесъ къ царю. Тотъ — дѣлать нечего — велѣлъ царевнѣ готовиться замужъ за старца; а пустынникъ и говоритъ: «не надо! вишь, начиталъ я въ писаніи: чтò ни попрошу у Бога — то мнѣ и сдѣлаетъ, вотъ мнѣ и захотѣлось попытать, а взаправду-то жениться я не хочу». А нечистой ужь какъ было радовался, что смутилъ пустынника: «вотъ-де женится на царевнѣ, какое тутъ спасенье!»

Въ другой разъ заспорилъ пустынникъ съ чортомъ: «не влѣзишь де ты, окаянный, въ орѣхъ-свистунъ (свищь)! Чортъ расхвастался и влѣзъ. Вотъ пустынникъ давай его крестить. «Пусти! закричалъ нечистой, пожалуста пусти! меня огнемъ жжетъ!» — Выпущу, коли пропоешь ангельскіе гласы! «Не смѣю, говоритъ нечистой; меня разорвутъ за это наши!» — Одначе пропой! — Что дѣлать? согласился чортъ; вотъ выпустилъ его пустынникъ на волю, самъ палъ на колѣни и началъ Богу молиться, а нечистой запѣлъ ангельскіе гласы: то-то хорошо! то-то чудесно! Вишь, черти-то прежде были ангел*и*, отъ того они и знаютъ ангельскіе гласы. Какъ запѣлъ онъ — такъ и поднялся на небо: Богъ, значитъ, простилъ его за это пѣніе. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

21. ПУСТЫННИКЪ.

Было жило три мужика. Одинъ мужикъ былъ богатой; только жилъ онъ, жилъ на бѣломъ свѣтѣ, лѣтъ двѣсти прожилъ, всё не умираетъ; и старуха его была жива, и дѣти, и внуки, и правнуки всѣ были живы — никто не умираетъ; да что? изъ скотины даже ни одна не тратилась (не издыхала)! А другой мужикъ слылъ безсчастнымъ, ни въ чемъ не было ему удачи, потому что за всякое дѣло примался безъ молитвы; ну, и бродилъ себѣ то туда, то сюда, бéзъ толку. А третій-то мужикъ былъ горькой-горькой пьяница; все дò чиста съ себя пропилъ и сталъ таскаться пò міру.

Вотъ однова сошлись они вмѣстѣ, и отправились всѣ трое къ одному пустыннику. Старику захотѣлось вывѣдать, скоро ли Смерть за нимъ прійдётъ, а безсчастному да пьяницѣ —

долго ли имъ горе мыкать? Пришли и разсказали всё, что съ ними сталося. Пустынникъ вывелъ ихъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ сходились три дорожки, и велѣлъ древнему старику идти по одной тропинкѣ, безсчастному по другой, пьяницѣ по третьей: тамъ дискать всякъ свое увидитъ. Вотъ пошелъ старикъ по своей тропинкѣ, шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и увидалъ хоромы, да такіе славные, а въ хоромахъ два попа; только подступился къ попамъ, они ему и гуторятъ: «ступай, старичекъ, домой! какъ вернёшься — такъ и умрешь». Безсчастной увидалъ на своей тропинкѣ избу, вошелъ въ нее, а въ избѣ стоитъ столъ, на столѣ краюшка хлѣба. Проголодался безсчастный, обрадовался краюшкѣ, ужь и руку протянулъ, да позабылъ лобъ-то перекрестить — и краюшка тотчасъ исчезла! А пьяница шелъ-шелъ по своей дорожкѣ и дошелъ до колодца, заглянулъ туда, а въ немъ гады, лягва, змѣи и всякая срамота! Воротился безсчастный съ пьяницей къ пустынику и разсказали ему, что̀ видѣли. «Ну, сказалъ пустынникъ безсчастному, тебѣ николи и ни въ чемъ не будетъ удачи, пока ни станешь ты за дѣло приматься, благословясь и съ молитвою; а тебѣ, молвилъ пьяницѣ, уготована на томъ свѣтѣ му̀ка вѣчная — за то, что упиваешься ты виномъ, не вѣдая ни постовъ, ни праздниковъ!» А старикъ-то древній пошелъ домой, и только въ избу, а Смерть ужь пришла за душою. Онъ и за̀чалъ просить: «позволь еще пожить на бѣломъ свѣтѣ, я бы роздалъ свое богачество нищимъ; дай сроку хоть на три года!» — Нѣтъ тебѣ сроку ни на три недѣли, ни на три часа, ни на три минуты! говоритъ Смерть, чего прежде думалъ — не раздавалъ? Такъ и умеръ старикъ. Долго жилъ на землѣ, долго ждалъ Господь, а только какъ Смерть пришла — вспомнилъ о нищихъ. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

—

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКѢ.

Во дни нѣки посла Господь ангеловъ взяти душу бражникову, и поставити ю у вратъ пречистаго рая повелѣ. Бражникъ же нача талк(ит)ися во врата пречистаго рая. И пріиде ко вратамъ рая Петръ апостолъ и рече: «кто талкійся во врата пречистаго рая?» И отвѣща ему: «азъ ес(м)ь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече Петръ апостолъ: «отыде отсюда, человѣче; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ изготована мука вѣчная со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща ему бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица не вижу, и имени твоего не вѣмъ».—Азъ ес(м)ь Петръ апостолъ, который имѣю(етъ) ключи сего царствія славы. «Помнишь ли ты, господине Петре, когда Господа нашего І(и)суса Христа іудеи на судилище къ Каіаѳѣ поведоша и тебя вопрошали: ученикъ есть сего І(и)суса назарянина?—а ты трикраты отъ него отрекся. Аще бы не слезы твои и покаяніе, и тебѣ не быть въ раю; а я *хоша* и бражникъ—по вся дни Божіе пилъ и за всякимъ корцомъ имя Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него.» Слыша Петръ отвѣтъ бражниковъ, отыде отъ вратъ пречистаго рая и сумнися о семъ человѣцѣ бражникѣ.

Вторицею нача бражникъ талкитися у вратъ пречистаго рая, и пріиде ко вратамъ царь и пророкъ Давыдъ и рече: «кто талкійся у вратъ пречистаго рая?» И бысть гласъ къ нему: «азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече къ нему царь Давыдъ: «отыде, человѣче, отсюда; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто въ муку вѣчную со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». И рече къ нему царь Давыдъ: «азъ есмь царь и про-

рокъ, который сѣдяй со Авраамомъ и Исаакомъ на лонѣ царствія сего, и состави псалтырь и пѣсни троичныя». И бысть отвѣтъ бражниковъ: «помнише ли ты, царю Давыде, когда бысть брань на Голіафы (?), тогда ты слугу своего Урію на войну услалъ, и тамо его смерти предати повелѣлъ, а жену его къ себѣ въ прелюбодѣяніе прiялъ? Аще бы не были твои слезы и покаяніе, и тебѣ не быть бы въ раю». Слыша сіе. царь Давыдъ отыде и сумнися о семъ человѣцѣ.

Бражникъ же нача третицею талкитися у вратъ пречистаго рая. И пріиде ко вратамъ Іоаннъ Богословъ и рече: «кто талкійся у вратъ пречистаго рая?» И отвѣща ему: «азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами вмѣстѣ въ раю жити». И рече Іоаннъ Богословъ: «отыде отсюда, человѣче; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто во огнь кромечный съ прелюбодѣями вмѣстѣ». Отвѣща бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — Азъ есмь Іоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, наперсникъ, возлюбленникъ и дѣвственникъ. «О господине Іоанне Богослове! не самъ ли ты написалъ во евангеліе(и), что любите другъ друга, а ты нынѣ меня ненавидишь и въ раю жити не водворяешь; или отрекися отъ письма руки своея, или вырви изъ книги листъ тотъ, который написалъ ты самъ!» Отыде Іоаннъ Богословъ и сумнися о семъ человѣцѣ, и повелѣ апостолу Петру впустити его во царствіе небесное. — (Заимствована изъ рукописи XVIII-го столѣтія.)

23. ЦАРЕВИЧЬ ЕВСТАФІЙ.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У него былъ младой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни пировъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по улицамъ, да водиться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Крѣпко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцемъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебреной, а третій — просто расколоть кряжъ на двое, выдолбить корытомъ, и прицѣпить замо́къ. Сдѣлали слесаря̀ три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотрятъ, что̀ такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебреномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ накладена всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и заперъ ихъ на̀крѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался, и спрашиваетъ у царевича Евстафія: «что это за насмѣшку ты дѣлаешь?»—«Государь батюшка! говоритъ царевичъ; ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они сто́ятъ?» Вотъ бояре серебреной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а на деревянной и смотрѣть не хотятъ. Евстафій-царевичъ говоритъ: «отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите что̀ въ нихъ!» Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли въ серебреной—и здѣсь тоже; открыли деревяной, а въ немъ ростутъ древа съ плодами и листвіемъ, испускаютъ отъ себя духи сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградою. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія. — (Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля.)

—

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТІЮ.

Бысть во градѣ Ѳилуянѣ царь, именемъ Аггей, славенъ зѣло. И по времени приключишася стояти ему въ церкви у божественныя литургіи и чтущу іерею святое евангеліе, егда іерей прочтя строки евангельскія, внемлетъ писано: «богати обнищаютъ, а нищіи обогатѣютъ!» Слышавъ же то царь и возъярися, и рече царь: «писано ложно есть сіе писаніе: евангельское слово, а неправда!» И глаголетъ царь: «азъ есмь богатъ зѣло и славенъ; како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?» Егда-жъ оттольи (?) ужасти наполнися, и повелѣ царь іерея посадити въ темницу, а листъ повелѣ изъ евангелія выдрать. И поиде царь въ домъ свой и нача пити и ясти и веселитися.

Видѣвша же царь въ полѣ оленя, поѣха [1]) и взя съ собою юношовъ, и погна въ слѣдъ и хотѣ оленя уловити. Бѣ же олень прекрасенъ зѣло. Царь же рече отрокомъ своимъ: «стойте вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя». И погна въ слѣдъ; олень поплы за рѣку. Царь привяза коня своего къ дубу, и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку переплы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангелъ Господень всѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: «уплы елень за рѣку»—и поѣде [2]) съ юношами во градъ свой ко царицѣ. Царь же Аггей обратился вздадъ на коня, и ни коня и ни платія не обрѣтаетъ, и ста нагъ и весьма задумался.

---

[1]) Въ рукописи: «царь же поѣдиша».

[2]) Въ рук. прибавлено: «царь».

И поиде Аггей ко граду своему, и видѣ пастуховъ пасуща воловъ и вопроша у нихъ: «братія меньшая пастухи, гдѣ есть видѣли коня и платіе мое?» Пастухи вопроша его: «кто еси ты?» Онъ же рече имъ: «азъ есмь царь вашъ Аггей». Пастухи же рѣша: «окаянный человѣкъ! какъ ты смѣеши называтися царемъ? мы же видѣли царя Аггея, нынѣ проѣхалъ во градъ свой съ пяти(ью) юношами». И нача его бранити, бити кнутами и трубами (?); царь же нача плакати и рыдати. Пастухи отбиша его прочь, и пошедъ ко граду своему нагъ. И срѣтоша его торговые люди града того и вопрошаша его: «человѣче, что еси нагъ?» И онъ рече: «одежду мою пограбили разбойники». Они же даша ему одежду худую и раздраную. Онъ же взялъ и поклонишася имъ, и поиде ко граду своему; и пришедши ко граду своему, попросися къ нѣкоей вдовѣ ночевать и нача ее вопрошати: «скажи, госпоже моя, кто есть у васъ царь?» Она же отвѣщаша ему: «или ты не нашей земли человѣкъ?» И сказа ему: «царь есть у насъ Аггей». Онъ вопроси: «сколько лѣтъ царствуетъ?» Она же сказала ему: «35 лѣтъ». Онъ же написавъ своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тайныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою. Онъ же написася мужемъ ея царемъ Аггеемъ. И нападе на ню страхъ великъ; во страсѣ томъ нача говорити: «како сей убогій [1]) человѣкъ нарицаетъ своею ми [2]) женою? аще сіе повѣдаетъ царь, повелитъ казнити». И повелѣ бити его кнутомъ нещадно безъ царскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша едва жива; онъ же поиде изъ града, плача и рыдая, и воспоминая евангельское слово, что богатіи обнищаютъ, а

---

[1]) Въ рукоп: «убити».

[2]) Въ рукоп: «нарицает*ся ее* ми».

нищіи обогатѣютъ, и каяся о томъ попу, како похули святое евангеліе, и како іерея въ темницу посадилъ, и поидоша незнаемымъ путемъ. Царица рече являющемуся во образѣ царя ангелу: «ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не твориши; како мнѣ пребывати мимо тебя?» Царь же рече ей: «обѣщаніе дано Богу, что три года съ тобою не спать и постели не творить» — отыде отъ нея въ царскую свою палату.

Аггей царь пріиде въ незнаемый градъ, нанялся у крестьянина работати въ лѣто; и работати крестьянскаго дѣла не умѣетъ, и крестьянинъ ему отказа. Онъ же нача плакати и рыдати, и пойдоша путемъ отъ города того, и срѣтоша его на пути нищіи. Онъ же рече имъ: «возьмите убо, братія, и меня съ собою; нынѣ человѣкъ убогъ, работать не умѣю, а просить не смѣю и стыжуся. Что ми велите, я у васъ стану труждатися». Они же поимше его съ собою и даша ему суму носити. Они же пріидоша къ ночлегу ночевати и повелѣ ему баню топити, и воду носити, и постелю стлати. Царь же Аггей возплакася горько: «увы мнѣ! что сотворилъ себѣ. Владыку прогнѣвалъ; самъ же царства своего лишился и погибель себѣ сотворилъ, а вся пострадалъ за слово евангельское!..[1]). Заутра же возста нищіе и поидоша ко граду своему Өилуану, и пришедши на царскій дворъ и нача милостыни просити. И бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, кормити[2]) довольно, и повелѣ взять у нищихъ мѣхоношу въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И какъ пиръ у царя разшелся, и бояра и гости всѣ розыдошася, ангелъ[3]) въ образѣ Аггея царя пріиде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь съ нищими обѣдаетъ. «Вѣдаеши ли

[1]) Въ рукоп. прибавлено: «а правда».
[2]) Въ рукоп. вставлено здѣсь: «велѣлъ».
[3]) Въ рукоп. вмѣсто этого слова стоитъ: «царь».

ты царя гордаго и великаго, како похули слово евангельское?» И нача его учити и наказывати впредь евангельское слово не хулить и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быть[1]).—(Изъ собранія В. И. Даля, которому легенда эта, заимствованная изъ старой рукописи, доставлена изъ шенкурскаго уѣзда, архангельской губерніи.)

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Одинъ старецъ просилъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умираютъ праведники. Вотъ явился къ нему ангелъ и говоритъ: «ступай въ такое-то село и увидишь, какъ умираютъ праведники». Пошелъ старецъ; приходитъ въ село и просится въ одинъ домъ ночевать. Хозяева ему отвѣчаютъ: «мы бы рады пустить тебя, старичекъ, да родитель у насъ боленъ, при смерти лежитъ». Больной услыхалъ эти рѣчи и приказалъ дѣтямъ впустить странника. Старецъ вошелъ въ избу и расположился на ночлегъ. А больной созвалъ своихъ сыновей и снохъ, сдѣлалъ имъ родительское наставленіе, далъ свое послѣднее на вѣки нерушимое благословеніе, и простился со всѣми. И въ туже ночь пришла къ нему Смерть съ ангелами; вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, запѣли: «Иже херувимы» и понесли въ рай. Никто того не могъ видѣть; видѣлъ только одинъ старецъ. Дождался онъ

[1]) Въ другомъ спискѣ ангелъ спрашиваетъ царя Аггея: «правду ли въ церкви поютъ: богатые обнищаютъ и взалкаютъ?» Царь говоритъ: «справедливъ этотъ стихъ; каждую службу велю его пѣть, лишь бы Господь меня простилъ». Ангелъ отдалъ ему царское платье, и исчезъ. Царь Аггей опять сѣлъ на царство, разсказалъ свое похожденіе и заповѣдалъ всякую службу пѣть стихъ: богатые обнищаютъ и взалкаютъ.

похоронъ праведника, отслужилъ панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть святую кончину.

Послѣ того просилъ старецъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умираютъ грѣшники; и былъ ему гласъ свыше: «иди въ такое-то село и увидишь, какъ умираютъ грѣшники». Старецъ пошелъ въ то самое село и выпросился переночевать у трехъ братьевъ. Вотъ хозяева воротились съ молотьбы въ избу, и принялись всякъ за свое дѣло, начали пустое болтать да пѣсни пѣть; и невидимо имъ пришла Смерть съ молоткомъ въ рукахъ и ударила одного брата въ голову. «Ой голова болитъ!... ой смерть моя!...» закричалъ онъ и тутъ-же померъ. Старецъ дождался похоронъ грѣшника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть смерть праведнаго и грѣшнаго. —(Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля.)

26. АНГЕЛЪ.

Родила баба двойни. И посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ души изъ бабы и полетѣлъ назадъ къ Богу. «Что вынулъ душу?» спрашиваетъ его Господь. — Нѣтъ, Господи! «Чтожъ такъ?» Ангелъ сказалъ: «у той бабы, Господи, есть два малыхъ младенца; чѣмъ-же они станутъ питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его на двое. «Полѣзай туда!» сказалъ Богъ ангелу; ангелъ полѣзъ въ трещину. «Что видишь тамъ?» спросилъ Господь. — Вижу двухъ червячковъ. «Кто питаетъ этихъ червячковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ

младенцевъ!» И отнялъ Богъ у ангела крылья, и пустилъ его на землю на три года.

Нанялся ангелъ въ батраки у попа. Живетъ у него годъ и другой; разъ послалъ его попъ куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай бросать въ неё каменья, а самъ норовитъ, какъ-бы прямо въ крестъ попасть. Народу собралось много-много, и принялись всѣ ругать его; чуть-чуть ни прибили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. «Что за болванъ такой! говорятъ прохожіе; на церковь каменья швыряетъ, а на кабакъ молится! мало бьютъ эдакихъ дураковъ!...» А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидалъ нищаго, и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то люди прохожіе и пошли къ попу съ жалобой: такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ — только дуритъ, надъ святынею насмѣхается, надъ убогими ругается. Сталъ попъ его допрашивать: «зачѣмъ де ты на церковь каменья бросалъ, на кабакъ Богу молился?» Говоритъ ему батракъ: «не на церковь бросалъ я каменья, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ Божьимъ, такъ и лѣпится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать въ нее каменьями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много народу, пьютъ, гуляютъ, о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смѣртной погибели». — А за что облаялъ убогаго? «Какой то убогой! много есть у него денегъ, а все ходитъ по міру да сбираетъ милостину: только у прямыхъ нищихъ хлѣбъ отнимаетъ. За то и назвалъ его попрошайкою [1].»

---

[1]) *Варіантъ:* Нанялся ангелъ у мужика три года работать; выработалъ три рубля, пошелъ на базаръ, накупилъ калачей и роздалъ нищимъ. Видитъ онъ: ѣдутъ два мальчика и упалъ лицомъ на-земь, а послѣ набралъ камней

Отжилъ батракъ свои три года. Попъ даетъ ему деньги, а онъ говоритъ: «нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи меня». Пошелъ попъ провожать его. Вотъ шли они-шли, долго шли. И далъ Господь снова ангелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на небо. Тутъ только узналъ попъ, кто служилъ у него цѣлыхъ три года. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

27. КУМОВА КРОВАТЬ.

Жили-были мужикъ да баба, у нихъ былъ сынъ. И такъ обѣдняли они, хоть по міру иди. Мужикъ думалъ-думалъ, что дѣлать, какъ хлѣба добывать? — и надумался: сталъ учиться колдовству, учился-учился, и таки выучился съ чертями водиться. Вотъ пришло ему время женить сына. «Дай, говоритъ онъ, пойду да сосватаю у своихъ пріятелей-чертей.» Пошелъ и сосваталъ за сына опившуюся дѣвку, что̀ возитъ у чертей воду съ прочими опойцами. Дѣло сдѣлали, по рукамъ ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жениха въ богатые каменные хоромы свадьбу играть, и разослали позыватыхъ звать гостей на пиръ, на веселье. Со всѣхъ сторонъ наѣхало видимо-невидимо чертей; собрались и начали пить, ѣсть, веселиться. Сватъ съ самимъ сатаной въ передѣ [1]) сидитъ. Вотъ начали молодые дары дарить. Сатана

и давай метать на избу. Вотъ стали его спрашивать: «скажи, человѣче, зачѣмъ ты лицомъ упалъ на-земь?» — А за тѣмъ, что ради этихъ мальчиковъ Богъ отнялъ у меня ангельскія крылья. «А зачѣмъ металъ на избу каменья?» — За тѣмъ, что хозяева на ту пору обѣдали, и я отгонялъ отъ нихъ дьявола.

[1]) Перёдъ — передній уголъ, почетное мѣсто въ избѣ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 155).

много на отдарье положилъ казны, и говоритъ свату: «ну, сватушка! подарилъ я молодаго деньгами, подарю и слугою. Вишь, одинъ мужикъ продалъ намъ своего сына и росписку на томъ далъ; коли хочешь, кумъ, — я тебѣ съ сыномъ подарю эту росписку?» Кумъ билъ ему челомъ, а сатана созвалъ всѣхъ чертей и спрашиваетъ: у кого росписка? Указали на одного чорта, а тотъ знай себѣ запирается, не хочетъ отдавать росписки. Сатана приказалъ его раздѣть и бить за утайку желѣзными прутьями. Какъ ни били, какъ ни колотили его — не могли ничего сдѣлать, стоитъ на своемъ да и только. Сатана и крикнулъ: «тащите-ка его на кумову кровать!» Чортъ такъ напугался, что сейчасъ-же досталъ росписку и отдалъ сатанѣ, а сатана куму. Вотъ сватъ и спрашиваетъ сатану: «какая это у васъ кумова кровать, что̀ даже чортъ напугался?» — «Да такъ, кумъ, простая!» — «Какъ, кумъ, простая? нѣтъ, смотри, не простая!» — «Ну для тебя, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сдѣлана для насъ, чертей, и для нашихъ сродниковъ, сватовъ, кумовьевъ; она вся огненная, на колесахъ, и кругомъ вертится.» Сватъ убоялся, вскочилъ съ мѣста и давай Богъ ноги. А сатана вслѣдъ ему говоритъ: «куда, кумъ, торопишься? посиди, побесѣдуй съ нами. Да вѣдь не уйдешь отъ насъ; пожалуй, и притащутъ милаго!» — (Записана въ саратовской губерніи; изъ собранія В. И. Даля.)

28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНІЕ.

а. Жила-была старуха, у ней были одинъ сынъ и одна дочь. Жили они въ превеликой бѣдности. Вотъ разъ какъ-то пошелъ сынъ въ чистое поле посмотрѣть на озимые всходы;

вышелъ и осмотрѣлся кругомъ: стоитъ недалеча высокая гора, а на той горѣ на самомъ верху клубится густой дымъ. «Что за диво такое! думаетъ онъ; ужь давно стоитъ эта гора, никогда не видалъ на ней и малаго дыма, а теперича. вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на̀ гору.» Вотъ полѣзъ на̀ гору, а она была крутая-крутая! — насилу взобрался на самой верхъ. Смотритъ — а тамъ стоитъ большой котелъ полонъ золота. «Это Господь кладъ послалъ на нашу бѣдность!» подумалъ парень, подошелъ къ котлу, нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать — какъ послышался голосъ: «не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!» Оглянулся онъ назадъ — никого не видно, и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось! Опять нагнулся и только хотѣлъ набрать горсть изъ котла — какъ послышались тѣ-же самыя слова. «Что такое? говоритъ онъ самъ себѣ, никого нѣтъ, а голосъ слышу!» Думалъ-думалъ и рѣшился въ третій разъ подойдти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: «тебѣ сказано — не смѣй трогать! а коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: все золото — твое будетъ!»

Воротился парень домой и крѣпко призадумался. Мать и спрашиваетъ: «что съ тобой? ишь ты какой невеселой!» Пристала къ нему, и такъ и сякъ подговаривается; сынъ не выдержалъ, и признался про все, что съ нимъ было. Старуха какъ услыхала, что онъ нашелъ большой кладъ, съ того самаго часу и зачала въ мысляхъ держать, какъ-бы ухитриться, смутить сына да на грѣхъ навести. И въ первой таки праздникъ позвала къ себѣ куму, перемолвила съ нею и съ дочерью, и придумали онѣ вмѣстѣ напоить ма̀лаго пьянымъ. Принесли вина и ну его подчивать; вотъ онъ выпилъ рюмку, выпилъ и другую, и третью, и напился до того, что совсѣмъ позабылся

и сотворилъ грѣхъ со всѣми тремя: съ матерью, сестрою и кумою. Пьяному море по колѣна; а какъ проспался да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ, — такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы! «Ну что-же, сынокъ! говоритъ ему старуха, о чемъ тебѣ печалиться? ступай-ка на̀ гору да таскай деньги въ избу.» Собрался парень, взошелъ на̀ гору, смотритъ: золото стоитъ въ котлѣ нетронуто, такъ и блеститъ! «Куды мнѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только-бъ грѣха избыть.» И послышался голосъ: «ну, что еще думаешь? теперича не бойся, бери смѣло, все золото — твое!» Тяжело воздохнулъ парень, горько заплакалъ, нѐ взялъ ни одной копѣйки и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Идетъ себѣ да идетъ дорогою, и кто ни встрѣтится — всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И съ страшнаго горя пустился онъ въ разбой; всякаго, кто только попадется на встрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ — тотчасъ убиваетъ до-смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, и всего — девяносто девять душъ; а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И пошелъ онъ въ темный дремучій лѣсъ, ходилъ-ходилъ, и увидалъ избушку — такая малая, тѣсная, вся изъ дёрну складена; а въ этой избушкѣ спасался скитникъ. Вошелъ въ избушку; скитникъ и спрашиваетъ: «откуда ты, доброй человѣкъ, и чего ищешь?» Разбойникъ разсказалъ ему. Скитникъ подумалъ и говоритъ: «много за тобою грѣховъ, не могу наложить на тебя эпитимью!» — Коли не наложишь на меня эпитимьи, такъ и тебѣ не миновать смерти; я загубилъ девяносто девять душъ, а съ тобой ровно будетъ сто. Убилъ скитника и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и добрался до такого мѣста, гдѣ спасался другой скитникъ, и разсказалъ

ему про все. «Хорошо, говоритъ скитникъ, я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?» — Что знаешь, то и приказывай, хоть каменья грызть зубами — и то стану дѣлать!—Взялъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?» А озеро-то было внизу горы, съ полверсты эдакъ. «Вижу», говоритъ разбойникъ. «Ну, ползай же къ энтому озеру на колѣнкахъ, носи оттудова ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покудова ни пуститъ она отростковъ и ни выростетъ отъ неё(я) яблоня. Вотъ когда выростетъ отъ неё яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты тряхнешь ее, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на́-земь: тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи.» Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спасаться по прежнему. А разбойникъ сталъ на колѣна, поползъ къ озеру и набралъ въ ротъ воды, взлѣзъ на̀ гору, полилъ головешку и опять поползъ за водою. Долго, долго эдакъ онъ потрудился; прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ— и пробилъ онъ колѣнками дорогу, по которой ползалъ, въ поясъ глубины, и дала головешка отростокъ. Прошло еще семь лѣтъ — и выросла яблоня, разцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худаго да тощаго: однѣ кости! «Ну, братъ, тряси теперь яблоню.» Тряхнулъ онъ дерево, и съ-разу осыпались всѣ до единаго яблоки; въ ту-жъ минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предалъ его землѣ честно.

—

ь. Была вдова, у ней было двое дѣтей: сынъ и дочь. Жили они въ большой бѣдности. Вотъ мать и надумалась отдать своего сына въ пастухи. Въ одно время пасъ онъ скотину въ лѣсу. И привёзъ туда колдунъ возъ денегъ, вырылъ яму,

вывалилъ въ нее деньги, забросалъ землею, и сталъ заклинать: «достаньтесь, мои деньги, тому, кто сотворитъ грѣхъ съ родной матерью, съ родной сестрою и съ кумою!» Заклялъ и уѣхалъ. Пастухъ все это слышалъ; пригналъ скотину на село, и разсказалъ про этотъ кладъ своей матери. Крѣпко польстилась она на деньги; вотъ на утро нарядилась она такъ, что̀ и признать ее нельзя, и пошла туда, гдѣ сынъ ея пасъ скотину; пришла и давай съ нимъ играть. Играла-играла и навела его на грѣхъ... На другой день нарядила она свою дочь, послала въ поле и наказала, что дѣлать. И эта играла-играла съ пастухомъ, и навела его на грѣхъ... Воротился сынъ домой. Вдова и говоритъ ему: «ступай, доставай кладъ!» — Ахъ, матушка, вѣдь я тебѣ сказывалъ, какой это кладъ: мнѣ онъ не дастся! «Небось, дастся! вѣдь ты сотворилъ грѣхъ и со мною, и съ сестрою, а она тебѣ и сестра и кума вмѣстѣ; ты съ ней у сосѣда крестилъ.» — Ахъ, матушка, матушка! до чего ты меня довела? не хочу теперь съ вами жить, лучше пойду—куда глаза глядятъ! И только вышелъ сынъ за ворота и сдѣлалъ шаговъ десять, какъ вдругъ поднялся вѣтеръ, изба вспыхнула и въ одну минуту сгорѣла вмѣстѣ съ его матерью и сестрою. Онъ еще пуще пріунылъ и подумалъ про себя: «стало быть, я великой грѣшникъ передъ людьми и Богомъ!»

Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ; увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынникъ его и спрашиваетъ: «кто тамъ?» — Грѣшникъ, святый отче! «Подожди, молитву окончу.» Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашиваетъ: «куда Богъ несетъ? и что надобно?» Разсказалъ ему странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмолить его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи — тамъ живетъ пустынникъ старѣй меня вдвое; мо-

жетъ, онъ тебѣ и скажетъ...» Пошелъ странникъ дальше и дальше, приходитъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ онъ. — Грѣшникъ, святый отче! «Подожди, молитву окончу.» Окончилъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: что за грѣшникъ такой? Странникъ разсказалъ про все. «Коли хочешь отмаливать свои грѣхи, сказалъ ему пустынникъ, такъ пойдемъ со мною.» Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: «свалика эту березу и разруби ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они горѣли-горѣли, и остались только три малыя головешки. «Закопай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головешки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій... долго-долго трудился: двѣ головешки ужь пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ, видитъ: выросло двѣ березки, и говоритъ: «Богъ простилъ тебѣ два грѣха — съ матерью и сестрою, а третьяго — съ кумою—ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока ни станутъ всѣ овцы бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасетъ годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несётъ — только овцы всё остаются черными.

Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то человѣкъ: ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ, что это за человѣкъ ѣздитъ?» Вышелъ на дорогу, подождалъ немножко и видитъ: подъѣзжаетъ тотъ самой человѣкъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?» — Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью

за̀ ночь, тѣмъ веселѣе пѣсню пою! Не утерпѣлъ пастух, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповалъ. «Ахъ, что-же я надѣлалъ? говоритъ онъ, одного еще грѣха не отмолилъ, а ужь другой грѣхъ нажилъ!» Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя; пригналъ овецъ къ пустыннику и разсказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говоритъ: «это за тебя міръ умолилъ Бога!» — (Обѣ изъ собранія В. И. Даля.)

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Жилъ-былъ старикъ, да такой горькой пьяница, что̀ и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и поплелся во хмѣлю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку; подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинулъ съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрёлъ по водѣ; только дошелъ до средины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и поминай какъ звали!

Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, потужилъ, поплакалъ, отслужилъ за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «кой чортъ тебя по̀дъ ноги суётъ!» Петруша услыхалъ такія рѣчи и говоритъ: «здорово, тетка! куды путь держишь?» — Въ церковь, родимой, Богу молиться. «Какъ-же тебѣ не грѣшно: идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь...» Ну, отслушалъ онъ обѣдню и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возь-

мись — сталъ передъ нимъ мо̀лодецъ, поклонился и говоритъ: «спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!» — Кто ты таковъ и за что благодарствуешь? спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволъ; а тебѣ благодарствую за то, что̀ какъ спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово.» И началъ просить: «побывай де, Петруша, ко мнѣ въ гости; я тебя во-какъ награжу! и сребромъ и златомъ, всѣмъ надѣлю!» — Хорошо, говоритъ Петруша, побываю. Дьяволъ разсказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу; шелъ-шелъ, цѣлыхъ три дня шелъ, и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворецъ. Вотъ онъ вошелъ во дворецъ, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: «зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй мо̀лодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша разсказалъ ей, какъ и зачѣмъ попалъ въ этотъ дворецъ. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица, станетъ давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возятъ. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шелъ онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадью, да и возятъ теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самой мо̀лодецъ, что̀ звалъ Петрушу въ гости, и принялся угощать его всякими напитками и наѣдками. Пришло время отправляться Петрушѣ домой. «Пойдемъ, сказалъ ему дьяволъ, я надѣлю тебя деньгами и славною лошадью, живо до дому доѣдешь.» — Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша; а коли хочешь дарить — подари ту ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возятъ.

«Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до̀ дому доберешься, она того и смотри околѣетъ!» — Все равно, подари; окромя ея, другой не возьму! Отдалъ ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повелъ ее за узду. Только за ворота, а на встрѣчу ему красная дѣвица: «что досталъ лошадь?» — Досталъ. «Ну, доброй мо̀лодецъ, какъ придёшь подъ свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову.» Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя мѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а намѣсто ея стоялъ передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горючими слезами и повелъ его въ свою избу; старикъ-атъ три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владàлъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про пьянство, и до самаго послѣдняго дня ни капли вина не пилъ. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

30. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ съ женою; дѣтей у нихъ не было. Стали они просить Бога, чтобы далъ имъ дѣтище во младости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души. Создалъ имъ Господь дѣтище. Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду и началъ просить въ кумовья: «пожалуй, говоритъ, приведи младенца въ крещеную вѣру». Сосѣдъ отказался за тѣмъ, что мужикъ-то былъ очепно бѣденъ. По-

шелъ онъ къ другому, и тотъ отказался. Всю деревню исходилъ, никто къ нему не йдетъ въ кумовья. Что дѣлать? пошелъ мужикъ въ иную деревню. Идетъ путемъ-дорогою, и попадается ему на встрѣчу незнакомый старецъ. «Здорово, добрый человѣкъ! куда идешь, куда путь держишь?» — Здорово, дѣдушка! далъ мнѣ Господь дѣтище во младости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души, да вотъ прилучилось какое горе: человѣкъ я бѣдной, никто и не йдетъ ко мнѣ привести младенца въ крещеную вѣру. «Возьми меня.» Мужикъ несказанно тому обрадовался и благодарствовалъ старику. «Ну, говоритъ старецъ, ступай теперь къ богатому купцу, проси дочь его въ крёс(т)ныя матери.» — Ахъ, нарѣченной кумъ! какъ мнѣ къ купцу идти, онъ мною побрезгаетъ. «Не твоя печаль! ступай и проси. Да смотри, чтобъ къ завтраму, къ утру, все было готово.» Бѣдной мужикъ воротился домой, запрёгъ лошадь и поѣхалъ въ городъ къ богатому купцу. «Что на́дыть?» спрашиваетъ купецъ. — Да вотъ, господинъ купецъ! далъ мнѣ Господь дѣтище во младости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души. Пожалуй, отпусти свою дочь въ крёс(т)ныя. «А когда у тебя кстины (крестины)?» — Завтра утромъ. «Ну, хорошо; ступай съ Богомъ, она пріѣдетъ.»

На другой день поутру пріѣхала кума, пришелъ и кумъ, и окстили младенца. Распрощались и пошли по своимъ мѣстамъ. Сталъ младенецъ возрастать, да такой умной да доброй, всѣмъ сосѣдямъ на зависть. Отдали его учиться грамотѣ; которые учатся лѣтъ по пяти, а онъ всю науку въ годъ окончалъ, всѣхъ перегналъ! Пришла святая недѣля. Отслушалъ мальчикъ заутреню и раннюю обѣдню, сходилъ къ крёс(т)ной матери, похристосовался, воротился домой и спрашиваетъ: «батюшка и матушка! гдѣ живетъ мой крёс(т)ной, я бы къ нему пошелъ, похристосовался?» — Любезный сынъ, говорятъ они, мы и сами не знаемъ; какъ окрестилъ онъ тебя — съ той самой поры мы его и не видали, и ничего про него не слыхали. «Ну, батюшка и матушка! прощайте; пойду искать своего крёс(т)наго.» И пошелъ онъ, куда глаза глядятъ; шелъ-шелъ, вышелъ въ чистое поле и повстрѣчался ему старецъ. «Здраствуй! говоритъ старецъ, куда йдешь, куда путь держишь?» — Здорово, дѣдушка! иду искать крёс(т)наго. «Я твой крёс(т)ной, говоритъ старикъ; пойдемъ со мною.» А старикъ-то былъ самъ Господь, и повелъ онъ своего крестника въ царство небесное; привелъ и приказываетъ: «смотри, крестникъ! по всѣмъ палатамъ гуляй, не входи только въ эту дверь». Сказалъ и ушелъ отъ него; остался мальчикъ одинъ. Вотъ онъ ходилъ-ходилъ по всѣмъ палатамъ и вздумалъ себѣ: отъ чего такъ не велѣлъ мнѣ крёс(т)ной входить въ эту комнату? дай пойду, посмотрю — что тамъ такое? Вошелъ и увидѣлъ тамъ разбойника, а передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ человѣкъ; жалко ему стало того человѣка, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника. Вдругъ является Господь. «Не послушалъ, говоритъ, ты моего приказанія! Этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человѣкъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай-же на землю и трудись, пока грѣховъ своихъ ни замолишь!» Указалъ ему Господь дорогу: «иди вотъ по этой дорогѣ; будутъ тебѣ на пути два озера, по поясъ глубины отъ берега до берега; смотри-же не пей изъ нихъ воды, а коли напьешься — на вѣкъ погибнешь».

Пошелъ мальчикъ путемъ-дорогою; шелъ-шелъ, и пришелъ къ первому озеру. Сталъ переходить на другой берегъ, добрался ужь до средины, и захотѣлось ему пить; такая жажда напала, что утерпѣть не въ моготу̀. Началъ онъ молиться Богу, и вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему легче. Вышелъ онъ на другую сторону, глянулъ

въ воду и видитъ, что на головѣ у него во́лосы стали серебреные. Пустился дальше въ путь-дорогу, пришелъ къ другому озеру, сталъ перебираться на тотъ берегъ, добрался до средины, и опять напала на него жажда: такъ бы вотъ и испилъ! Началъ онъ Богу молиться, и опять вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему гораздо полегче. Вышелъ на̀ берегъ, глянулъ въ воду и увидѣлъ на своей головѣ золотые во́лосы. Пустился дальше; шелъ-шелъ, пришелъ въ большой городъ, купилъ на рынкѣ воловій пузырь и надѣлъ его на голову; измарался весь грязью и замѣшался межъ поденщиками. Пришелъ на рынокъ царской садовникъ, забралъ всѣхъ поденщиковъ; одного его не берётъ на работу. «Чтожъ ты меня не возьмешь?» — Да ты кто? «Я — Иванъ Шолудивый, садовникъ.» — Ну, коли ты садовникъ, мнѣ такихъ и надо. И повелъ его прямо къ царю въ садъ. Раздалъ всѣмъ поденщикамъ работу; остался одинъ Иванъ Шолудивый. А у этого царя была любимая яблоня, и засохла тому лѣтъ уже десять; привелъ онъ его къ той яблони и говоритъ: «вотъ тебѣ работа, привей эту яблоню». Иванъ Шолудивый взялъ ножикъ и привилъ яблоню; она сейчасъ принялась, разцвѣла и принесла такія-же славныя яблоки, какія и прежде давала. Какъ увидалъ то садовникъ — вздивовался; къ вечеру расчиталъ онъ всѣхъ поденщиковъ, а Ивана Шолудиваго оставилъ при себѣ: «живи, братъ, у меня; ты мнѣ нуженъ!» Живетъ Иванъ Шолудивый у царя въ саду, ни съ кѣмъ дружбы не сводитъ, не гуляетъ, а все Богу молится. Разъ поутру всталъ онъ рано и пошелъ прямо къ колодезю, скинулъ съ головы воловій пузырь и давай умываться; умылся и началъ расчесывать свои золотыя кудри. Увидала его изъ окна меньшая царевна и такъ полюбила, что и во снѣ и на яву—все его видитъ.

Вотъ собрались царевны, пришли къ своему родителю и пали въ ноги: «не прикажи, говорятъ, казнить; прикажи рѣчь

говорить». — Говорите, любезныя дочери! «Милосливой батюшка! мы уже въ совершенныхъ лѣтахъ, пора намъ выходить замужъ.» — Ладно, говоритъ царь и разослалъ по всѣмъ царствамъ, по всѣмъ государствамъ, чтобы со всѣхъ сторонъ съѣзжались женихи: цари и царевичи, короли и королевичи, и могучіе богатыри. Съѣхались женихи, пошелъ пиръ на весь міръ [1]). Вотъ царь всталъ и говоритъ своей большой дочери: «ступай, дочь любезная! выбирай себѣ жениха». Выбрала большая царевна; послѣ того пошла середняя царевна — и та выбрала себѣ жениха. «Ну, выбирай ты!» говоритъ царь меньшой царевнѣ. Она взяла налила чарку водки и говоритъ: «кто эту чарку выпьетъ, тотъ и женихъ мой будетъ!» Поднесла чарку прямо къ Ивану Шолудивому, поклонилась ему и подчуетъ: «ну, нарѣченный супругъ, кушай на здравіе!» У царя ни пиво варить, ни вино курить, честнымъ пиркомъ да за свадебку. Повѣнчали царевенъ. Вотъ старшія сестры и смѣются надъ меньшою: твой де мужъ какъ есть дуракъ! — Вамъ что за нужда? отвѣчаетъ царевна, вить не вамъ съ дуракомъ жить!

Жили они долго ли, коротко ли; напалъ на то царство сильный непріятель. Собрались старшіе зятья и поѣхали сражаться. А Иванъ Шолудивый вышелъ въ чистое поле, свиснулъ-крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: «эй ты, сивка-бурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» Откуда нѐ взялся конь, сталъ передъ нимъ какъ вкопанный. Надѣлъ онъ на себя платье богатырское, сѣлъ на коня, ударилъ по крутымъ бедрамъ, и понесся на непріятеля, словно соколъ на гусей и лебедей, и сталъ побивать направо и налѣво. Только самого его ранили въ лѣвую руку; увидала то меньшая царевна, взяла платокъ и перевязала ему руку.

---

1) *Вар.* «пошелъ пиръ горою.»

Опять поѣхалъ Иванъ Шолудивый и перебилъ до чиста все войско непріятельское; воротился въ царской садъ, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Увидала его царевна и спознала, кто таковъ богатырь былъ; сказала царю — тотъ такъ обрадовался, что на радостяхъ отдалъ ему половину царства; и стали они себѣ жить-поживать, да добра наживать. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЪ.

Жилъ-былъ кузнецъ, у него былъ сынъ лѣтъ шести, мальчикъ бойкой и разумной. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда, и видитъ: нарисованъ чортъ, да такой страшной — чорной, съ рогами и съ хвостомъ. «Ишь какой!» подумалъ онъ, «дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ.» Вотъ и нанялъ маляра, и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта точь въ точь такого, какого видѣлъ въ церкви. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: «здорово, землякъ!» А послѣ разведетъ въ горнѣ огонь и примется за работу. Жилъ эдакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ; потомъ заболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяина, принялся за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ почитать чорта, какъ почиталъ его старикъ. Пріидетъ ли поутру въ кузницу — съ нимъ никогда не поздоровается, а замѣсто ласковаго слова возьметъ самой что ни есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ чорта прямо въ лобъ раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ—сходитъ онъ въ церковь, поставитъ святымъ по свѣчкѣ; а къ чорту пріидетъ, и плюнетъ въ глаза. Прошли

цѣлые три года, а онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Терпѣлъ, терпѣлъ чортъ, да и вышелъ изъ терпѣнія; не въ моготу стало. «Полно, думаетъ, принимать мнѣ отъ него такое наругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю.»

Вотъ обернулся чортъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. «Здраствуй, дядя!»—Здорово. «А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье? буду тебѣ хоть уголья таскать, да мѣха раздувать.» Кузнецъ тому и радъ: «отчего не взять! вдвоемъ все спорѣй...» Пошелъ чортъ въ науку; пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотрѣть! Кузнецъ ужь такъ его полюбилъ, ужь такъ имъ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ не йдетъ въ кузницу — надѣется на работника: онъ всѣмъ управитъ. Разъ какъ-то не было хозяина дома, а въ кузницѣ оставался одинъ работникъ. Видитъ онъ—ѣдетъ мимо старая барыня, высунулъ голову изъ дверей и давай кричать: «эй, господа! вы пожалуйте сюда; здѣсь новая работа открывается, старые въ молодыхъ передѣлываются». Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. «Чѣмъ ты это похваляешься? да вправду ли? да съумѣешь ли?» спрашиваетъ парня. — Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистой; коли-бъ не умѣлъ, такъ и не вызывался бы. «А что стóитъ?» спрашиваетъ барыня. — Да всего пятьсотъ рублевъ. «Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую.» Нечистой взялъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: «ступай, говоритъ, притащи сюда два ушата молока»; а самоё барыню схватилъ клещами зà ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю дò чиста: только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вылилъ ихъ въ кадушку, сóбралъ вcѣ косточки и побросалъ въ молоко. Глядь—минуты черезъ три выходитъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Сѣла она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ барину, а тотъ уставилъ на нее глаза и не узнаетъ своей жены. «Что глаза-то выпучилъ? говоритъ барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старой! Сейчасъ же поѣзжай въ кузницу, пускай и тебя перекуютъ въ молодаго... а то и знать тебя не хочу!» Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу; смотритъ—нѣту работника; искалъ-искалъ его, спрашивалъ-спрашивалъ — нѣтъ какъ нѣтъ, и слѣдъ простылъ. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Пріѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: «сдѣлай, говоритъ, изъ меня молодаго».—Въ умѣ ли ты, баринъ? какъ сдѣлать изъ тебя молодаго? «Ну, тамъ какъ знаешь!»—Я ничего не знаю. «Врёшь, мошенникъ! коли передѣлали мою старуху, передѣлывайте и меня; а то мнѣ житья отъ нея не будетъ...» — Да я твоей барыни и въ глаза-то не видалъ. «Все равно твой работникъ видѣлъ. Если онъ съумѣлъ дѣло повершить, такъ ты, старой мастеръ, и подавну долженъ умѣть. Ну, живѣй поворачивайся; не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани.» Принужденъ былъ кузнецъ передѣлывать барина. Распросилъ потихоньку у кучера, какъ и что̀ сдѣлалъ работникъ его съ барыней, и думаетъ: куда не шло! стану тоже дѣлать; попаду на ладъ—хорошо, не попаду—все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина до нага, схватилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горнъ и давай поддувать мѣхами; сжегъ всего въ пепелъ. Послѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко, и ждетъ — скоро ли выскочитъ оттуда молодой баринъ. Ждетъ часъ, и другой—нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадушку—однѣ косточки плаваютъ, и тѣ обгорѣлыя... А барыня шлетъ пословъ въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдный кузнецъ, что баринъ приказалъ долго жить; поминайте, какъ звали! Какъ узнала барыня, что кузнецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. Сказано-сдѣлано. Побѣжали слуги въ кузницу, схватили его, связали и потащили на висѣлицу. Вдругъ нагоняетъ ихъ тотъ самой малой, что̀ у кузнеца жилъ въ работникахъ, и спрашиваетъ: «куда ведутъ тебя, хозяинъ?»—Хотятъ повѣсить, отвѣчалъ кузнецъ, и разсказалъ все, что съ нимъ сталося. «Ну, дядя! молвилъ нечистый, поклянись, что никогда не будешь бить меня своимъ молотомъ, а станешь ко мнѣ такую-же честь держать, какую твой отецъ держалъ,—и баринъ сейчасъ будетъ и живъ, и молодъ.» Кузнецъ забожился, заклялся, что никогда не подыметъ на чорта молота, а будетъ отдавать ему всякую почесть. Тутъ работникъ побѣжалъ въ кузницу, и на̀скоро воротился оттуда вмѣстѣ съ бариномъ: «стой, кричитъ слугамъ, не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!» Они сейчасъ развязали веревки и отпустили кузнеца на всѣ на четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать на чорта и бить его молотомъ, работникъ его скрылся и больше на глаза не показывался, а баринъ съ барыней стали жить да поживать, да добра наживать, и теперь еще живутъ, коли не умерли. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

32. ВОЛКЪ.

Дѣло было въ старину, когда еще Христосъ ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идутъ они дорогою, идутъ широкою; попадается на встрѣчу волкъ и говоритъ: «Господи! мнѣ ѣсть хочется!»—Поди, сказалъ ему Христосъ, съѣшь кобылу. Волкъ побѣжалъ искать кобылу; увидѣлъ ее, подходитъ и го-

воритъ: «кобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть». Она отвѣчаетъ: «ну, нѣтъ! меня не съѣшь, не позволено; у меня на то есть видъ (паспортъ), только далеко забитъ».—Ну, покажи! «Подойди поближе къ заднимъ ногамъ.» Волкъ подошелъ; она какъ треснетъ его по зубамъ задними копытами, ажно (такъ что) волкъ на три сажени назадъ отлетѣлъ! А кобыла убѣжала.

Пошелъ волкъ съ жалобой; приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! кобыла чуть-чуть не убила меня до̀ смерти!» — Ступай, съѣшь барана. Волкъ побѣжалъ къ барану; прибѣжалъ и говоритъ: «баранъ! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ».—Пожалуй, съѣшь! да ты стань подъ горою да разинь свою пасть, а я стану на горѣ, разбѣгусь, такъ прямо къ тебѣ въ ротъ и вскочу! Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ пасть; а баранъ какъ разбѣжится съ горы, да какъ ударитъ его своимъ бараньимъ лбомъ: бацъ! Сшибъ волка съ ногъ, да самъ и ушелъ. Волкъ всталъ, глядитъ на всѣ стороны: нѣтъ барана!

Опять отправился съ жалобой; приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! и баранъ меня обманулъ; чуть-чуть совсѣмъ не убилъ!»—Поди, сказалъ Христосъ; съѣшь портнаго. Побѣжалъ волкъ; попадается ему на встрѣчу портной. «Портной! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ.» — Погоди, дай хоть съ родными проститься. «Нѣтъ, и съ родными не дамъ проститься.»—Ну, что дѣлать! такъ и быть, съѣшь. Дай только я тебя смѣряю: влѣзу ли еще въ тебя-то? «Смѣряй!» говоритъ волкъ. Портной зашелъ сзади, схватилъ волка за хвостъ, завилъ хвостъ за руку, и давай сѣраго утюжить (бить). Волкъ бился-бился, рвался-рвался, оторвалъ хвостъ, да давай Богъ ноги. Бѣжитъ что̀ есть силы, а на встрѣчу ему семь волковъ. «Постой! говорятъ; что ты, сѣрой, безъ хвоста?»—Портной оторвалъ. «Гдѣ портной?»—Вонъ идетъ по дорогѣ. «Давай нагонять его», и пустились за портнымъ. Портной услышалъ погоню, видитъ—что дѣло плохо, взобрался поскорѣй на дерево, на самый верхъ, и сидитъ. Вотъ волки прибѣжали и говорятъ: «станемъ, братцы, доставать портнаго; ты, кургузой (безхвостый), ложись подъ-исподъ, а мы на тебя, да другъ на дружку уставимся,—авось достанемъ!» Кургузой лёгъ на̀-земь, на него сталъ волкъ, на того другой, на другаго третій, все выше и выше; ужь послѣдній влѣзаетъ. Видитъ портной бѣду неминучую: вотъ-вотъ достанутъ! и закричалъ сверху: «ну, ужь никому такъ не достанется, какъ кургузому!» Кургузой какъ выскочитъ изъ-подъ низу да бѣжать! Всѣ семеро волковъ попадали на̀-земь, да за нимъ въ догонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летятъ. А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой.—(Изъ собранія В. И. Даля.)

33. ПѢТУХЪ И ЖОРНОВКИ[1]).

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухою, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали желудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до̀ полу. Старуха запримѣтила и говоритъ: «старикъ! надобно полъ-та прорубить; пускай дубъ ростетъ выше; какъ выростетъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ въ избѣ рвать». Старикъ прорубилъ полъ; деревцо росло-росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ: дерево все ростетъ да ростетъ, и доросло до

[1]) Ручная мельница.

самаго неба. Не стало у старика со старухой желудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо [1]). Ходилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенёкъ, маслена головка, и стоятъ жорновцы. Вотъ старикъ-атъ долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы, и спустился въ избу. Спустился и говоритъ: «какъ намъ, старуха быть, что намъ ѣсть?»—Постой, молвила старуха, я попробую жорновцы. Взяла жорновцы и стала молоть: анъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ! что̀ ни повернетъ— все блинъ да пирогъ! И накормила старика.

Ѣхалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старику со старушкой въ хату. «Нѣтъ ли, спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «чего тебѣ, родимой, дать поѣсть, развѣ блинковъ?» Взяла жорновцы и намолола: нападали блинки да пирожки. Проѣзжій поѣлъ и говоритъ: «продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы».—Нѣтъ, говоритъ старушка, продать нельзя. Онъ взялъ да и укралъ у ней жорновцы. Какъ увѣдали старикъ со старушкою, что украдены жорновцы, стали горе горевать. «Постой, говоритъ кочетокъ-золотой гребенёкъ; я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Какъ услыхалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «эй, малой! возьми-брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ, ротикъ! пей воду»—и выпилъ всю воду. Выпилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ; усѣлся на балконъ и опять кричитъ:

[1]) *Варіантъ:* Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Разъ ѣли они горохъ, и уронили подъ полъ одну горошину. Стала она рости, росла-росла, и выросла до самаго потолка. Дѣдъ разобралъ и крышу, и потолокъ; а горошина взяла рости до самаго неба. Полѣзъ дѣдъ на небо....

«кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Баринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь—прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду»—и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричитъ: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Гости услыхали это и побѣгли изъ дому, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ; кочетокъ—золотой гребенёкъ схватилъ жорновцы, да и улетѣлъ съ ними.—(Записана издателемъ въ воронежскомъ уѣздѣ.)

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Въ изданіи Вольфа «Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde» (т. I, вып. 1, стр. 41—42) напечатана совершенно сходная съ записанною мною легенда: «Wie Petrus dreschen sollte», но съ слѣдующимъ характеристическимъ дополненіемъ въ началѣ. Однажды Христосъ съ апостоломъ Петромъ, странствуя по землѣ, пришли поздно вечеромъ къ крестьянину и попросились у него переночевать. Мужикъ пустилъ ихъ, но съ условіемъ, чтобы утромъ слѣдующаго дня пособили ему молотить. Рано проснулся онъ и велѣлъ будить странниковъ и звать на работу. «Petrus wollte hinabsteigen, aber der herr hiess ihn ruhig liegen bleiben. Da währte dem bauern die sache zu lang, er stieg mit einem stock die leiter hinauf und schlug herzhaft auf den Petrus los, welcher vorn lag. Doch als er wieder unten war, hatte er gut warten und rufen, die fremden kamen nicht. Petrus dachte indessen: «wenn er wieder kommt soll er mich nicht mehr vorn finden» und verkroch sich hinter den herrn; der bauer aber kam zum zweitenmale mit dem stock, sprach: «der vorn liegt, hat sein theil, er muss hartschläggig sein, nun gehts an den andern» — und gab dem armen Petrus ein zweites frühstück, noch kräftiger als das erste.» Слѣдуетъ чудесная молотьба огнемъ, какъ и въ русской легендѣ. Когда таинственные странники распростились съ хозяиномъ и отправились въ свой путь, апостолъ Петръ сталъ жаловаться на жестокосердіе крестьянина; «оборотись!» сказалъ ему

Господь. Въ то время они взошли на холмъ; апостолъ взглянулъ назадъ: весь дворъ и изба крестьянина стояли въ пламени. (См. еще Zeitschrift für Deutsche Mythologie, т. I, вып. 4, стр. 471—2; т. II, вып. 1, стр. 13—16; т. IV, вып. 1, стр. 50—54.) Подобный разсказъ можно слышать и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Приводимъ здѣсь варіантъ, записанный П. И. Якушкинымъ въ орловскомъ уѣздѣ:

Въ одну зимнюю ненастную ночь шелъ по дорогѣ Иванъ Милостивой съ двѣнадцатью апостолами. Въ полѣ ночевать было холодно; они и постучались къ одному мужику: «пусти обогрѣться!» Мужикъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ, да потомъ согласился и пустилъ съ условіемъ, чтобы завтра чуть свѣтъ обмолотили ему три копны ржи. На утро хозяинъ толкнулъ Ивана Милостиваго, а онъ вмѣстѣ съ апостолами лежалъ на полу: «пора молотить, собирайтеся!» Толкнулъ и пошелъ на дворъ. Вотъ апостолы поднялись было и хотѣли идти на гумно; да Иванъ Милостивой уговорилъ ихъ еще немного поспать. Мужикъ ждалъ-ждалъ, нѣтъ помощниковъ! Взялъ кнутъ, пошелъ въ избу и давай стегать крайняго, а крайній-то былъ Иванъ Милостивой. «Полно! закричалъ Иванъ Милостивой, въ слѣдъ за тобой иду.» Мужикъ ушелъ. Апостолы опять было поднялись; но Иванъ Милостивой снова уговорилъ ихъ остаться и еще хоть немного отдохнуть. «Будетъ съ него! молвилъ онъ, отстегалъ кнутомъ, теперь больше не прійдетъ.» А у самого на умѣ: «какъ прійдетъ мужикъ, опять примется за крайняго!» и залѣзъ на самой задъ. Мужикъ ждалъ-ждалъ, воротился въ избу съ кнутомъ и думаетъ самъ съ собою: «за что-жъ я буду бить одного крайняго? семъ-ка примусь за задняго!» — и принялся за Ивана Милостиваго. Только ушелъ мужикъ, Иванъ Милостивой и въ третій разъ уговорилъ апостоловъ не вставать на работу, а самъ залѣзъ въ середину. Вотъ хозяинъ ждалъ-ждалъ, не дождался,

и снова пошелъ въ избу съ кнутомъ; пришелъ и думаетъ: «крайнему ужь досталось, заднему тоже, примусь-ка теперь за середняго!» И опять-таки досталось Ивану Милостивому. Нечего дѣлать, поднялся онъ и самъ началъ просить апостоловъ, чтобъ шли помогать мужику.

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

Въ этой легендѣ замѣчательно представленіе будущей жизни, предназначенной для добродѣтельныхъ и злыхъ. (См. также легенду «Пустынникъ» подъ № 21.) Первыхъ ожидаетъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы перестанетъ существовать: годъ пролетитъ, какъ единая минута. Тоже представленіе встрѣчаемъ и въ другихъ народныхъ сказаніяхъ (смотри варіанты къ легендѣ: «Христовъ братецъ»). Валахская легенда (Walachische Märchen, № 2) разсказываетъ о дѣвочкѣ, которую взяла съ собою Св. Дѣва. «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ ее однажды Св. Дѣва. — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчаетъ дѣвочка. «Не одинъ день, а цѣлый годъ пробыла ты!» Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва: «гдѣ ты была?» — Я пробыла одинъ часъ въ раю. «Не часъ, а три человѣческихъ жизни.» Въ третій разъ спрашиваетъ Св. Дѣва, и на отвѣтъ дѣвочки: «я на мгновенье побывала на небѣ» — замѣчаетъ: «ошибаешься, дитя! не мгновенье, а полвѣчности пробыла ты въ жилищѣ блаженныхъ». (Сличи съ разсказомъ, напечатаннымъ въ Српск. народ. приповиjетк., № 17, стр. 113—4.) На одной лубочной картинѣ изображено сказаніе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобъ даровалъ ему извѣдать сладость блаженства праведныхъ; Богъ услышалъ его молитву: разъ старецъ заслушался пѣнія райской птички; слушалъ, слушалъ, и триста

лѣтъ пронеслись для него, какъ три часа. У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустынникѣ, который заслушался въ лѣсу соловья, впалъ въ сладкое забытье на цѣлыя сто лѣтъ, и когда очнулся — все для него было ново и незнакомо.

Въ легендѣ о бѣдной вдовѣ разсказывается чудо, какъ Господь одною малою краюшкою хлѣба накормилъ двѣнадцать апостоловъ, и еще ломти остались. Для сравненія съ этимъ сказаніемъ приводимъ слѣдующее любопытное мѣсто изъ легенды: Christus in der Bauershütte, записанной въ Буковинѣ: Христосъ посѣтилъ хижину крестьянина. Здѣсь встрѣтила его совершенная нищета. Маленькія дѣти съ плачемъ просили у матери хлѣба, но у бѣдной женщины не было ни крошки. Въ горѣ она развела на очагѣ огонь, принесла со двора кусокъ коровьяго навозу (kuhmist) и посадила его въ печь, чтобы хоть этимъ утолить дѣтскій голодъ. Черезъ полчаса вынула она свою стряпню; но какъ изумилась, когда увидѣла, что коровій навозъ превратился въ прекрасный питательный хлѣбъ! Стала крестьянка одѣлять своихъ дѣтей, — и совершилось другое чудо: какъ много ни отламывала она отъ хлѣба, всякой разъ столько-же вновь его выростало. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что гостемъ ея былъ самъ Господь; она пала къ стопамъ Спасителя и пролила благодарныя слезы (Zeitschrift für Deutsche Mythologie etc., т. I, вып. 4, стр. 472).

4. ИСЦѢЛЕНІЕ. — 5. ПОПЪ-ЗАВИДУЩІЕ ГЛАЗА.

Въ собраніи народныхъ сказокъ В. И. Даля находится еще слѣдующій списокъ этой интересной легенды:

Жилъ-былъ попъ; приходъ у него былъ большой и богатой, набралъ онъ много денегъ и понесъ прятать въ церковь; пришелъ туда, поднялъ половицу и спряталъ. Только понамарь и подсмотри это; вынулъ потихоньку поповскія деньги и забралъ себѣ всѣ до единой копѣйки. Прошло съ недѣлю; захотѣлось попу посмотрѣть на свое добро; пошелъ въ церковь, приподнялъ половицу, глядь — а денегъ-то нѣту! Ударился попъ въ большую печаль; съ горя и домой не воротился, а пустился странствовать по бѣлу свѣту — куды глаза глядятъ.

Вотъ шелъ онъ, шелъ, и повстрѣчалъ Николу-угодника; въ то время еще святые отцы по землѣ ходили и всякія болѣзни исцѣляли. «Здра(в)ствуй, старче!» говоритъ попъ. — Здраствуй! куда Богъ несетъ? «Иду, куды глаза глядятъ!» — Пойдемъ вмѣстѣ. «А ты кто таковъ?»—Я Божій странникъ. «Ну, пойдемъ.» Пошли вмѣстѣ по одной дорогѣ; идутъ день, идутъ и другой; все прiѣли, что̀ у нихъ было. Оставалась у Николы-угодника одна просвирка; попъ утащилъ ее ночью и съѣлъ [1]). «Нѐ взялъ ли ты мою просвирку?» спрашиваетъ поутру Никола-угодникъ у попа; «нѣтъ, говоритъ; я ее и въ глаза не видалъ!» — Ой взялъ! признайся, братъ. Попъ заклялся-забожился, что не бралъ просвиры.

«Пойдемъ теперь въ эту сторону, сказалъ Никола-угодникъ; тамъ есть баринъ, три года бѣснуется, и никто не можетъ его вылѣчить; возьмемся-ка мы лѣчить.» — Что я за лѣкарь! отвѣчаетъ попъ, я этого дѣла не знаю. «Ничего, я знаю; ты ступай за мной, что̀ я буду говорить — то и ты говори.» Вотъ пришли они къ барину. «Что вы за люди?» спрашиваютъ ихъ. — Мы знахари, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. — Мы знахари, повторяетъ за нимъ попъ. «Умѣете

[1]) *Варіантъ:* Пошли вмѣстѣ. У Николы-угодника былъ мѣшокъ съ лепешками. «Дай я понесу», вызвался попъ. — Возьми, неси! Ночью попъ прiѣлъ всѣ лепешки, а въ мѣшкѣ дыру прорвалъ. Утромъ на другой день говоритъ Никола: «давай позавтракаемъ». — Да чего завтракать-та? «А лепешки гдѣ?» — Вишь дыра въ мѣшкѣ, всѣ по дорогѣ разсыпались.

лѣчить?» — Умѣемъ, говоритъ Никола-угодникъ. — Умѣемъ, повторяетъ попъ. «Ну, лѣчите барина.» Никола-угодникъ приказалъ истопить баню и привесть туда барина. Сейчасъ истопили баню, и привели туда больнаго. Говоритъ Никола-угодникъ попу: «руби ему правую руку». — На что рубить? «Не твое дѣло! руби прочь.» Попъ отрубилъ барину правую руку. «Руби теперь лѣвую ногу.» Попъ отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котелъ и мѣшай.» Попъ положилъ въ котелъ и давай мѣшать. Тѣмъ временемъ посылаетъ барыня своего слугу: «поди, посмотри, что тамъ надъ бариномъ дѣется?» Слуга сбѣгалъ въ баню, посмотрѣлъ и докладываетъ, что знахари разрубили барина на части и варятъ его въ котлѣ. Тутъ барыня крѣпко осерчала, приказала поставить висѣлицу и долго не мѣшкая повѣсить обоихъ знахарей. Поставили висѣлицу и повели ихъ вѣшать. Испугался попъ, божится, что онъ никогда не бывалъ знахаремъ и за лѣченье не брался, а виноватъ во всемъ одинъ его товарищъ. «Кто васъ разберетъ! вы вмѣстѣ лѣчили.» — Послушай, говоритъ попу Никола-угодникъ; послѣднiй часъ твой приходитъ, скажи передъ смертью: вѣдь ты укралъ у меня просвиру? «Нѣтъ, увѣряетъ попъ, я ее не бралъ.» — Такъ-таки и не бралъ? «Ей Богу, не бралъ!» — Пусть будетъ по твоему. Постойте, говоритъ слугамъ; вонъ идетъ вашъ баринъ. Слуги оглянулись, и видятъ: точно идетъ баринъ, и совершенно-здоровой [1]). Барыня тому обрадовалась, наградила лѣкарей деньгами и отпустила на всѣ на четыре стороны.

Вотъ они шли-шли, и очутились въ другомъ государствѣ; видятъ — по всей странѣ печаль великая, и узнаютъ, что у

---

[1]) *Варiантъ:* Взялъ Никола-угодникъ, разсѣкъ больнаго на мелкiя части, вымылъ ихъ въ теплой водѣ, сложилъ опять вмѣстѣ, дунулъ и сказалъ: «встань во имя Господне!» Больной всталъ здравымъ и невредимымъ. Странниковъ наградили, и пошли они дальше...

тамошняго царя дочь бѣснуется. «Пойдемъ царевну лѣчить», говоритъ попъ. — Нѣтъ, братъ, царевны не вылѣчишь. «Ничего, я стану лѣчить, а ты ступай за мной; что̀ я буду говорить — то и ты говори.» Пришли во дворецъ. «Что вы за̀ люди?» спрашиваетъ стража. — Мы знахари, говоритъ попъ; хотимъ царевну лѣчить. Доложили царю; царь по̀звалъ ихъ передъ себя и спрашиваетъ: «точно ли вы знахари?» — Точно знахари, отвѣчаетъ попъ. —Знахари, повторяетъ за нимъ Никола-угодникъ. «И берётесь царевну вылѣчить?» — Берёмся, отвѣчаетъ попъ. — Берёмся, повторяетъ Никола-угодникъ. «Ну, лѣчите.» Заставилъ попъ истопить баню и привесть туда царевну. Какъ сказалъ онъ, такъ и сдѣлали: привели царевну въ баню. «Руби, старикъ, ей правую руку», говоритъ попъ. Никола-угодникъ отрубилъ царевнѣ правую руку. «Руби теперь лѣвую ногу.» Отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котелъ и мѣшай.» Положилъ въ котелъ и принялся мѣшать. Посылаетъ царь узнать, что̀ сталося съ царевною. Какъ доложили ему, что̀ сталося съ царевною, гнѣвенъ и страшенъ сдѣлался царь, въ ту-жъ минуту приказалъ поставить висѣлицу и повѣсить обоихъ знахарей. Повели ихъ на висѣлицу. «Смотри-же, говоритъ попу Никола-угодникъ, теперь ты былъ лѣкаремъ, ты одинъ и отвѣчай.» — Какой я лѣкарь! и сталъ сваливать свою вину на старика, божится и клянется, что старикъ всему злу затѣйщикъ, а онъ не причастенъ. «Что ихъ разбирать! сказалъ царь, вѣшайте обоихъ.» Взялись за попа за перваго; вотъ ужь петлю готовятъ. «Послушай, говоритъ Никола-угодникъ; скажи передъ смертiю: вѣдь ты укралъ просвиру?» — Нѣтъ, ей Богу, не бралъ! «Признайся, упрашиваетъ; коли признаешься — сейчасъ царевна встанетъ здоровою, и тебѣ ничего не будетъ.» — Ну, право-же, не бралъ! Ужь надѣли на попа петлю и хотятъ подымать; «постойте, говоритъ Никола-угодникъ; вонъ ваша

царевна». Смотрятъ — идетъ она совсѣмъ здоровая, какъ ни въ чемъ не бывала. Царь велѣлъ наградить знахарей изъ своей казны и отпустить съ миромъ. Стали одѣлять ихъ казною; попъ набилъ себѣ полные карманы, а Никола-угодникъ взялъ одну горсточку.

Вотъ пошли они въ путь-дорогу; шли-шли, и остановились отдыхать. «Вынимай свои деньги, говоритъ Никола-угодникъ; посмотримъ, у кого больше.» Сказалъ и высыпалъ свою горсть; зачалъ высыпать и попъ свои деньги. Только у Николы-угодника куча все ростетъ да ростетъ, все ростетъ да ростетъ; а попова куча ни мало не прибавляется. Видитъ попъ, что у него меньше денегъ, и говоритъ: «давай дѣлиться». — Давай! отвѣчаетъ Никола-угодникъ, и раздѣлилъ деньги на три части: «эта часть пусть будетъ моя, эта твоя, а третья тому, кто просвиру укралъ.» — Да вѣдь просвиру-то я укралъ, говоритъ попъ. «Эка какой ты жадной! два раза вѣшать хотѣли — и то не покаялся, а теперь за деньги признался! Не хочу съ тобой странствовать, возьми свое добро и ступай одинъ, куда знаешь.»

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эта самая легенда разсказывается съ тою отмѣною, что вмѣсто Николая-угодника странствуетъ съ попомъ самъ Господь въ образѣ старца.

Въ изданіи нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 81: «Bruder Lustig»; ч. III, стр. 129—131) подобная-же легенда разсказываетъ о странствованіи апостола Петра вмѣстѣ съ солдатомъ. Св. Петръ исцѣляетъ больныхъ и воскрешаетъ королевну: когда привели его къ одру усопшей, онъ приказалъ принесть котелъ воды и выслалъ изъ комнаты всѣхъ домашнихъ. Тогда рознялъ онъ всѣ члены умершей на составныя части, побросалъ ихъ въ воду, развелъ подъ котломъ огонь, и сталъ варить, пока все мясо ни отдѣлилось отъ костей. Затѣмъ бѣлыя кости были вынуты на столъ; апостолъ

сложилъ ихъ вмѣстѣ въ томъ порядкѣ, какой назначенъ самою природою, и трижды сказалъ: «возстань во имя всемогущей Троицы!» Королевна возстала живою, здравою и прекрасною.

Какъ въ русской легендѣ попъ не признается, что съѣлъ просвиру, такъ въ нѣмецкой — солдатъ, что съѣлъ сердце жаренаго ягненка.

Смотри примѣчаніе къ легендѣ подъ № 30 и сличи съ легендою, напечатанною въ сборникѣ: «Westslawischer Märchenschatz», стр. 88—89.

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Варіанты изъ собранія В. И. Даля: а) Былъ-жилъ нѣкій царь, ко всѣмъ ласковый, къ нищимъ милостивый. Разъ на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія послалъ онъ своего слугу на перекрестокъ: «кто ни пройдетъ — всякаго проси со мной разговѣться». Долго стоялъ слуга на перекресткѣ, не проходило ни одного странника; подождалъ еще немного, и видитъ: тащится нищій — весь въ гнойныхъ ранахъ. Взялъ его съ собою и привелъ во дворецъ. Нищій поздравилъ царя и царицу съ праздникомъ, похристосовался съ ними, и подошелъ было къ царской матери, да она не захотѣла съ нимъ христосоваться, отвернулась и давай корить царя: «чтобъ тебѣ съ нимъ подавиться! нашелъ съ кѣмъ разгавливаться.... и ѣда-то на умъ не пойдетъ!» — Кушай одна, матушка! коли съ нами не хочешь, сказалъ царь и усадилъ нищаго за столъ; и самъ сѣлъ съ царицею, и всѣ слуги сѣли, и разговѣлись вмѣстѣ. Послѣ обѣда уложилъ царь нищаго на своей постелѣ отдохнуть немножко. А тамъ пришло время, сталъ нищій прощаться и зоветъ царя къ себѣ въ гости: «я де за тобой коня пришлю». Царь далъ ему свое царское слово.

На другой день откуда ни возьмись славной конь, прибѣжалъ къ самому дворцу, ударилъ въ ворота копытами — ворота растворилися, подошелъ къ крыльцу и сталъ, какъ вкопанный. Царь сѣлъ на него и поѣхалъ, куда конь повёзъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою незнаемою и видитъ: бѣгаетъ человѣкъ за пичужкою и никакъ не можетъ поймать ее. «Царь, говоритъ ему тотъ человѣкъ, ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?» Ѣдетъ царь все дальше и дальше; вотъ стоитъ въ полѣ изба, а въ избѣ бѣгаетъ человѣкъ изъ угла въ уголъ и кричитъ: «охъ, тѣсно! охъ, тѣсно!» — Сядь на лавку, говоритъ ему царь, и не будетъ тѣсно. «Не могу; цѣлой вѣкъ такъ бѣгаю. Ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?» Подъѣзжаетъ царь къ синему морю; стоитъ въ водѣ человѣкъ по самыя уста и кричитъ: «охъ, пить хочу! охъ, пить хочу!» — Что кричишь? спрашиваетъ царь; раскрой уста — вода сама побѣжитъ въ ротъ. «Нѣтъ, отвѣчаетъ, вода мнѣ не дастся, она прочь побѣжитъ. Ты вотъ ѣдешь до Господа Бога; помяни ему про меня грѣшнаго.» [1])

Переѣхалъ царь море — и встрѣчаетъ его тотъ самый нищій, что́ съ нимъ разгавливался; «милости просимъ въ родительской домъ!» говоритъ царю, и повелъ его въ золотой дворецъ, изъ золотаго дворца въ сады райскіе. Привелъ въ одинъ садъ; «вотъ здѣсь, говоритъ, тебѣ мѣсто уготовано — за то, что странныхъ принимаешь, алчущихъ питаешь и жаждущихъ напо-

[1]) *Варіантъ:* Ѣдетъ царь и видитъ: двое изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ. «Ахъ, царь–государь! говорятъ ему; ты ѣдешь къ Богу, помолися о насъ грѣшныхъ: скоро-ль будетъ намъ прощеніе?» Ѣдетъ онъ дальше и дальше и видитъ: двое изъ печи въ печь жаръ выгребаютъ голыми руками. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему: помолися о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощеніе?» Ѣдетъ онъ все дальше и дальше: стоятъ двое голые и подпираютъ стѣну. «Ахъ, царь-государь! помолись о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощеніе?»

яешь». Привелъ въ другой садъ; «вотъ здѣсь твоей царицѣ уготовано мѣсто — за то, что тебя на истинный путь наставляетъ и нищую братью не покидаетъ». Привелъ къ третьему мѣсту, гдѣ смола кипитъ и червь шипитъ; «а здѣсь, говоритъ уготовано мѣсто твоей матери немилостивой. Вложи туда свой палецъ». Царь всунулъ палецъ въ кипучую смолу—и онъ въ тожъ мгновенье отпалъ отъ руки. «Вотъ твой палецъ, возьми его съ собою, и ступай съ миромъ домой.» Тутъ царь припомнилъ и разсказалъ все, что видѣлъ по дорогѣ. Отвѣчалъ ему Господь: «видѣлъ ты, какъ гоняетъ человѣкъ за пичужкою—то гоняетъ онъ за своимъ грѣхомъ; другой бѣгаетъ изъ угла въ уголъ—за то, что не обогрѣвалъ и не покоилъ странниковъ, и чрезъ него многіе зимой померзали; третій стоитъ въ водѣ по самыя уста, а напиться не можетъ—за то, что самъ не поилъ жаждущихъ» [1]).

Воротился царь домой, и показалось ему, что былъ онъ въ раю всего три часа, а пробылъ тамъ не три часа, а три года. Разсказалъ онъ обо всемъ царицѣ и матери, вынулъ свой отвалившійся палецъ, и только приставилъ его къ прежнему мѣсту — какъ онъ тотчасъ приросъ, будто вѣкъ не отпадалъ. Тутъ мать покаялась: «сынъ мой возлюбленный! прости меня грѣшную; твое похожденіе дороже моего рожденія».—(Записана въ саратовской губерніи.)

—

ѣ) Былъ-жилъ купецъ съ купчихою — оба скупы и къ нищимъ немилостивы. Былъ у нихъ сынъ, и задумали они его женить. Сосватали невѣсту и сыграли свадьбу. «Послушай, другъ! говоритъ молодая мужу. Отъ свадьбы нашей осталось

[1]) *Варіантъ:* Отвѣчалъ Господь: «это мучатся грѣшники, и не будетъ имъ прощенія. Что изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ — то виномъ торговали да народъ обмѣривали; что изъ печи жаръ выгребаютъ — то ростовщики, сребролюбцы; что стоятъ голые, стѣну собой подпираютъ—то клеветники, ябедники».

много напеченаго и наваренаго; прикажи все это складь на возъ и развезти по бѣднымъ: пусть кушаютъ за наше здоровье.» Купеческой сынъ сейчасъ позвалъ прикащика, и все, что̀ отъ пира осталось, велѣлъ раздать нищимъ. Какъ узнали про то отецъ и мать, больно осерчали они на сына и сноху: «эдакъ, пожалуй, раздадутъ все имѣніе!» и прогнали ихъ изъ дому. Пошелъ сынъ съ своей женою, куда глаза глядятъ. Шли, шли, и приходятъ въ густой темной лѣсъ. Набрели на хижину — стоитъ пустая — и остались въ ней жить.

Прошло время немалое, наступилъ великой постъ; вотъ уже и постъ подходитъ къ концу. «Жена! говоритъ купеческой сынъ; я пойду въ лѣсъ, не удастся ли застрѣлить какой птицы, чтобъ было чѣмъ на праздникъ разговѣться.» — Ступай! говоритъ жена. Долго ходилъ онъ по̀ лѣсу, не видалъ не одной птицы; сталъ ворочаться домой и увидалъ — лежитъ человѣческая голова, вся въ червяхъ. Взялъ онъ эту голову, положилъ въ сумку и принесъ къ женѣ. Она тотчасъ обмыла ее, очистила и положила въ уголъ подъ образа. Ночью подъ самый праздникъ засвѣтили они передъ иконами восковую свѣчу и зачали Богу молиться, а какъ настало время быть заутренѣ, подошелъ купеческой сынъ къ женѣ и говоритъ: Христосъ воскресе! Жена отвѣчаетъ: воистинну воскресе! И голова отвѣчаетъ: воистинну воскресе! Говоритъ онъ и въ другой, и въ третій разъ: Христосъ воскресе! — и отвѣчаетъ ему голова: воистинну воскресе! Смотритъ онъ со страхомъ и трепетомъ: оборотилась голова сѣдымъ старцемъ. И говоритъ ему старецъ: «будь ты моимъ меньшимъ братомъ; пріѣзжай ко мнѣ завтра, я пришлю за тобой крылатаго коня». Сказалъ и исчезъ.

На другой день стоитъ передъ хижиной крылатый конь. «Это братъ за мной прислалъ», говоритъ купеческой сынъ, сѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Пріѣхалъ, и встрѣчаетъ его старецъ. «Гуляй у меня по всѣмъ садамъ, сказалъ онъ, ходи по всѣмъ горницамъ; только не ходи въ эту, что̀ печатью запечатана.» Вотъ купеческой сынъ ходилъ-гулялъ по всѣмъ садамъ, по всѣмъ горницамъ; подошелъ наконецъ къ той, что̀ печатью запечатана, и не вытерпѣлъ: «дай посмотрю, что̀ тамъ такое?» Отворилъ дверь и вошелъ; смотритъ — стоятъ два котла кипучіе; заглянулъ въ одинъ, а въ котлѣ сидитъ отецъ его и бьется оттуда выпрыгнуть; схватилъ его сынъ за бороду и сталъ вытаскивать; но сколько ни силился, не могъ вытащить; только борода въ рукахъ осталась. Заглянулъ въ другой котелъ, а тамъ мать его мучится. Жалко ему стало, схватилъ ее за̀ косу и давай тащить; но опять сколько ни силился, ничего не сдѣлалъ; только коса въ рукахъ осталась. И узналъ онъ тогда, что то не старецъ, а самъ Господь назвалъ его меньшимъ братомъ. Воротился онъ къ нему, палъ къ стопамъ и молилъ о прощеніи, что̀ нарушилъ заповѣдь и побывалъ въ запретной комнатѣ. Господь простилъ его, и отпустилъ назадъ на крылатомъ конѣ. Воротился домой купеческой сынъ, а жена и говоритъ ему: «что такъ долго гостилъ у брата?» — Какъ долго! всего одни сутки пробылъ. «Не одни сутки, а цѣлыхъ три года!» Съ тѣхъ поръ они еще милосерднѣе стали къ нищей братіи.

—

c) Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ; у него былъ сынъ — доброй да набожной. Разъ отпросился онъ у отца и отправился на богомолье. Шелъ-шелъ, и пришелъ къ избушкѣ, а въ той избушкѣ стоитъ старичекъ на колѣняхъ и Богу молится. Усмотрѣлъ его старецъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и куда путь держишь?» — Крестьянской сынъ, иду на богомолье. «Иди сюда, давай вмѣстѣ молиться.» Стали они рядомъ передъ святою иконою и долго-долго молились Богу. Окончили молитву; старецъ и говоритъ: «давай теперь побратаемся.» Побратались они, распрощались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянской сынъ домой, отецъ вздумалъ женить его; сосваталъ невѣсту и велитъ подъ вѣнецъ идти. «Батюшка, говоритъ крестьянской сынъ, позволь мнѣ весь вѣкъ свой Богу служить; я жениться не хочу.» Отецъ и слышать того не хочетъ: «ступай, да и ступай подъ вѣнецъ». Вотъ онъ подумалъ-подумалъ, и ушелъ изъ родительскаго дому. Идетъ путемъ-дорогою, а на встрѣчу ему тотъ самой старецъ, съ которымъ онъ побратался. Взялъ его за руку и привелъ къ себѣ въ садъ. И показалось крестьянскому сыну, что побылъ онъ здѣсь только три минуточки; а былъ онъ въ саду не три минуточки, а триста годовъ. Какъ воротился въ свое село, смотритъ — и церковь уже не та, и люди другіе. Сталъ спрашивать у священника: гдѣ-же прежняя церковь и гдѣ такіе-то люди? — Этого я не запомню, говоритъ священникъ. «Гдѣ-же та невѣста, отъ которой женихъ изъ-подъ вѣнца ушелъ?» Справился священникъ по книгамъ и сказываетъ: «это ужь давнымъ-давно было, назадъ тому триста лѣтъ». Потомъ распросилъ онъ крестьянскаго сына, кто онъ таковъ и откуда явился; а какъ узналъ обо всемъ, велѣлъ причетникамъ обѣдню служить: «это, говоритъ, меньшой братъ Христовъ!» Стала обѣдня отходить, началъ крестьянской сынъ умаляться; окончилась обѣдня — и его не стало. — (Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ тверской губерніи.)

—

Въ приведенныхъ нами легендахъ особенно любопытны указанія на тѣ мученія, которыя ожидаютъ грѣшниковъ за гробомъ. Эти народныя повѣрья запечатлѣны отчасти тѣмъ-же невещественнымъ характеромъ, который такъ ярко отразился въ лубочныхъ картинахъ, изображающихъ страшный судъ и смерть грѣшника. Неразвитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы муки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ,

что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котелъ съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за̀ ногу, станутъ мучить на огненномъ ложѣ (см. N 27: «Кумова кровать»), бить раскаленными желѣзными прутьями; вѣритъ, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что на опойцахъ черти станутъ возить дрова и воду (см. N 29: «Горькой пьяница»), что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи (см. стихъ о грѣшной матери — въ собраніи Кирѣевскаго, въ Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс., годъ 3-й, N 9, стр. 212—3). Поселяне разсказываютъ, что во время *обмиранія* (летаргическаго сна) душа человѣка, руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ на томъ свѣтѣ по аду и раю, видитъ тамъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, обреченныхъ на муку и страданіе или блаженствующихъ въ райскихъ садахъ. Обмиравшая душа можетъ передавать повѣсть своего странствія въ назиданіе живущимъ; запрещается ей сказывать только три какія-то таинственныя слова. Г. Кулишъ собралъ въ одно цѣлое нѣсколько такихъ разсказовъ о хожденіи души по тому свѣту, — разсказовъ, исполненныхъ поэтическихъ образовъ и нѣкоторыми своими подробностями приближающихся къ напечатаннымъ нами легендамъ (Записки о южной Руси, т. I, стр. 306—8):

«Идемо̀, повѣствуетъ обмиравшая старушка, колѝ-жъ гри-«зу̀тця два соба̀ки надъ шля̀хомъ, та̀къ гризу̀тця, та̀къ гри-«зу̀тця! А дідъ и ка̀же: се не соба̀ки, се два братѝ, що по-«грѝзлись та й побились, идучѝ стѐпомъ; то Богъ и сказа̀въ: «колѝ вже й рідні бра̀тѝ бъютця, то де-жъ бу̀де те добро̀ міжъ «людьмѝ? Нехай-же, ка̀же, ста̀нуть вонѝ соба̀ками и гризу̀тця.

«Идемо̀, ажъ хо̀дять волѝ въ тако̀му спашу̀, що й рігъ не-«ві̀дно съ травѝ, а самі худі, худі, якъ до̀шка. А біля̀ іхъ хо̀-«дять волѝ по самі̀й землі — ні травѝнки підъ нога̀ми нема̀, «да жиръ ажъ по землі тилі̀паетця. Отъ дідъ и ка̀же: оцѐ, що «худі̀ї волѝ, то то бага̀ті лю̀де, що жилѝ самі въ ро̀скоші, а

«біднимъ не помагáли; а сѝтиі волѝ, то то бідні люде, що «одъ свогò рòта одиймáли та старцямъ изъ послідньго давáли. «Отъ-же вонѝ тепéръ и сѝті й напòені, а тѝі по рòги въ спа-«шў, та худі, якъ дòшка [1]).

«Идемó, ажъ міжъ двомá дубáми горѝть у пòломъі чоловікъ «и кричѝть: ой, прòбі! укрѝйте менé, бо замéрзну! ой укрѝйте «мене, бо замéрзну! Дідъ и кàже: оцé той чоловікъ, що про-«сѝвся доё гó зімою въ хáту подорòжній, а на дворі булá метè-«лиця та хуртовѝна, а вінъ не пустѝвъ, дакъ той и змèрзъ підъ «тѝномъ. Оцè-жъ тепèръ вінъ горѝть у пòломъі, а ёмў ще «здаéтця, що хòлодно, и терпѝть вінъ такў мўку, якъ той подо-«рòжній терпівъ одъ морòзу.

«Идемó дальшъ, колѝ лежѝть чоловікъ коло кринѝці; тече «ёмў рівчàкъ черезъ ротъ, а вінъ кричѝть: прòбі! дайте на-«пѝтьця! прòбі! дáйте напѝтьця! Дідъ и кàже: сей не давъ чо-«ловікові въ жнивá водѝ напѝтьця; жавъ вінъ на нѝві, ажъ идé «стàрчикъ дорòгою, а жарá велѝка, Спàсівська. Ой, кáже, чо-«ловіче дòбрий! дáй, рáди Христá, водѝ напѝтьця! А вінъ ёмў: «оцé-жъ для тèбе вивізъ! Вѝллю на нѝву, а не дамъ такòму дар-«моіду, якъ ти! То отъ, теперъ ёмў рівчàкъ черезъ гòрло бі-«жѝть, а вінъ щè пить прòсить, и до віку вічного бўде ёмў такъ «жáрко да тяжко, якъ томў стàрцеві, що йшовъ дорòгою [2]).

«Идемó, ажъ кипѝть у смолі жінка, а передъ нéю цибўлька «лежѝть. Дідъ и кàже: се мўчитця такъ мáти вáшого старòго «тѝтаря Онѝсима, що булó все старцівъ годўе та біднимъ по-«магáе, а нікóли жòдноі душі не обідивъ и ні въ одномў слòві не «збрехáвъ. Булá вонá богáта, та скнáра, що одъ нéі ніхтó й хлі-«ба кускá не бàчивъ. Отó разъ полóла вона цибўлю, ажъ идé

---

[1]) Сличи съ литовскимъ разсказомъ (Litauische Märchen etc., von A. Schleicher, стр. 71—75).

[2]) Подобное-же мученіе опредѣлено было Танталу.

«поузъ ворѣé дідъ-стáрець. Подарѝ, кáже, панімáтко, рáди «Христá! Вонá вѝрвала стрілку: приймѝ, кáже, стáрче Бóжий. «Тілько-жъ одъ неі й бàчили. Отъ, якъ умéрла... взялѝ іі небó-«гу та й потяглѝ въ пéкло. А Онѝсимъ и побàчивъ зъ нéба, що «вонá велику мўку приймáе, та й каже: Бóже мій мѝлий, Спасе «мій Христé! за всю мою щѝрость, за всю мою прàвду, зробѝ «мини такў лáску — нехáй и моя мàти бўде въ раю зо мнóю. А «Христосъ и речè ёмў: Ні, Онѝсиме! вéльми грішна твоя мá-«ти. Візьмѝ хиба отў цибўльку, що лежѝть передъ нéю, та ко-«лѝ вѝтягнешъ іі съ тиі бéздни, то нехáй и вонá бўде въ раю съ «тобóю. Узявъ вінъ тўю стрілочку та й подавъ мáтері. Схопѝ-«лась вонá за нéі... отъ, òтъ вѝтягне, отъ, òтъ вѝтягне съ «пéкла! бо щò-то Бóжому святóму? Ажъ ні: якъ поначіплюва-«лись ій и въ плáхту, и въ намітку грішниі дўши, що-бъ и собі «съ тогó пéкла вѝбратьця, то й не здèржала тáя цибўлька: пе-«рервáлась, а вонá такъ и бòвтнула въ гарячу смòлу!»

—

У Сербовъ существуетъ слѣдующій разсказъ о загробномъ странствованіи:

«Разскажи мнѣ, что видѣлъ?» спрашиваетъ старикъ.—Видѣлъ я, отвѣчаетъ странникъ, серебреный мостъ; подъ нимъ огромный котелъ, въ томъ котлѣ кипятъ людскія головы, а поверхъ носятся орлы и терзаютъ ихъ своими клювами. «Такова вѣчная мука на томъ свѣтѣ! Что еще видѣлъ?» — Послѣ того проходилъ я селомъ, и со всѣхъ сторонъ слышались мнѣ радостныя пѣсни и веселье. Спросилъ я: отчего у васъ такъ весело? Отъ того, сказали, что у насъ урожай и во всемъ изобиліе. «То люди—Божіи, всякаго готовы были напитать и угостить, и ни одинъ бѣднякъ не отходилъ отъ ихъ избы безъ милостины.» — Дальше видѣлъ я: на дорогѣ двѣ суки грызутся, хотѣлъ ихъ разнять, и никакъ не могъ. «Это двѣ снохи. Что потомъ было?»—Проходилъ я другимъ селомъ, и вездѣ видѣлъ

печаль и слезы. Отчего у васъ такъ жалостно? спросилъ я. Отъ того, мнѣ отвѣчали, что градъ побилъ наши нивы, и нѣтъ теперь ничего. «То живутъ люди, незнавшіе правды.» — Видѣлъ я потомъ: два борова бьются; всячески хотѣлъ ихъ развести, и не могъ. «Это несогласные братья. Что еще тебѣ видѣлось?»—Былъ я на чудномъ лугу; три дни простоялъ бы тамъ, да все глядѣлъ бы на его красу. «Таковъ рай на томъ свѣтѣ, но трудно до него дойти.» (См. Српске народне приповијетке, стр. 111—114.)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Сличи со стихомъ, напечатаннымъ у Кирѣевскаго (Чтенія Общ. Исторіи и Древн., годъ 3-й, № 9, стр. 148—154).

Варіанты (изъ собранія В. И. Даля):

а) Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко — охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться; ссорились они промежъ себя, дрались и кровь христіанскую даромъ проливали. А тутъ набѣжалъ злой татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, и началъ онъ брать вьюницъ (молодыхъ женщинъ—Оп. обл. великор. слов.) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую, и заставлялъ ихъ ѣсть пищу нечистую, маха́нину (лошадиное мясо—ibidem). Горе да и только; слезъ-то, слезъ-то что̀ было пролито! всѣ православные по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божіи всѣ были разорены, негдѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей мещерской сторонѣ добрый мужичокъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица,

что̀ ни перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Были Антипъ съ Марьею люди благочестивые, часто молились Богу, и далъ имъ Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорья былъ не младенческой: бывало, услышитъ какую молитву — и пропоетъ ее, да такимъ голосомъ, что ангелы на небеси радуются. Вотъ услыхалъ схимникъ Ермогенъ объ умѣ-разумѣ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорья въ науку.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ: такъ онъ былъ золъ и хитёръ! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выѣдетъ на охоту — дикаго звѣря травить, никто не попадайся, сейчасъ заколитъ; а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащитъ въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ-же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную, — и Господь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подросъ Егорій, вздумалъ онъ пойдти въ Касимовъ-градъ, чтобъ избавить мать свою отъ злой неволи; взялъ благословенье отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты Брагимовы и видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Повалился Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ грозный ханъ закипѣлъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не устрашился, и сталъ возсылать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ пилить его пилами, рубить топорами; у пилъ зубья посшибались, у топо-

ровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смолѣ кипучей, а святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій — все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ—стоитъ осѣдланный конь, а возлѣ лежитъ мечь-кладенецъ, копье острое. Вскочилъ Егорій на коня, пріуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій и закололь его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келіи и посадъ, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскомъ*.

—

ь) Егорій святой Богу молился
За мать за родную!
Великую онъ скорбь перенёсъ
За мать за родную:
Его во пилы пилили,
Въ топоры рубили;
У пилъ зубья посшибались,
У топоровъ лезья (лезвія) до обухъ выбивались,
И Егорью ничего не дѣялось!
Его во смолѣ варили,
Въ водѣ студеной топили.
Егорій въ водѣ не утопаетъ,
Поверхъ смолы плаваетъ!
Вырыли погребъ глубокой,

Сажали въ него Егорія;
Досками дубовыми закрывали,
Гвоздями полужоными забивали,
Желтыми песками засыпали
За мать за родную.
Сидѣлъ тутъ Егорій
Тридцать два года;
Поднималась бурна погода —
Разнесли вѣтры желтые пески,
Разнесли вѣтры до единой доски!
И собралъ Егорій дружину отборну,
И ѣхалъ Егорій въ церковь соборну;
Тутъ мать его Богу молилась,
Слеза горюча потокомъ катилась.
«Поди, поди, Егорій! сядь на коня, пріуправься!
Лютаго змія копьемъ порази,
Материнскую кровь отомсти.»
— Стóитъ ли, мать, мое рожденіе
Всего моего похожденія?
«Вдвое стóитъ твое рожденіе
За меня претерпѣнна мученія!»
Сѣлъ Егорій на борза коня, пріуправился!
И наѣхалъ Егорій на лѣса валющи:
«Лѣса, лѣса, вы привстаньте!
Срублю я изъ васъ церковь соборну,
Поставлю я въ ней икону святую
За мать за родную.»
Въѣхалъ Егорій могучій
Въ великой городъ толкучій,
И наѣхалъ на дѣвокъ мудрёныхъ:
«Дѣвицы, дѣвицы, къ вамъ рѣчь я веду —
Идите на Ерданъ на рѣку,

Воспримитесь, перекреститесь!»
Въѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи,
Встрѣлись Егорью волки прискучи,
Гдѣ волкъ, гдѣ два:
«Собиритесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки,
Готовтесь для страшныя драки.»
Наѣхалъ Егорій на стадо птицъ:
«Птицы, синицы!
Летите вы на море,
На пиръ на кровавой.»
Наѣхалъ Егорій на змія-горюна... [1])
Но Егорій не ужахался,
Егорій не устрахалея,
Острымъ копьемъ змія закололъ;
Стаи птицъ прилетали,
Змія-горюна клевали;
Синё море волной натекло,
Змія-горюна съ собой унесло.

(Оба варіанта записаны въ егорьевскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи.)

—

Народное преданіе о битвѣ Георгія Храбраго съ дракономъ распространено во множествѣ сказаній почти у всѣхъ европейскихъ народовъ; подвигъ этотъ приписывается Георгію наровнѣ со многими другими сказочными героями, и нерѣдко съ одинаковою обстановкою и съ совершенно-тождественными подробностями (сличи: стихъ о Елизаветѣ Прекрасной—въ Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 154 — 158; Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz, изд. Гаупта и Смолера, ч. 1, стр. 278, и ч. 2, стр. 147; Лѣтоп. русск. литературы и древности 1859 г., кн. 1, отд. 1, стр. 18—19; Народн. русск. сказки, вып. 2-й, стр. 153—159).

[1]) Слѣдующіе затѣмъ стихи въ рукописи совершенно-искажены. Смыслъ тотъ: змій грызетъ мать Егорія, и кровь потокомъ бѣжитъ изъ ранъ. Егорій напускаетъ на змія волковъ прискучихъ, волки погибаютъ.

10. ИЛЬЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Разрушительная сила молніи и грома и плодотворная сила дождя, питающаго земную растительность, въ мірѣ языческомъ приписывались у славянъ Перуну [1]). Извѣстно, что съ принятіемъ христіанства многія изъ старинныхъ представленій, согласно младенческой неразвитости народа, были перенесены имъ на нѣкоторыя лица ветхо-и новозавѣтныхъ святыхъ. Такъ на Илью-пророка были перенесены всѣ аттрибуты и все значеніе древняго божества молніи и грома, которое представлялось разъѣзжающимъ по небу въ колесницѣ, на крылатыхъ коняхъ, и разбивающимъ тучи своими огненными стрѣлами. Поселяне наши до сихъ поръ представляютъ Илью-пророка разъѣзжающимъ по небу въ огненной колесницѣ; стукъ отъ его ѣзды производитъ слышимый нами громъ [2]). На лубочной картинѣ Илья-пророкъ изображается на колесницѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями; колеса огненныя. Лошадьми управляетъ ангелъ; Илья-пророкъ держитъ въ рукѣ мечь. Подъ вліяніемъ такихъ вѣрованій создалась народная загадка, означающая «громъ»: «видано-невидано, якого не кидано! то

[1]) См. статью о «Зооморфич. божествахъ у славянъ» (Отеч. Записки 1852 г., № 2).

[2]) Воронеж. Губерн. Вѣдом. 1851, № 11. Владим. Губ. Вѣдом. 1844 г., Прибавл. къ № 52.

святый кидавъ, щобъ було хороше ему проихати» [1]). Въ одномъ заговорѣ читаемъ: «на морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ гонитъ Илья-пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ. Надъ тучею туча взойдетъ, молнія осіяетъ, дождь пойдетъ» [2]). Молнію народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Ильею-пророкомъ въ дьявола, который старается укрыться въ животныхъ и гадахъ; но и здѣсь находитъ его и поражаетъ небесная стрѣла. Отъ св. Ильи, по народному вѣрованію, зависятъ росы, дожди, градъ и засуха; 20 іюля, въ день этого святаго, ожидаютъ грозы и дождя, который непремѣнно долженъ

---

[1]) Малорус. и галицк. загадки, стр. 8, 39: «когда гремитъ громъ, тогда по небу ѣздитъ Илья-пророкъ или Господь.» Въ нижегородской губерніи, когда гремитъ громъ, говорятъ: «Илья великій гудитъ!» Въ скопческой пѣсни поется:

У насъ было на сырой на землѣ —
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужь на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ, сударь, гремитъ,
Нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
Подъ нимъ бѣлой, храброй конь;
Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ.
Ужь и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужной хвостъ,
А гривушка позолоченная,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная;
Въ очахъ его камень-маргаритъ,
Изъ устъ его огонь-пламень горитъ.

(Изслѣдов. о скопческ. ереси, соч. Надеждина, 1845 г., см. Приложенія, стр. 47—48.)

[2]) Иллюстрація, годъ 1, статья Даля, стр. 250.

пролиться въ это число. Бѣлорусская поговорка: «Илья надзѣливъ гнильля» означаетъ, что съ Ильина дня идутъ обыкновенно дожди, отъ которыхъ гніетъ хлѣбъ и сѣно въ полѣ [1]). На этотъ праздникъ не косятъ и не убираютъ сѣна, потому что въ противномъ случаѣ св. Илья убьетъ громомъ или сожжетъ накошенное сѣно молніей [2]). Если градъ выбиваетъ хлѣбъ мѣстами, то поселяне говорятъ: «это Богъ караетъ; онъ повелѣлъ Ильѣ-пророку: когда ѣздишь въ колесницѣ, щади нивы тѣхъ, которые раздаютъ хлѣбъ бѣднымъ полною мѣрою; а которые жадны и не знаютъ милосердія—у тѣхъ губи!» Ильѣ-пророку приписываютъ урожаи, что видно изъ слѣдующей припѣвки:

Ходить Илья,
Носить пугу (т. е. плеть)
Житяную;
Де замахне—
Жито росте.

20-го іюля приготовляютъ хлѣбъ изъ новой ржи и приносятъ въ церковь [3]).

Сербскія пѣсни также надѣляютъ Илью-пророка молніей и громомъ; при раздѣлѣ міра ему достались «муње и стриjеле» (молнія и стрѣлы), почему сербы и называютъ его *громовникомъ;* онъ запираетъ облака и посылаетъ за людскіе грѣхи засуху на землю. Тѣ-же вѣрованія связываютъ съ Ильею-пророкомъ и другіе народы. Оссетины даже приносятъ ему жертвы; объ убитомъ молніей они говорятъ: Илья взялъ его къ

---

[1]) Прибавл. къ Извѣстіямъ Академ. Наукъ по 2-му отдѣленію 1852 г., стр. 47.

[2]) Воронежск. Губерн. Вѣдомости 1851 г. № 11; Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 49—50.

[3]) Снегирева: Русск. въ своихъ пословицахъ, ч. IV, стр. 20, 65. Сахарова: Сказанія русск. народа, т. I, (пѣсни), стр. 274.

себѣ, и чествуютъ его трупъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Илью-пророка представляютъ въ мантіи огненнаго цвѣта, съ мечемъ, на остреѣ котораго горитъ пламя, и въ красной шапкѣ на головѣ [1]).

Такое присвоеніе грома, молніи и дождей Ильѣ-пророку имѣетъ въ основаніи тѣ аналогическія обстоятельства, которыя окружаютъ этого святаго въ вѣтхозавѣтныхъ сказаніяхъ. По свидѣтельству этихъ сказаній онъ былъ живой взятъ на небо въ огненной колесницѣ, на огненныхъ лошадяхъ; во время своей земной жизни онъ чудеснымъ образомъ произвелъ однажды засуху и пролилъ дождь. Церковная пѣснь молитъ его объ отверстіи неба и ниспосланіи дождя; иногда поселяне ставятъ на воротахъ чашку ржи и овса, и просятъ священника провеличать Илью, на плодородіе хлѣба [2]). Въ Новгородѣ въ старину были двѣ церкви: Ильи-Мокраго и Ильи-Сухаго; въ засуху совершался крестный ходъ къ первой церкви съ мольбами о дождѣ, а съ просьбою о сухой и ясной погодѣ совершался крестный ходъ къ церкви Ильи-Сухаго [3]).

Эти народныя вѣрованія послужили источникомъ, изъ котораго создались нѣкоторыя сказанія, живущія въ устахъ простолюдиновъ, а между ними и напечатанная нами легенда объ Ильѣ-пророкѣ и Николаѣ-угодникѣ.

---

[1]) Српске народне пјесме, кн. 1, стр. 155—7. Гримма: **Deutsche Mithologie**, стр. 158. Норкъ: **Andeutung. einer Sistems der Mitholog.**, стр. 237.

[2]) Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерск. монастырь, ч. II, стр. 66—67. Терещенко: Бытъ рус. народа, ч. VI, стр. 49—50.

[3]) Отеч. Записки, изд. Свиньина, 1826 г., ч. XXVIII, № 79, стр. 166. Москвитян. 1853 г., № 11, стр. 64 (Внутрен. извѣстія).

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Это вторая легенда, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является св. Никола; въ собраніи В. И. Даля есть еще одно народное сказаніе объ этомъ-же угодникѣ. Вотъ оно:

Въ нѣкоемъ царствѣ жилъ-былъ богатой мужикъ; жадность и скупость совсѣмъ одолѣли его: если кому и давалъ онъ въ займы деньги, то всегда подъ закладъ и за большіе проценты. Въ томъ-же царствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ; кромѣ жены да семерыхъ дѣтей ничего у него не было. Долго перебивался онъ коё-какъ и добывалъ себѣ и ребятишкамъ дневное пропитаніе; а тамъ пришло такое время—хоть зубы на полку клади: три дня безъ ѣды сидѣлъ. Какъ быть? чѣмъ семью прокормить? Думалъ онъ, думалъ, и рѣшился пойдти къ богатому мужику и попросить въ займы денегъ. «Ахъ, ты дурачина! закричалъ на него богатой. Ну, съ какими глазами пришелъ ты занимать деньги? Ну, можно-ль тебѣ повѣрить? Что съ тебя послѣ взять!..» —Будь милостивъ, выручи изъ бѣды; не дай помереть голодною смертію, по вѣкъ не забуду... Заработаю—съ лихвою отдамъ. «Отдамъ!... знаю, какъ вы отдаете.»—Право слово, отдамъ; вотъ тебѣ Никола порукою! отвѣчалъ бѣдной и показалъ на образъ Николы-угодника. Смиловался богатой, отсчиталъ ему двадцать рублевъ: «смотри-же, говоритъ, непремѣнно въ срокъ заплати».

Бѣднякъ взялъ деньги, пошелъ на базаръ, накупилъ хлѣба и сталъ кормиться со всею семьею. Пришло время платить, а у него по старому нѣтъ ни копѣйки [1]). «Что дѣлать? думаетъ

---

[1]) *Въ другомъ спискѣ:* Какъ достать денегъ? И надумалъ онъ пойдти ночью къ болоту и попросить у чертей. Дождался полночи, пришелъ къ болоту и подаетъ голосъ нечистому: «возьми, говоритъ, мою душу, только дай

онъ. Пойду, попрошу отсрочки.» Приходитъ къ богатому и ну кланяться ему въ землю: «обожди, родимой; дай еще вздохнуть хоть малое время».—Чего ждать-то? Пришелъ срокъ, и подавай денежки; небось, умѣлъ брать! «Радъ бы, отецъ родной, хоть сейчасъ заплатить, да вѣрь совѣсти — нечѣмъ!»— Видно, съ тобою, мошенникомъ, хорошо не сдѣлаешься! сказалъ богатой мужикъ; а надо будетъ за поруку приниматься. Пришелъ домой, сталъ передъ образомъ Николы-угодника и говоритъ: «чтожъ ты не отдаешь за бѣднаго денегъ? вѣдь ты за него поручился». Икона ничего не отвѣчаетъ. «Что-же ты молчишь? У меня не отмолчишься: не отстану до тѣхъ поръ, пока не заплатишь всѣ до единой копѣйки.» Снялъ образъ со стѣны, положилъ на повозку и выѣхалъ со двора; лошадь пустилъ впередъ, а самъ идетъ за повозкою сзади, и все по образу кнутомъ стегаетъ да приговариваетъ: «отдай мои деньги! отдай мои деньги!» [1]). Только ѣдетъ онъ мимо гостиннаго двора; увидалъ его купеческой сынъ и сталъ спрашивать: «что ты, безбожный, дѣлаешь?»—А то что̀ давалъ я въ займы одному мужику двадцать рублевъ, и этотъ образъ былъ по немъ порукою; пришелъ срокъ отдавать деньги—у мужика нѣтъ ни полушки; вотъ и принялся я за поруку! «На, возьми свои двадцать рублевъ, только отдай мнѣ образъ.»—Изволь, братъ! мнѣ еще лучше безъ хлопотъ!

Взялъ купеческой сынъ образъ, поставилъ въ лавкѣ и засвѣтилъ передъ нимъ лампадку. На утро явился къ нему сѣ-

---

двадцать рублевъ». Отвѣчаетъ ему нечистой: «ступай домой, доброй человѣкъ! намъ твоей души не надобно. Много вашей братьи голышей сюда таскается; если всѣмъ давать деньги, такъ самимъ придется щелкать зубами! Мы и на господъ-то напастись не можемъ, а то еще вамъ давай!» Воротился мужикъ домой съ пустыми руками.

[1]) *Варіантъ*: Снялъ образъ со стѣны, положилъ у порога и давай въ грязь топтать. Идетъ мимо купеческой сынъ...

дой старикъ и сталъ наниматься замѣсто прикащика; купеческой сынъ подумалъ-подумалъ и взялъ его въ лавку. Съ той самой поры пошла у него такая торговля, что̀ никакъ товаровъ не напасется: покупщики такъ и валятъ въ лавку со всѣхъ сторонъ. Разбогатѣлъ купеческой сынъ; построилъ два корабля, нагрузилъ ихъ разными товарами, и поѣхалъ съ старикомъ въ другое государство торгъ вести. А въ томъ государствѣ на ту пору бѣда приключилася: злая вѣдьма испортила царевну — днемъ она лежитъ словно мертвая, а по ночамъ встаетъ и людей поѣдаетъ! Что тутъ дѣлать? Положили ее въ гробъ, набили сверху крышку, и вынесли въ церковь. Царь повелѣлъ кликать кличь по всему государству: не найдется ли кто такой, чтобы могъ отчитать царевну? а кто ее отчитаетъ, тотъ будетъ царскимъ зятемъ и получитъ въ приданое половину царства. Кликнули кличь; только никто не выискался, никто не берется за это дѣло хитрое. И говоритъ старикъ купеческому сыну: «ступай къ царю и скажи, что ты можешь отчитать царевну». — А какъ не съумѣю? «Не бойся! Богъ поможетъ и я научу.» Отправился купеческой сынъ къ царю, объявилъ о себѣ; царь обрадовался и велѣлъ ему отчитывать. Въ тотъ-же самой день вечеромъ пошелъ старикъ вмѣстѣ съ купеческимъ сыномъ въ церковь, поставилъ около гроба налой и очертилъ кругъ; послѣ того далъ купеческому сыну книгу, и приказываетъ: «становись въ этотъ кругъ, и что̀ бы ни было, что̀ бы тебѣ ни казалось — не переходи за черту, молись и читай книгу». Сказалъ и ушелъ; остался въ церкви одинъ купеческой сынъ, сталъ въ кругу передъ налоемъ и принялся читать. Ровно въ полночь сорвалась съ гроба крышка; царевна встаетъ и бросается прямо на купеческаго сына; вотъ уже близко... но сколько ни силится—никакъ не можетъ переступить проведенной черты. Бѣшено рвется она впередъ, напущаетъ разные страхи и грозитъ бѣдою; но ку-

печеской сынъ не ужасается, стоитъ въ кругу и все читаетъ да читаетъ. Стало свѣтать, запѣли пѣтухи — и въ ту-жъ минуту грохнулась царевна на-земь и сдѣлалась совсѣмъ-мертвою. Поутру рано посылаетъ царь узнать: все ли благополучно? Приходятъ посланные; видятъ, что купеческой сынъ живъ, и не могутъ надивиться, какъ онъ уцѣлѣлъ. Подняли они царевну, положили опять въ гробъ, заколотили крышку, воротились къ царю и разсказали обо всемъ. На другую ночь было тоже; а на третью купеческой сынъ отчиталъ царевну: вышла изъ нея вся нечисть; тутъ только переступила она черту и подошла къ купеческому сыну, взяла его за руку, поцѣловала въ уста и сказала: «будь ты моимъ мужемъ, а я — твоей женою.» На томъ они и поладили, стали рядомъ передъ мѣстными иконами и начали молиться Богу тихо и любовно. Какъ донесли объ этомъ посланные царю, онъ сейчасъ-же приказалъ обвѣнчать купеческаго сына на царевнѣ и далъ ему въ приданое половину своего государства.

Въ другомъ спискѣ старикъ приходитъ наниматься къ купеческому сыну уже въ то время, когда онъ отправляется за море. «Куда тебѣ, старому, работать? вѣдь ты ничего не осилишь», говоритъ купеческой сынъ. — А вотъ увидишь: я хоть старъ, да работящъ: за десятерыхъ молодыхъ сойду. «А что возьмешь?»—Что заработаемъ, то пополамъ. «Хорошо!» Прiѣзжаютъ они въ другое государство; купеческой сынъ берется отчитывать царевну, а старикъ даетъ ему три полѣна, чашку воды и научаетъ, какъ и что дѣлать. Въ полночь поднялась царевна изъ гроба; купеческой сынъ бросилъ ей одно полѣно; она его проглотила. Бросилъ другое — и другое проглотила; бросилъ послѣднее — и съ этимъ тоже. «Ну, говоритъ царевна, теперь я тебя съѣмъ!» — Погоди, отвѣчаетъ купеческой сынъ, дай прежде воды испить. Набралъ въ ротъ воды и брызнулъ въ нее — царевна вздрогнула и въ ту-жъ минуту

исцѣлилась: порчу какъ рукой сняло. Купеческой сынъ женился на царевнѣ, и воротился домой съ большими богатствами. «Давай дѣлиться», говоритъ старикъ. Купеческой сынъ вытащилъ всѣ деньги и сталъ дѣлить пополамъ. «Что ты съ деньгами-то возишься? Мы съ тобой привезли еще царевну. Давай и ее дѣлить!» Взялъ старикъ острой мечь и разрубилъ ее на-двое. Опечалился купеческой сынъ и говоритъ: «Богъ съ тобой! за что ты ее убилъ?» — Развѣ тебѣ жалко? спрашиваетъ старикъ; взялъ обѣ разрубленныя части, сложилъ вмѣстѣ, дунулъ—и царевна тотчасъ встала живою и сдѣлалась вдвое лучше прежняго. «Вотъ твоя жена! живи съ нею по-Божьему», сказалъ старикъ и исчезъ. И то былъ не простой старикъ; то былъ самъ Никола, угодникъ Божій.

13. ПЯТНИЦА.

Суевѣрное уваженіе къ пятницѣ, питаемое русскимъ простолюдиномъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія археологовъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи по пятницамъ бабы не прядутъ, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ. Въ народномъ стихѣ душа, прощаясь съ тѣломъ, обращается къ нему съ такимъ напоминаніемъ былыхъ грѣховъ:

Мы по середамъ, по пятницамъ платье зо̀ловали,
Платье зо̀ловали, мы льны прядовали. [1])

Особенно-же уважаются въ народѣ издревле двѣнадцать пятницъ, которыя бываютъ передъ большими праздниками: a) передъ Благовѣщеньемъ, b) первая и c) десятая послѣ Воскре-

---

[1]) Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 56. Чтенія Общ. Исторіи въ Древн. Россійск., годъ 3-й, № 9, стр. 210, 221 и 224.

сенія Христова, d) передъ Троицею, e) Успеніемъ, f) Ильинымъ днемъ, g) праздникомъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, h) Вздвиженьемъ, i) Покровомъ, k) Введеніемъ во храмъ пресв. Богородицы, l) Рождествомъ и m) Крещеніемъ. До сихъ поръ сохраняется старинное сказаніе о 12 пятницахъ, почитаемое раскольниками наравнѣ съ свящ. писаніемъ [1]). На Вагѣ въ прежнее время ежегодно праздновали пятокъ первой недѣли поста у часовни, куда совершался для этого крестный ходъ. Во время неурожаевъ, засухи или сильныхъ дождей, по случаю скотскаго падежа и появленія червей были праздуемы «обѣтныя» пятницы; въ XVI вѣкѣ писались въ такихъ случаяхъ цѣлымъ міромъ заповѣдныя записи. Такъ крестьяне тавренской волости (въ 1590—1598 г.) обговорились промежъ себя и учинили заповѣдь на три года, чтобы «въ пятницу ни толчи, ни молоти, ни каменія не жечи», а кто заповѣдь порушитъ, на томъ доправить 8 алтынъ и 2 деньги. Константинопольскій патріархъ окружною грамотою 1589 года къ литовско-русскимъ епископамъ запрещалъ праздновать день пятницы наравнѣ съ воскресеньемъ [2]).

Стоглавъ (въ 40-й главѣ) свидѣтельствуетъ, что въ его время ходили «по погостамъ и по селамъ и въ волостяхъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ, роспустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдываютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разгигати, и иныя заповѣдуютъ богомерзскія дѣла творити».

---

[1]) Православн. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 188.

[2]) Акты Юридическіе, № 358; Акты Западн. Руси, т. IV, № 22. У болгаръ также не прядутъ по пятницамъ (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, т. II, статья Буслаева, стр. 42).

По народному объясненію по пятницамъ не прядутъ и не пашутъ, чтобы не запылить матушку-Пятницу и не засорить ей кострикою и пылью глазъ. Если же бабы вздумаютъ прясть и шить въ этотъ день, то св. Пятница накажетъ ихъ ногтоѣдомъ, заусеницею, или болѣзнею глазъ: повѣрье это послужило основаніемъ напечатанной нами легенды. По словамъ духовнаго регламента, суевѣры увѣряли, что «Пятница гнѣвается на непразднующихъ (ея дня) и съ великимъ на оныхъ угроженіемъ наступаетъ». Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ пятницу не засиживаются долго при свѣчахъ, потому что въ этотъ день ходитъ по домамъ «св. Пятинка» и караетъ всѣхъ, кого застанетъ неспящимъ. Въ Малороссіи поселяне увѣряютъ, что они сами видѣли, какъ Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченная веретенами, потому что многія женщины и шьютъ, и прядутъ въ такіе дни, которые слѣдуетъ праздновать въ честь этой святой [1]). Такимъ образомъ особенное уваженіе къ пятницѣ объясняется тѣмъ, что этотъ день считается въ народѣ посвященнымъ св. Пятницѣ: именемъ Пятницы въ простонародьи называется мученица Параскева. Въ четьяхъ-минеяхъ повѣствуется, что родители ея всегда чтили пятницу, какъ день страданій и смерти Спасителя, за что и даровалъ имъ Господь въ этотъ день дочь, которую они назвали Παρασχεβη т. е. пятницей. Въ прежнихъ нашихъ мѣсяцословахъ при имени св. Параскевы упоминалось и названіе Пятницы; церкви, ей посвященныя, до сихъ поръ называются пятницкими [2]). 28 октября, когда чтится

---

[1]) Сахарова: Сказанія рус. народа, т. II, стр. 97, 101; Снегирева: Простонар. русск. праздники, ч. I, стр. 188—9; Терещенко: Бытъ русс. народа, ч. VI, стр. 56; Маякъ 1843 г., т. XII, стр. 7, и 1844 г., т. XIII. Вѣстн. Геогр. Общества 1853 г., кн. 3, стр. 5; Полтавск. Губернск. Вѣдом. 1845, № 24 — часть неоффиціальная; Абевега рус. суевѣрій, стр. 275.

[2]) Правосл. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 196.

память св. Параскевы, поселяне кладутъ подъ ея икону зеленые плоды и хранятъ ихъ до слѣдующаго года. Въ обѣтныя пятницы, собираясь праздновать въ одно назначенное мѣсто, они выносятъ образъ Параскевы-мученицы, обвѣшанный платками и лентами. На дорогахъ, при распутіяхъ и перекресткахъ издревле ставились на столбикахъ небольшія часовни съ иконою св. Параскевы; часовни эти также назывались «пятницами» [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ всѣ особенности, приписываемыя Пятницѣ, относятъ къ Пречистой Дѣвѣ; такъ бабы не прядутъ по пятницамъ, чтобы не запылить Богородицы, которая ходитъ тогда по избамъ; еще наканунѣ поэтому подметаютъ въ избахъ полы; шерсть, отъ которой нѣтъ пыли, позволяютъ прясть [2]).

Припоминая, что пятница у другихъ европейскихъ народовъ въ языческую эпоху была посвящена богинѣ Венерѣ или Фреѣ (dies Veneris, Vendredi, Frejtag), справедливо будетъ предположить, что въ приведенныхъ нами повѣрьяхъ скрывается темное воспоминаніе о древней языческой богинѣ. Подъ вліяніемъ христіанскихъ идей оно естественнымъ образомъ слилось съ священными представленіями новой религіи, подобно тому, какъ аттрибуты Перуна перенесены суевѣрнымъ народомъ на Илью пророка, а древнее поклоненіе Волосу перешло на св. Власія.

[1]) Рязанск. Губерн. Вѣдомости 1846 г., № 6 — часть неоффиц.: Макарова: Русскія преданія, ч. I, стр. 22—26; Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 58—59.

[2]) Иллюстрація 1846 г., стр. 648 — статья Даля; Воронежск. Губ. Вѣдом. 1851, № 11. Равнымъ образомъ и въ другіе праздничные дни запрещается прясть: это грѣхъ неотмолимый, но сматывать нитки и сучить ихъ не считается за грѣхъ. Женщины не оставляютъ пряжи на веретенахъ въ воскресенье и праздники, чтобы не рвались нитки. На масляницу не прядутъ, чтобы мыши не грызли нитокъ и чтобы холсты не были гнилыми. Въ Литвѣ, приготовляясь къ свѣтлому празднику, поселяне стараются прибрать и вычистить свои избы до страстнаго четверга, а съ этого дня до самой Пасхи не принимаются за эту работу, боясь, чтобы лежащему во гробѣ Христу не засорить глазъ; въ тоже время старательно прячутъ веретена и прялки и перестаютъ заниматься пряжею (Вѣстн. Геогр. Общества, 1853, кн. I, стр. 60; Иллюстрація, годъ 2-й, стр. 262; Пузины: Взглядъ на суевѣрія, стр. 154; Ворон. Губерн. Вѣд. 1851 г., № 11; Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 93).

Пятницѣ приписываютъ вліяніе на здоровье, урожай хлѣба и плодородіе скота, почему во время падежей, моровой язвы и другихъ бѣдствій прибѣгаютъ къ ней съ мольбами, совершаютъ общественное богослуженіе и приносятъ очистительныя жертвы; въ народѣ ходятъ даже молитвы, сочиненныя въ честь св. Пятницы: онѣ носятся на шеѣ отъ различныхъ недуговъ или привязываются къ больной головѣ. Во время церковныхъ обрядовъ прежде выносили икону св. Параскевы, увѣшанную лентами, монистами, цвѣтами и душистыми травами; эти цвѣты и травы оставались въ церкви, и отваръ ихъ давали пить отчаянно-больнымъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ исцѣленію. По народному повѣрью, кто соблюдаетъ пятницу, у того не будетъ лихорадки. Въ калужской губерніи при началѣ жатвы одна изъ старухъ, извѣстная по легкости своей руки, отправляется ночью въ поле, нажинаетъ одинъ снопъ, связываетъ его, и до трехъ разъ то кладетъ, то ставитъ на землю, произнося слѣдующія слова: «Пятница-Параскева, матушка, помоги рабамъ Божіимъ (слѣдуютъ имена) безъ скорби и болѣзни окончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдуницы, еретика и еретицы!» Затѣмъ, взявши снопъ, она старается пройдти до двора, не будучи никѣмъ замѣченною. На праздникъ Покрова дѣвицы, желающія выйдти замужъ, обращаются съ просьбою о томъ къ Пятницѣ: «матушка Пятница-Параскева! покрой меня поскорѣе». [1]) Духовный регламентъ Петра Великаго упоминаетъ о совершав-

[1]) Снегирева: Простонар. русск. праздники, ч. IV, стр. 118; ч. I, стр. 48.

шемся въ народѣ символическомъ обрядѣ, указывающемъ на обожаніе Пятницы. «Слышится (читаемъ въ этомъ законодательномъ памятникѣ), что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простоволасую, подъ именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы.»

14. О НОѢ ПРАВЕДНОМЪ.

Начало этой любопытной легенды заимствовано изъ «притчи о тѣлѣ человѣческомъ, и о душѣ, и о воскресеніи мертвыхъ». Притча эта встрѣчается во многихъ рукописныхъ прологахъ XIII, XIV, XV и XVI столѣтій и между сочиненіями Кирилла Туровскаго, который передаетъ ее въ болѣе-распространенномъ изложеніи (см. Рукописи графа А. С. Уварова, томъ 2, стр. XLVI — LI, 137 — 141). Конечно, отсюда она перешла въ народныя сказанія, и это служитъ новымъ свидѣтельствомъ того вліянія, какое оказывала книжная литература на устную. Для сличенія приводимъ здѣсь самую притчу:

«Человѣкъ нѣкто добра рода насади виноградъ, и оплотомъ огради, и отходя въ домъ отча своего: «кого, рече, створю стража дому моему и притяжанію? Аще бо поставлю сдѣ отъ предстатель моихъ, то потеряють мой трудъ. Но сиче створю: поставлю стража хромча и слѣпча, да аще кто хоще украсти отъ врагъ моихъ въ виноградѣ, слѣпець чюеть, а хромець видить; аще кто отъ сего всхощеть, хромець убо не имать ногу дойти, слѣпець же аще поидетъ — въ пропастѣхъ убьется». И посадивъ я, отъиде. Надолзѣ бо сѣдящимъ имъ, и рече слѣпече ко хромчю: «что убо благоуханіе полетаеть изнутрь вратъ?» Отвѣща хромець: «многа блага господина наю внутрь

есть, иже неизреченьная вкушенія: но понеже премудръ есть господинъ наю, мене посади хромаго, а тебе слѣпаго, и не можевѣ того дойти и насытитися». Отвѣща слѣпече хромчю: «почто еси сихъ не возвѣстилъ, да быховѣ не жадала? Аще бо слѣпъ есмь, но ногы имамъ и силенъ есмь носити тя: нынѣ бо возми кошь, и всади на мои плещи, и азъ тя несу, а ты мнѣ путь повѣдай; и вся благая господина наю обоемлевѣ. Да егда приде господинъ наю, укрыется дѣло наю отъ него; аще мене воспросить, и реку: ты веси, господине мой, яко слѣпъ азъ есмь; аще ли тебе вопросить, ты же рѣчи: азъ хромъ есмь, и тако премудруевѣ господина наю». Вѣсдъ же хромець на слѣпеца, и шедъ окрадоста овощь господина своего. По времени же пришедъ господинъ винограда, и види его окрадена, повелѣ привести слѣпца, и глагола: не добра ли тя постанвихъ стража винограду моему, почто еси окралъ его? Отвѣща слѣпече: «Господи, ты вѣси, яко слѣпъ есмь; аще быхъ хотѣлъ дойти, не вижю дойти; но кралъ есмь хромець, а не азъ». И повелѣ господинъ блюсти слѣпеца, дондеже приведуть хромца. Призвану же хромчю, начастася спирати. Хромець глаголаше слѣпчю: «аще не бы ти носилъ мене, николи же моглъ быхъ тамъ дойти, 'понеже хромъ есть». Слѣпець же глаголаше: «аще бы не ты мнѣ путь повѣдалъ, то не бы азъ тамъ дошелъ». Тогда господинъ, сѣдъ на судищи, нача судити, и рече господинъ: «яко же еста рекла (крала), тако да всяде хромець на слѣпца». Вѣдшю бо хромьчю на слѣпца, повелѣ бити немилостивено».

Въ народной легендѣ вмѣсто хромца выведенъ безрукой.— Далѣе легенда воспользовалась библейскими сказаніями объ Адамѣ и Ноѣ, но передаетъ ихъ въ искаженномъ видѣ, смѣшивая событія и перепутывая ихъ баснословными народными преданіями. Сюда вошли и нѣкоторые разсказы изъ старинна-го животнаго эпоса. Такъ народное суевѣріе представляетъ,

что собака первоначально была сотворена голою, безъ шерсти; Богъ заставилъ ее стеречь отъ демонскихъ козней тѣло первосозданнаго человѣка; нечистый грозитъ собакѣ зимними морозами и, соблазняя, даетъ ей мягкую шубу. Любопытны роли, которыя играютъ въ ковчегѣ мышь и ужъ. Нечистый ухитряется, влѣзаетъ въ ковчегъ и въ видѣ мыши прогрызаетъ въ немъ дыру; ужъ затыкаетъ ее своей головою. Послѣ потопа слѣдуетъ вновь созданіе земли и людей; очевидно устный разсказъ относитъ здѣсь въ конецъ то, что должно было стоять въ началѣ. Преданіе о созданіи земли записано г. Терещенкомъ (Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 44—45) съ нѣкоторыми подробностями, которыхъ недостаетъ въ нашей легендѣ:

«Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю. Онъ «позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водяную, что-«бы достать оттуда горсть земли и принесть ему. — Ладно, «думаетъ сатана, я самъ сдѣлаю такую-же землю! Онъ ныр-«нулъ, досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. При-«несъ Богу и отдаетъ, а самъ не произноситъ ни слова... «Господь куда ни броситъ землю, то она вдругъ является та-«кая ровная, ровная, что на одномъ концѣ станешь — то на «другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смо-«тритъ... хотѣлъ что-то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ «его: чего онъ хочетъ? Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ «испугу. Тогда громъ и молнія поражали бѣгущаго сатану, и «онъ гдѣ приляжетъ — тамъ выдвинутся пригорки и горки; «гдѣ кашлянетъ — тамъ выроститъ гора; гдѣ привскачетъ — «тамъ высунется поднебесная гора. И такъ бѣгая по всей «землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорковъ, горокъ, горъ и «превысокихъ горъ.»

Въ карпатской колядкѣ поется, что при началѣ свѣта два голубя спустились на дно моря, достали оттуда песку и камня, изъ которыхъ и были созданы земля и небесныя свѣтила.

Доисторическія преданія, уцѣлѣвшія почти у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, разсказываютъ, что само божество научило первоначально человѣка строить жилища, ковать металы и воздѣлывать землю [1]). На Украйнѣ есть повѣрье, что самъ Господь далъ Адаму плугъ, а Евѣ прялку—въ то время, какъ они нарушили заповѣдь и были высланы изъ рая [2]). Согласно съ этимъ напечатанная нами легенда повѣствуетъ о томъ, какъ Господь выучилъ людей строить избу и запрягать лошадь. Между русскими крестьянами ходитъ еще другое преданіе о постройкѣ избы: долго люди не умѣли придумать, какъ-бы охранить себя отъ непогоды и стужи; наконецъ чортъ ухитрился и выстроилъ избу: всѣмъ бы хороша: и тепло, и уютно, да темно хоть глазъ выколи! Ужь ангелъ Господень научилъ прорубить окно, и съ тѣхъ поръ стали люди строить избы съ окнами. Преданіе это носитъ на себѣ печать весьма древняго происхожденія. Злой духъ, какъ представитель темной силы, мрака, по народнымъ повѣрьямъ боится свѣта и исчезаетъ съ первыми лучами солнца [3]); все, что имѣетъ связь съ свѣтомъ, исходитъ не отъ него, а даруется божествомъ добра и правды.

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРЫЙ.

Сличи съ слѣдующей легендой о «Солдатѣ и Смерти» (№ 16, а). — О премудромъ царѣ Соломонѣ извѣстенъ цѣлый рядъ старинныхъ повѣстей, о которыхъ смотри въ сочиненіи

---

[1]) См. статью: Миѳическая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металовъ и проч. (въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половина 2-я.

[2]) Русск. Бесѣда 1856 г., т. 3, стр. 74: статья Максимовича.

[3]) Крикъ пѣтуха, предвозвѣщающій восходъ солнца, прогоняетъ нечистыхъ духовъ. Сличи съ Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, стр. 519.

г. Пыпина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (стр. 102 — 123). Съ этими повѣстями, занесенными во многіе рукописные сборники, имѣютъ связь и тѣ народныя сказанія о Соломонѣ, которыя вошли въ «Српске народне приповиjетке» Караджича.

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

Смерть является здѣсь не отвлеченнымъ понятіемъ, а согласно древнѣйшему представленію — живою, олицетворенною; такою видимъ ее и въ другой легендѣ («Пустынникъ», № 21), и въ нѣмецкихъ сказкахъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, и въ извѣстной «Повѣсти о бодрости человѣческой» (начало: «Человѣкъ нѣкій ѣздяше по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собою имѣя крѣпостію обложенъ, звѣровиденъ...»). Повѣсть эта попадается во многихъ рукописяхъ XVII и XVIII столѣтій; составляя любимое чтеніе грамотнаго люда, она перешла въ устныя сказанія и на лубочную картину. Приводимъ здѣсь народный разсказъ объ Аникѣ-воинѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ записанъ онъ въ нашемъ собраніи:

Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви Божіи разорять; взялъ мечь и копье, и выѣхалъ въ чистое поле на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою [1]. «Что это за чудище! говоритъ Аника-воинъ; царь ли ты-царевичъ, король ли-королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, я твоя Смерть — за тобою пришла! «Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу — тебя раздавлю!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку! — и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. — Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего бòрзаго коня, хочетъ поднять ее на копье булатное; но рука не двигнется. Напалъ на него великій страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: «Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.» — Смерть моя-Смерточка! дай сроку хоть на три дни. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Аника-воинъ: «много есть у меня и сребра, и золота, и каменья драгоцѣннаго; дай сроку хоть на одинъ часъ — я бы рòздалъ нищимъ все свое имѣніе». Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой [1].

Народныя русскія повѣрья представляютъ Смерть вѣчно-голодною, пожирающею все живое; въ первомъ спискѣ напечатанной нами легенды — когда солдатъ заставилъ ее нѣсколько лѣтъ глодать одни лѣсныя деревья, Смерть такъ отощала, что едва ноги двигала.

Въ аду солдатъ до того надоѣлъ чертямъ, что они долго не знали, какъ его выжить, и наконецъ уже вызвали его изъ этого теплаго мѣста, ударивъ въ барабанъ тревогу.

---

[1]) *Варіантъ:* Ѣздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ, не съ кѣмъ силы попробовать. «Съ кѣмъ бы мнѣ побиться? думаетъ Аника-воинъ; хоть бы Смерть пришла.» Глядь — идетъ къ нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ.

[1]) Сличи съ легендою подъ № 21 («Пустынникъ»).

Подобный разсказъ есть о матросѣ Пронькѣ:

Былъ матросъ Пронька; всю службу свою слылъ горькой пьяницей: чарка для него была полглотка, а ендову осушалъ въ два пріема безъ отдыха. Что тамъ ему не говори, только и услышишь: «пей да дѣло разумѣй! пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ! пьяница проспится, дуракъ никогда!» И впрямь, дѣло онъ разумѣлъ, отъ работы не отказывался, говорилъ всегда правду, и всѣ его любили и берегли. Разъ както великимъ постомъ сталъ говорить ему священникъ: «Пронька, Бога ты не боишься! Неравёнъ часъ — во хмѣлю умрешь; вѣдь смерть ходитъ не за горами! Ну, что тогда скажешь ты, какъ пьяной предстанешь предъ Господа?» А онъ въ отвѣтъ: «Батюшка! что̀ у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ: всю правду, значитъ, скажу передъ Богомъ». Какъ сказалъ священникъ, такъ и случилось. Съ какихъ — ужь не знаю — радостей сильно подпилъ Пронька, да видно слишкомъ на себя понадѣялся, полѣзъ на мачту и свалился оттуда прямо въ воду. Вотъ по сказанному, какъ по писанному, явился онъ на тотъ свѣтъ пьянёшенекъ, и не знаетъ, куда идти? а тамъ — дѣло извѣстное, и для трезваго потемки; такъ пьяному-то просто бѣда! Вотъ пошла ранжировка да перекличка, кого куда; матросовъ-горемыкъ извѣстно всѣхъ въ рай назначаютъ, и Проньку вскричали туда-жъ. А онъ бурлитъ себѣ, замѣшался въ толпу, и попалъ въ адъ; шумитъ тамъ пуще всѣхъ, только другимъ мѣшаетъ... Много было хлопотъ, чтобы вывесть его изъ ада; долго не могли съ нимъ справиться; да ужь Никола Морской догадался: взялъ боцманскую дудку, сталъ у райскихъ дверей и засвисталъ къ вину. Какъ услыхалъ Пронька, сейчасъ бросился изъ ада вонъ и въ ту-жъ минуту явился, куда слѣдуетъ. (Изъ собранія В. И. Даля.)

Особенно-интересны подробности въ третьемъ спискѣ легенды о «Солдатѣ и Смерти». Подробности эти совершенно-сходны съ тѣми, какія встрѣчаемъ въ нѣмецкой сказкѣ: «Bruder Lustig» (см. Kinder-und Hausmärchen, ч. 1, № 81); и здѣсь, и тамъ — одинаковъ разсказъ о томъ, какъ получаетъ солдатъ чудесную торбу (ранецъ), какъ заключаетъ въ нее чертей и освобождаетъ отъ нечистой силы покинутый дворецъ. Только нѣтъ въ нѣмецкой сказкѣ той продѣлки со Смертью, вслѣдствіе которой попадаетъ она въ торбу и нѣсколько лѣтъ виситъ въ лѣсу на осинѣ; да сверхъ того въ окончаніи находимъ слѣдующее измѣненіе: приходитъ солдатъ къ небеснымъ вратамъ и стучится. На стражѣ стоялъ тогда св. Петръ; «ты хочешь въ рай?» спрашиваетъ апостолъ. — Въ аду меня не приняли, говоритъ солдатъ; пусти въ рай. «Нѣтъ, ты сюда не войдешь!» — Ну, если не хочешь меня впустить, то возьми назадъ ранецъ; я ничего не хочу отъ тебя имѣть. И вмѣстѣ съ этими словами просунулъ свой ранецъ сквозь райскую решетку; св. Петръ взялъ ранецъ и повѣсилъ возлѣ своего кресла. Тогда сказалъ солдатъ: «теперь я желаю самъ быть въ моемъ ранцѣ». И въ мигъ онъ очутился тамъ, и св. Петръ принужденъ былъ оставить его въ раю. — Далѣе, въ русской легендѣ встрѣчаемъ эпизодическій разсказъ о томъ, какъ чортъ научилъ солдата лѣчить: онъ далъ ему чародѣйный стаканъ, въ которомъ — если нальешь туда холодной воды и поставишь его возлѣ больнаго — непремѣнно увидишь, гдѣ стои̇тъ Смерть, у изголовья или въ ногахъ хворающаго; въ послѣднемъ случаѣ сто̀итъ только взбрызнуть его водою изъ стакана — и въ ту-же минуту онъ встанетъ здравъ и невредимъ. Этотъ любопытный эпизодъ развитъ у нѣмцевъ въ особенной сказкѣ «Der Gevatter Tod» (въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ, ч. 1, № 44):

Жилъ-былъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и день, и ночь работалъ онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатой ребенокъ, онъ уже не зналъ,

чѣмъ пособить себѣ въ нуждѣ; вышелъ на большую дорогу и рѣшился перваго, кого встрѣтитъ, взять въ кумовья. Первый встрѣчный ему былъ самъ Господь; зная, что у него было на душѣ, онъ сказалъ: «мнѣ тебя жаль, и я хочу окрестить твоего ребенка, буду заботиться о немъ и сдѣлаю его счастливымъ». — Но кто ты? «Я Господь.» — Нѣтъ, не возьму тебя въ кумовья; ты надѣляешь богатыхъ, и оставляешь голодать бѣдныхъ. Такъ сказалъ бѣднякъ, потому что не вѣдалъ онъ, какъ премудро распредѣляетъ Богъ и богатства и нищету. Повернулся онъ и пошелъ дальше. На встрѣчу ему дьяволъ и говоритъ: «возьми меня въ крестные отцы твоему ребенку; я надѣлю его грудами золота и всѣми наслажденіями жизни». — А ты кто? «Я дьяволъ.» — Нѣтъ, ты искушаешь и обманываешь человѣка. Пустился въ путь дальше; идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумомъ». — Кто ты? спрашиваетъ бѣднякъ. «Я Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ.» — Да, ты справедлива; ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, и ты будешь моимъ кумомъ. Въ назначенный день пришла Смерть, и крещеніе было совершено. Когда мальчикъ подросъ, онъ пошелъ однажды навѣстить своего крёстнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву, которая тамъ росла, и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крёстнаго Я сдѣлаю тебя славнымъ лѣкаремъ. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты меня увидишь: если буду я стоять въ головахъ больнаго, то смѣло говори, что можешь его вылѣчить; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ. Но если стану я у ногъ больнаго — онъ мой! [1]) Тогда долженъ ты сказать, что всякая помощь будетъ напрасна и что никакое лѣкарство въ мірѣ не въ силахъ его спасти». Въ короткое время повсюду

[1]) Въ русской легендѣ наоборотъ: если Смерть станетъ въ ногахъ больнаго — онъ выздоровѣетъ, а если въ головахъ — то умретъ. Тоже и въ разсказѣ, записанномъ г. Максимовичемъ, о мужикѣ и Смерти (смотри ниже).

разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стоитъ только взглянуть на больнаго, чтобы навѣрно узнать, будетъ ли онъ снова здоровъ или умретъ. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богатымъ. Между тѣмъ случилось заболѣть королю. Призвали лѣкаря и спросили, возможно ли выздоровленіе? Когда явился онъ у постели больнаго, Смерть стояла въ ногахъ и никакое снадобье не могло ему пособить. «Нельзя ли мнѣ хоть однажды перехитрить Смерть? подумалъ лѣкарь; конечно, ей не понравится; но вѣдь я недаромъ ей крестникъ, и она вѣрно посмотритъ на это сквозь пальцы; дай, попробую.» Онъ приподнялъ короля и уложилъ такъ, что Смерть очутилась въ головахъ больнаго; тотчасъ далъ ему травы, и король возсталъ совершенно-исцѣленный. Смерть подошла къ лѣкарю, лицо ея было мрачно и гнѣвно; она погрозила пальцемъ и сказала: «ты обманулъ меня; на этотъ разъ я тебя прощаю, потому что ты мой крестникъ; но берегись! Если попробуешь въ другой разъ сдѣлать тоже — я возьму тебя самого!»

Вскорѣ послѣ того заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь онъ плакалъ, и повсюду приказалъ объявить: кто спасетъ королевну отъ смерти, тотъ будетъ ея мужемъ и наслѣдуетъ все царство. Лѣкарь явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевны. Ему припомнилось было, какъ предостерегалъ его крёстной отецъ; но изумительная красота королевны и счастіе быть ея мужемъ разсѣяли всѣ опасенія. Онъ не видѣлъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды и грозила пальцемъ, приподнялъ больную и положилъ ногами къ изголовью, далъ ей травы — и въ ту-жъ минуту на щекахъ ея показался румянецъ и жизнь воротилась къ ней снова.

Обманутая вторично Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь твоя очередь настала»; ухватила его своей ле-

дяною рукою такъ крѣпко, что онъ не могъ противиться, и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣчъ: и большія, и наполовину сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновенье однѣ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ казалось перелетали съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть, это горятъ человѣческія жизни. Большія свѣчи принадлежатъ дѣтямъ, наполовину-сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малыя старикамъ. Но часто бываетъ, что и дѣти и юноши надѣляются небольшою свѣчою.» Лѣкарь просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькой огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть: «вотъ, смотри!» — «Ахъ милой крёстной! сказалъ устрашенный лѣкарь, зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнію, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевны.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде, нежели зажечь новую, должно погасить прежнюю. «А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу — такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать станетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, взяла новую большую свѣчу, но приставляя къ ней старый огарокъ, нарочно, изъ мщенія, его уронила: пламя погасло, и въ ту-жъ минуту лѣкарь упалъ нà-земь и сдѣлался добычею смерти. (См. также Deutsche Hausmärchen, von J. W. Wolf, стр. 365: «Das Schloss des Todes».)

Подобный-же разсказъ извѣстенъ и у венгровъ (см. Ungarische Volksmärchen. Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier, стр. 30—33); только конецъ другой. Смерть креститъ у одного бѣдняка новорожденнаго младенца; подпивши на крестинахъ и развеселясь, она надѣляетъ своего кума чудесною силою исцѣ-

лять больныхъ, хотябъ они были при самомъ послѣднемъ издыханіи: стоитъ только ему коснуться постели умирающаго или стать предъ его кроватью — и больной тотчасъ выздоровѣетъ; самъ-же онъ долженъ умереть тогда, когда скажетъ *аминь*. Прежній бѣднякъ дѣлается лѣкаремъ и скоро богатѣетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и вздумалъ онъ навѣстить Смерть. Только что поѣхалъ въ путь, какъ встрѣтилъ плачущаго ребенка; онъ взялъ его къ себѣ и спросилъ: о чемъ ты плачешь? «Ахъ, сказало дитя, какъ мнѣ не плакать? отецъ прибилъ меня—за то, что я не знаю въ молитвѣ одного слова.» — Какое-жъ это слово? Отче нашъ? «Нѣтъ, не то!» Лѣкарь проговорилъ всю молитву до самаго конца, но отвѣтъ былъ одинъ: «нѣтъ, не то!» — Такъ вѣрно: аминь? сказалъ онъ наконецъ. «Да, сказала Смерть (это она явилась въ видѣ плачущаго ребенка); да, аминь!... и тебѣ, кумъ, аминь!» И онъ тутъ-же умеръ; сыновья его раздѣлили между собой все богатство, и если не померли, то до сихъ поръ здравствуютъ на бѣломъ свѣтѣ.

Г. Максимовичь записалъ русскій народный разсказъ о мужикѣ и Смерти, въ которомъ тоже самое содержаніе, но обстановка и подробности другія (см. Три сказки и одна побасенка, Кіевъ, въ типогр. Ѳ. Гликсберга, 1845, стр. 45—48): «Мужикъ косилъ сѣно. Вдругъ коса обо что-то зацѣпилась и зазвенѣла. Нашла коса на камень! сказалъ мужикъ. — Да, похоже на то! проговорила кочка. Мужикъ смотритъ: кочка подымается, закурилась — и стала изъ нея Смерть. Съ испугу онъ замахнулся на нее косою. Постой! говоритъ Смерть: не шали, я тебѣ пригожусь; я тебя сдѣлаю лѣкаремъ; только смотри, берись лѣчить тѣхъ, у кого буду стоять въ ногахъ; станешь вылѣчивать непремѣнно; если-жъ увидишь меня въ головахъ у кого, отказывайся. — Сказавъ это, Смерть пропала.» Пошелъ мужикъ въ Москву, и принялся лѣчить:

за кого ни возьмется, какъ рукой болѣзнь сниметъ! Пронеслась объ немъ слава, отъ больныхъ отбою нѣтъ; разбогатѣлъ онъ и зажилъ въ каменномъ домѣ. «Одинъ разъ зовутъ его къ богатому купцу. Приходитъ онъ; видитъ, что Смерть въ головахъ, и не берется лѣчить. — Сдѣлай милость полѣчи! что хочешь возьми... — Право не могу! — Вотъ тебѣ сейчасъ пятьсотъ рублей, а вылѣчишь, дадимъ пять тысячъ — вотъ и вексель! — Пять тысячъ деньги! думаетъ мужикъ; дай попытаюсь!... Далъ своего снадобья и ушелъ до-завтра. Только что принялъ больной лѣкарство, какъ тутъ-же и духъ вонъ. На другой день приходитъ мужикъ къ купцу лѣчить; только ужь его самого тамъ попользовали, да такъ ловко, что къ вечеру онъ слегъ въ постелю. Оглянется — а Смерть у него въ головахъ. Плохо дѣло! думаетъ мужикъ; какъ быть? и говоритъ своимъ: неловко что-то лежать мнѣ; положите-ка меня къ изголовью ногами. Переложили его; глядитъ онъ: Смерть все въ головахъ. — Охъ, все неловко! говоритъ онъ; придвиньте-ка плотнѣе кровать къ стѣнѣ, да положите меня поперекъ. Повернули его и такъ; глядитъ, а Смерть все въ головахъ, и шепчетъ ему на ухо: полно, братъ! не отвертишься... Черезъ день послѣ похоронъ купца, и мужика снесли на кладбище.» — См. еще въ Народн. славян. разсказахъ И. Боричевскаго (стр. 82 — 87) повѣсть объ одномъ скрягѣ.

17. ВИДѢНІЕ.

Поэтическому взгляду поселянина все въ природѣ представляется живымъ, одушевленнымъ: это отразилось въ тысячѣ различныхъ примѣтъ, сказалось въ заговорахъ и пѣсняхъ, запечатлѣлось въ самомъ языкѣ и преданіяхъ. Несобранные съ нивы колосья просятъ его: «возьми и насъ съ собою!» Свое

сѣно, скошенное съ собственнаго луга, стонетъ подъ гнетомъ чужаго, захваченнаго съ сосѣдскаго участка. Изгородь, поставленная въ землю верхними концами, упрашиваетъ выдернуть ее и вбить въ землю нижними концами; по народному повѣрью, колья въ заборѣ должны стоять точно такъ, какъ стояли они, будучи живыми деревьями, т. е. корнемъ къ низу.

Соединяя съ крестнымъ знаменіемъ великую силу, прогоняющую нечистыхъ духовъ, простолюдинъ убѣжденъ, что ни одно дѣло не слѣдуетъ начинать «не благословясь»; въ противномъ случаѣ не жди удачи (см. № 21 «Пустынникъ»). Если гдѣ стряпуха готовитъ обѣдъ или ужинъ не благословясь, если гдѣ питье и ѣствы ставятся на столъ безъ крестнаго знаменія, то въ этотъ домъ приходятъ черти, пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ хозяевами, пляшутъ и поютъ срамныя пѣсни; къ благословенному-же столу ни одинъ бѣсъ не можетъ приблизиться (см. № 20 «Пустынникъ и дьяволъ»). Лубочная картина представляетъ двѣ трапезы: «трапезу благочестивыхъ людей, ядущихъ со благодареніемъ: ангелъ Господень предстоитъ имъ, благословляетъ, а бѣсы прогоняетъ, Христовою силою помрачаетъ» и «трапезу неблагодарныхъ людей, празднословцевъ, кощуновъ, скверноглаголющихъ, ядущихъ безъ благословенія: ангелъ Господень отврати лице свое отъ нихъ, отъиде—стоя плачетъ яко видитъ: бѣсы веселящеся съ ними». [1]) Сосудовъ и кринокъ съ разными кушаньями и напитками не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, боясь, чтобы вражая сила не осквернила ихъ; если нечѣмъ покрыть, то должно перекрестить, или по крайней мѣрѣ положить сверху двѣ лучины *накрестъ*. Въ легендѣ, напечатанной подъ № 18 чортъ Потанька влѣзаетъ въ опару, приготовленную безъ благословенія; въ другой легендѣ (№ 19) нечистый садится въ кувшинъ

[1]) См. также Этнограф. сборн., выпускъ 2, стр. 57.

съ водою, оставленный непокрытымъ. Между поселянами нашими ходитъ разсказъ объ одномъ мужикѣ, который подпилъ на свадьбѣ и былъ уведенъ чортомъ. Цѣлыхъ три года пропадалъ онъ бѐзъ вѣсти, да разъ какъ-то подъ праздникъ сошлось въ торговой банѣ бѣсовское сборище и мужика съ собой привело; давай пировать, плясать, пѣсни распѣвать! до того загулялись, что пѣтухи запѣли — и въ ту-жъ минуту сгинули всѣ черти. Остался одинъ мужикъ въ банѣ, началъ онъ стучать въ двери и насилу достучался, чтобъ отперли. Сторожа̀ выпустили его изъ бани, смотрятъ—мужикъ весь въ лохмотьяхъ, чуть не голой вышелъ: такъ обносился! И дивуются всѣ, какъ попалъ онъ въ баню; стали его распрашивать. Мужикъ разсказалъ, что цѣлые три года таскался съ чертями по разнымъ мѣстамъ: «гдѣ свадьба, или какой праздникъ, тамъ и нечистые завсегда; придутъ и засядутъ на печкѣ, а какъ станутъ хозяева подавать на столъ неблагословенное кушанье, они тотчасъ подхватятъ то блюдо къ себѣ, все наготовленное съѣдятъ, а вмѣсто ѣды накладутъ на блюдо всякой погани. Тоже самое и съ питьемъ: вино ли, медъ ли подадутъ не благословясь — они до̀-чиста опорожнятъ посудину, да и нальютъ туда чего хуже не выдумаешь!»

19. ПОѢЗДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Сличи съ разсказомъ, напечатаннымъ подъ № 20, с («Пустынникъ и дьяволъ»). Источникомъ этой легенды послужило извѣстное сказаніе «о великомъ святители, о Иваннѣ, архіепископѣ Великаго Новаграда, како былъ единой нощи изъ Новаграда въ Іерусалимѣ-градѣ и паки възвратися», занесенное въ четьи-минеи и во многіе старинные сборники житій [1]).

Перейдя въ область народной литературы, сказаніе это, безъ сомнѣнія, должно было подчиниться различнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ; въ устахъ народа появилось оно во множествѣ варіантовъ, далеко отступающихъ отъ своего первоначальнаго источника, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ своими характеристическими подробностями. Вотъ одинъ изъ этихъ варіантовъ (изъ собранія сказокъ В. И. Даля):

Въ старые годы, когда и черти не прочь были учиться по-солдатски: маршировать и ружьемъ выкидывать, былъ-жилъ въ Питерѣ солдатъ, смѣлой да бойкой! Служилъ онъ ни хорошо, ни худо; на дѣло не напрашивался, отъ бездѣлья не отказывался. Вотъ досталось ему однажды стоять на часахъ въ Галерномъ портѣ и какъ нарочно въ самую полночь. Пошелъ онъ съ Богомъ, перекрестясь, и смѣнилъ товарища; стоитъ себѣ, да отъ нечего дѣлать выкидываетъ ружьемъ на-краулъ. Глядь—идетъ къ нему нечистой; солдатъ не сробѣлъ, а хотя бъ и струсилъ, такъ чтожъ дѣлать? отъ чорта не въ воду! «Здорово, служба!» говоритъ чортъ. «Здравія желаю!»—Поучи, пожалуста, меня на-краулъ выкидывать; долго приглядываюсь, а никакъ понять не смогу. «Прямой ты чортъ! сказалъ солдатъ; да гдѣ-же тебѣ понять-то? Я вотъ десять лѣтъ служу, и нашивку имѣю — а всё еще учуся [2]); ужь и колотушекъ перенесъ не одну тысячу! А ты хочешь одной нагляд-кою взять. Нѣтъ, братъ, ужь это больно-скоро да и дешево!» — Поучи, служивой! «Пожалуй; только за что самъ ку-

---

[1]) Рукописи славянск. и росс., принадлеж. почетному гражданину И. Н. Царскому, разобраны и описаны П. Строевымъ. стр. 434.

[2]) Между русскими солдатами ходитъ разсказъ о томъ, какъ Никола-угодникъ прогнѣвался за что-то на нихъ и сказалъ: «вѣкъ вы будете учиться, и не выучитесь; вѣкъ вы будете чиститься, и не вычиститесь!»

пилъ, за то и тебѣ продамъ.» Поставилъ солдатъ чорта во фронтъ, и для почину какъ свиснетъ его во всю мочь прикладомъ по затылку, ажно пошатнулся нечистой. «А! такъ ты еще нагибаешься во фронтѣ!» и давай его лупить по чѣмъ попало; отсчиталъ ударовъ десять, и видитъ, что чортъ только ножками подергиваетъ, а кричать совсѣмъ пересталъ... «Ну, говоритъ, ступай теперь! на первой разъ довольно будетъ. Хоть мнѣ и жаль тебя, да что дѣлать? безъ того нельзя. Самъ вѣдаешь, служба всего выше, а во фронтѣ братъ, нѣту родни!» Тошнёхонекъ пришелся чорту первой урокъ; но солдатъ говоритъ, что безъ мўки не бываетъ науки; стало быть — такъ надо: ему лучше знать! Поблагодарилъ чортъ за ученье, далъ солдату десять золотыхъ и ушелъ. «Эка! думаетъ солдатъ; жалко, что мало билъ! то ли дѣло, кабы разовъ двадцать ударилъ: глядишь, онъ бы двадцать золотыхъ далъ!»

Ровно черезъ недѣлю досталось солдату опять стоять на часахъ и на томъ-же самомъ мѣстѣ. Стоитъ онъ, выкидываетъ ружьемъ разные пріемы, а на умѣ держитъ: «ну, коли теперь явится нечистой, ужь я свое наверстаю!» Въ полночь откуда не взялся — приходитъ нечистой. «Здравствуй, служба!» — Здорово, братъ! зачѣмъ пришелъ? «Какъ зачѣмъ? учиться.»—То-то и есть! а то хотѣлъ съ-разу все захватить! Нѣтъ, дружище, скоро дѣлаютъ, такъ слѣпые родятся... Становись во фронтъ! командуетъ солдатъ; грудь впередъ, брюхо подбери, глаза въ начальство уставь! Долго возился онъ съ чортомъ, много надавалъ ему тузановъ и колотушекъ, и таки выучилъ нечистаго дѣлать ружьемъ: и на-плечо, и къ-ногѣ, и на-краулъ. «Ну, говоритъ, теперь ты хоть къ самому сатанѣ на ординарцы, такъ и то не ударишь лицомъ въ грязь! только развѣ въ томъ маленькая фальшь будетъ, что хвостъ у тебя назади великъ. Ну-ка, повернись налѣво кругомъ!» Нечистой повернулся, а солдатъ вынулъ изъ

кармана шейной крестикъ, да потихоньку и нацѣпилъ на чорта. Какъ запрыгаетъ чортъ, какъ закричитъ благимъ матомъ! «А что, развѣ это вамъ чертямъ не по-нутру?» спрашиваетъ солдатъ. Чортъ видитъ, что въ просакъ попался, давай сулить солдату и серебра, и золота, и всякаго богатства. Солдатъ не прочь отъ денегъ, и велѣлъ притащить ни мало, ни много— цѣлой возъ. Въ минуту все было готово: чортъ притащилъ цѣлой ворохъ денегъ, солдатъ спряталъ ихъ въ оврагѣ и закрестилъ; «а то, говоритъ, вы, бѣсовская сволочь! нашего брата православнаго только обманываете, вмѣсто золота уголье насыпаете!» [1]) — Чтожъ, служивой! молитъ бѣсъ, отпусти меня, сними свой крестикъ. «Нѣтъ, братъ, погоди! Деньги деньгами, а ты сослужи мнѣ и другую службу. Вотъ ужь десять лѣтъ, какъ не былъ я дома, а тамъ у меня жена и дѣтки остались; смерть хочется побывать на родинѣ да на своихъ посмотрѣть. Свози-ка меня домой; я, братъ, не изъ дальнихъ— изъ иркутской губерніи. Какъ свозишь, тогда и крестъ сниму!» Чортъ поморщился-поморщился и согласился. На другой день пошелъ солдатъ къ начальству, отпросился на два дня погулять (а были тогда праздники), и сейчасъ-же къ нечистому; усѣлся на него верхомъ и крѣпко-крѣпко ухватился за рога. Чортъ какъ свиснетъ, какъ понесется — словно молнія! Солдатъ только посматриваетъ, какъ мелькаютъ передъ нимъ города и села: «ай-да молодецъ! люблю за прыть!» И не успѣлъ еще проговорить всего, глядь — ужь и пріѣхалъ. Слѣзъ солдатъ съ чорта: «спасибо, говоритъ; вотъ удружилъ, такъ удружилъ! Ступай теперь, куда знаешь, а завтра нà ночь при-

---

[1]) См. интересный разсказъ о превращеніи горячихъ угольевъ въ золото на свѣтлый праздникъ—въ «Картинахъ русскаго быта» В. И. Даля (Отечеств. Зап. 1857, № 10, стр. 430—434). Объясненіе этого преданія можно найдти въ статьѣ моей о миѳической связи понятій: свѣта, зрѣнія, металовъ и проч. (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половина 2).

ходи: назадъ поѣдемъ». Прогостилъ, пропировалъ солдатъ цѣлыхъ два дни, а къ ночи попрощался съ родными, и воротился на чортѣ въ Питеръ какъ-разъ въ срокъ. И вить какъ измучилъ нечистаго! чуть-чуть рогъ ему не обломалъ! Снялъ онъ съ него крестъ и не успѣлъ еще въ карманъ спрятать, глядь — а ужь чорта нѣтъ! и слѣдъ простылъ! Съ той самой поры и не видалъ солдатъ чорта; забралъ онъ бѣсовскія деньги и зажилъ себѣ припѣваючи.

Есть еще другая сказка о томъ, какъ чортъ выучился маршировать и выдѣлывать ружьемъ всякія штуки, и пошелъ наниматься въ солдаты. Одинъ бѣдной мужикъ заложилъ ему свою душу и поставилъ его замѣсто себя въ рекруты. Плохо пришлось дьяволу, однѣхъ палокъ сколько обломали объ его спину, а тутъ еще бѣлые ремни носи на̀-крестъ: просто, хоть удавиться! Крѣпился-крѣпился, не выдержалъ и бѣжалъ со службы; не польстился и на̀ душу.

Въ приведенномъ нами разсказѣ, равно какъ и въ легендѣ: «Солдатъ и Смерть», въ яркихъ чертахъ выступаетъ народный юморъ, что̀ по нашему мнѣнію придаетъ имъ особенно-живой интересъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ бо̀льшей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистой духъ, преобладаетъ шутливо-сатирической тонъ. Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и лукавства сказочныхъ героевъ: то больно достается ему отъ злой жены, то бьетъ его солдатъ прикладомъ; то попадаетъ онъ подъ кузнечные молоты, то обмѣриваетъ его мужикъ на цѣлые груды золота.

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬЯВОЛЪ.

См. въ Kinder-und Hausmärchen, ч. II, стр. 85.—Передаемъ еще одинъ разсказъ о труженникѣ и демонѣ соблазнителѣ:

Жилъ въ лѣсу труженникъ, тридцать лѣтъ трудился онъ Богу, и сколько не старалась нечистая сила—никакъ не могла его смутить. Стали черти промежъ себя думать, чтобы такое ему сдѣлать; думали-думали, и вотъ какъ ухитрились. Оборотился одинъ нечистой странникомъ и пошелъ мимо кельи труженника, а другой ему на встрѣчу, напалъ на него словно разбойникъ и давай душить. Труженникъ услыхалъ шумъ и крики, схватилъ топоръ и бросился на помощь; только глядь: пустился разбойникъ бѣжать отъ него въ сторону, а другой чортъ, что̀ былъ странникомъ, лежитъ да охаетъ, едва духъ переводитъ. «Помоги, умоляетъ, доброй человѣкъ! возьми въ свою келью, пока съ силами соберуся. Совсѣмъ было задушилъ окаянной!» Взялъ его труженникъ въ свою келью; пожилъ нечистой день и два, и говоритъ старцу: «спасённое твое дѣло! много въ немъ благодати! Хочется и мнѣ потрудиться; оставлю жену и дѣтей и пойду къ тебѣ подъ начало». Вотъ стали они вмѣстѣ трудиться, дни и ночи стоятъ на колѣнахъ и кладутъ поклоны. Еще старецъ иной разъ устанетъ и вздремнетъ, а новой труженникъ совсѣмъ не знаетъ ўстали. Прошло сколько-то времени, и сталъ нечистой говорить старцу: «не добро намъ вмѣстѣ трудиться; пожалуй, лишнее слово скажешь, или другъ дружку осудишь. Давай, перегородимъ келью на̀-двое и станемъ жить всякой въ своей половинѣ». Такъ и сдѣлали. Разъ какъ-то захотѣлось старику посмотрѣть, что дѣлается у сосѣда; крѣпился онъ, крѣпился, и не выдержалъ. Взлѣзъ на перегородку и просунулъ голову; смотритъ: стоятъ на столѣ бутыли съ виномъ и разныя скоромныя ѣствы, а за столомъ сидитъ чудная-чудная красавица. «А, такъ ты за мной подсматривать! сказалъ нечистой; схватилъ его за̀ бороду и перетащилъ на свою сторону.» Выбирай теперь любое за свою провинность: хочешь—вина выпей, или мяса съѣшь; хочешь—блудъ сотвори. А не то, братъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ;

у меня коротка расправа!» Какъ быть? думаетъ старецъ; что мнѣ сдѣлать? Если мяса съѣмъ—теперь постъ, будетъ большой грѣхъ; если блудъ сотворю—грѣшнѣе того будетъ; выпью лучше я вина. Выпилъ одинъ стаканъ, и самъ ни знаетъ, отъ чего вдругъ повеселѣлъ; а чортъ ужь другой ему подставляетъ. Выпилъ и другой, и третій, и забылъ про свое спасеніе: наѣлся скоромнаго и блудъ сотворилъ. «Пойдемъ теперь воровать! говоритъ нечистой. За-одно ужь грѣшить; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!» Пошли ночью въ деревню, залѣзли въ кладовую, и ну забирать что подъ руку попало. Чортъ нарочно какъ застучитъ: такого грохоту надѣлалъ, что хозяева проснулись, тотчасъ схватили старика и посадили его въ тюрьму. А чортъ въ ту-жъ минуту невѣдомо куда пропалъ. На утро собрался народъ и присудилъ повѣсить вора: «этихъ старцевъ жалѣть нечего; они не Богу молятся, а только норовятъ въ клѣть забраться!» Привели вора на базарную площадь, встащили на висѣлицу и накинули петлю на шею; вдругъ откуда не взялся нечистой, сталъ къ нему подъ ноги и началъ его поддерживать. «Что, спрашиваетъ, небось испугался?»—Какъ не испугаться! говоритъ старецъ; смерть моя приходитъ. «А ну, посмотри: не увидишь ли чего?» — Вижу: обозъ идетъ. «А великъ?» — Да такъ великъ, что одинъ конецъ ужь давно проѣхалъ, а другаго еще и не видать! «Съ чѣмъ обозъ?» — Со старыми, дырявыми лаптями. «Это, братъ, тѣ самые лапти, что мы оттоптали въ трудахъ и хлопотахъ, чтобы какъ-нибудь тебя смутить. Не видишь ли еще чего?»—Вижу: болото огнемъ горитъ, а въ огнѣ котлы кипятъ. «Тамъ и мы съ тобой будемъ жить!» сказалъ дьяволъ и столкнулъ старца съ своихъ плечъ. Такъ и погибъ онъ на висѣлицѣ смертію грѣшника.—(Изъ собранія В. И. Даля.)

—

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКѢ.

Въ собраніи рукописей Царскаго, въ сборникѣ начала XVIII вѣка, находится между прочимъ: «Слово рѣчемо о бражникѣ, како вниде въ рай Божій» (начало: «Бѣ нѣкій человѣкъ бражникъ, пьющъ въ праздники Господня до обѣда, а за всякимъ ковшемъ Господа Бога прославляя») [1]. Легенда эта живетъ и въ устахъ народа. Одинъ разскащикъ такъ передавалъ намъ прѣніе бражника съ апостоломъ Петромъ: пришелъ бражникъ къ райскимъ вратамъ, у которыхъ стоялъ съ ключами апостолъ Петръ. «Пусти меня въ рай!» —Нельзя, говоритъ апостолъ, ты пьяница. «Не стыдно-ль тебѣ говорить это? Ты самъ отрекался отъ Господа, а вотъ теперь по милости его держишь ключи отъ рая.» — См. также «Русскую Бесѣду» 1859 г., № 6.

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТІЮ.

Повѣсть о царѣ Аггеѣ встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII столѣтій. Она представляетъ весьма близкій варіантъ «Приклада о гордомъ цесарѣ Евинянѣ» (въ русскомъ переводѣ «Римскихъ Дѣяній») [2]. Въ народѣ повѣсть эта разсказывается въ такомъ видѣ:

---

[1] Рукописи славян. и русс. И. Н. Царскаго, разобраны и описаны П. Строевымъ, стр. 552.

[2] Ibidem, стр. 496, 610. Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, стр. 185, 196—7. Равнымъ образомъ и легенда о царевичѣ Евстафіи (№ 23) носитъ на себѣ слѣды книжнаго происхожденія.

ГОРДЫЙ БОГАЧЪ.

Не вѣдаю гдѣ, жилъ-былъ себѣ панъ, такой богатой, что карбованцы мѣрялъ коробами, золото четвериками, а въ мѣдныхъ деньгахъ и счету не зналъ. Сколько у него было крестьянъ, земли, лѣсовъ, покосовъ—нечего и говорить! все равно не пересчитаешь. Охохъ! да какая-жъ бѣда съ нимъ случилась! Изъ богача сдѣлался онъ беднѣе насъ грѣшныхъ; а за что? За то, что Бога позабылъ и работалъ одной нечистой силѣ. Бывало, добрые люди заутреню слушаютъ въ церкви Божiей, а у него музыка гудитъ, да въ присядку отжариваютъ. Въ церковь онъ никогда не ходилъ, и не вѣдалъ, зачѣмъ туда люди ходятъ. Да разъ какъ-то вздумалось ему посмотрѣть, что такое тамъ дѣется, и вотъ на праздникъ Господень пошелъ панъ вмѣстѣ съ панею къ обѣднѣ. Всѣ православные Богу молятся, а они стоятъ себѣ, поглядываютъ по сторонамъ да хохочутъ. Сталъ дьяконъ читать: «богатые обнищаютъ и взалкаютъ...»—какъ бѣжитъ къ нему панъ, вырвалъ изъ рукъ книгу и хвать дьякона по лысинѣ: «какъ смѣешь ты, дурень, такiя слова при мнѣ сказывать? Развѣ я могу обнищать и взалкать? Ахъ ты, кутейникъ! погоди-жъ, я тебѣ покажу, какъ надо мною смѣяться!.. Если хоть разъ еще осмѣлишься выговорить такiя рѣчи, то я такъ поподчую тебя на конюшнѣ, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь! Подай чернилицу». Дьяконъ не живъ, не мертвъ со всѣхъ ногъ пустился доставать чернилицу и перо; а попъ въ олтарѣ спрятался и тресется бѣдненькой словно въ лихорадкѣ. Принесъ дьяконъ чернилицу и перо. «Смотри, неучь! говоритъ панъ, что замараю я, того никогда не читать ни при моей жизни, ни послѣ!» Вдругъ поднялась буря, молнiя поминутно блещетъ, громъ все сильнѣй и сильнѣе, а потомъ какъ ударитъ—Господи, твоя воля!—всѣ, кто только былъ въ церкви, такъ и повалились нà полъ. Только панъ съ панею стоятъ да хохочутъ. Прибѣжалъ староста: «бѣда! говоритъ, господской домъ горитъ!» Принялись тушить; да нѣтъ, съ Богомъ нельзя спорить. Все нàчисто сгорѣло, будто и не было панскаго двора. Ну, это богачу какъ плюнуть: явились новые хоромы еще лучше прежнихъ. Только съ того самаго времени, какъ станетъ дьяконъ читать въ церкви и только дойдетъ до того мѣста, гдѣ написано, что богатые обнищаютъ и взалкаютъ,—всякой разъ, откуда что возьмется, загремитъ да и загремитъ нà небѣ.

Вотъ захотѣлось пану ѣхать на охоту. Собрали народу—человѣкъ съ двѣсти будетъ, да и собакъ столько-же. Сѣли на коней, затрубили въ рога и поскакали въ лѣсъ; травили тамъ и зайцевъ, и лисицъ, и волковъ, и медвѣдей, какъ вдругъ бѣжитъ олень да такой красивой, что не наглядѣлся-бъ на него! Панъ ударилъ въ слѣдъ за оленемъ: птицею летитъ на конѣ, а звѣрь еще быстрѣе [1]). Вотъ близко, вотъ нагонитъ, не тутъ-то было! Уже и полдень прошелъ, уже и солнышко низко, вотъ и темнѣть стало — а онъ все гонится за краснымъ звѣремъ. Настала чорная ночь, въ лѣсу хоть глазъ выколи—ничего не видно! Тогда только остановилъ панъ своего коня. Что дѣлать? онъ затрубилъ въ рогъ, не откликнутся-ль его охотники? Прислушался — ничего не слышно, только боръ шумитъ. Затрубилъ въ другой и въ третiй разъ, никто не отзывается; одинъ далекой лѣсъ повторяетъ: тру-тру-тру! Ѣдетъ панъ дальше; уже сдается ему, что село близко, что кони ржутъ и собаки лаютъ; а все не видать жилья, только небо да земля, да сосны кудрявыя шумятъ верхушками. Уже

[1]) *Варiантъ:* Пустилъ панъ стрѣлу — мимо, пустилъ другую — не попала, пустилъ третью — и та не угодила. Поскакалъ онъ за звѣремъ, быстро несется на конѣ...

и конь присталъ, чуть-чуть ноги двигаетъ, а самъ онъ едва на конѣ сидитъ. Вдругъ блеснулъ огонёкъ. Панъ снова заигралъ въ трубу, чтобъ вышли къ нему на встрѣчу, коли есть тутъ люди. Чего хотѣлъ, то и сдѣлалось. Выскочили изъ-за деревьевъ человѣкъ двѣнадцать и встрѣтили его, только не по-пански: одинъ такъ хватилъ его по затылку, что панъ какъ снопъ повалился на землю. Очнулся — совсѣмъ голой, какъ мать породила! Хотѣлъ было повернуться — куда! руки веревкою скручены. Осмотрѣлся: вокругъ огня сидятъ разбойники и съ ними атаманъ въ красномъ кафтанѣ. «Чтожъ вы, сволочь, барина не прикроете!» закричалъ онъ на своихъ молодцовъ. Тотчасъ съ десятокъ хлопцовъ бросилось къ пану и давай подчивать его батогами. «Полно! снова заревѣлъ атаманъ; отведите его въ Волчью долину и привяжите тамъ къ дереву; намъ онъ больше не нуженъ, а волкамъ пригодится: лакомой будетъ кусокъ на завтракъ!» Подхватили пана за ноги, приволокли въ Волчью долину и плотно прикрутили веревкой къ соснѣ. Стоитъ панъ сутки, стоитъ и другіе — нѣтъ мочи терпѣть: внутри огнемъ палитъ, во рту пересохло, вотъ-вотъ душа съ тѣломъ разстанется. А онъ и не думаетъ покаяться; на умѣ одно держитъ: какъ ворочусь домой, сейчасъ-же соберу крестьянъ и пойду душить этихъ проклятыхъ лѣсовиковъ!

Недалеко отъ Волчей долины, на полянкѣ паслось стадо. Жарко стало въ полдень; вотъ пастухи и погнали сюда своихъ овецъ и коровъ, чтобъ усѣсться самимъ подъ сосною и плесть въ холодку лапти. Какъ-же они удивились! стоитъ у сосны голой человѣкъ, по рукамъ и по ногамъ связанный. «Ахъ, Грицько! говоритъ одинъ пастухъ; посмотри-ка: человѣкъ привязанъ въ чемъ мать породила, и весь-то избитой, весь-то въ крови! Пойдемъ, отвяжемъ его; можетъ, еще живъ!» — Чтожъ? отвяжемъ, говоритъ другой. Съ этимъ словомъ

они подошли къ соснѣ и распутали веревки. Панъ то молчалъ, а какъ сняли съ него веревки, сейчасъ закричалъ: «эй, ты молодецъ! сними-ка свою сермягу да подай сюда. Хоть твой нарядъ и плохъ, а все лучше, чѣмъ голымъ быть. Да проводи меня въ барской домъ. Знайте, негодяи, съ кѣмъ вы дѣло имѣете: я вашъ баринъ!» — Ого! видишь ли, Грицько, что это за птица! Нашъ баринъ!... Ха-ха-ха! Похожъ, нечего сказать, похожъ на барина: кафтанъ на тебѣ такой славной, весь расписанной! Нѣтъ, человѣче, Богъ тебя знаетъ, кто ты такой; я тебѣ скажу, что панъ нашъ въ высокихъ хоромахъ, въ золотой одёжѣ. «Ахъ ты, хамское отродье! смѣешь ли ты грубить своему господину?... Вотъ я васъ! дайте до̀ дому добраться.» Расходился панъ, и ну тащить съ пастуха свитку (верхняя долгополая одежда). «Такъ вотъ оно что! сказалъ пастухъ; тебя съ привязи спустили, а ты и кусаться лѣзишь! Вотъ-же тебѣ, бродяга! вотъ тебѣ, разбойникъ!» и началъ отжаривать пана пугою (кнутомъ). Панъ отъ него, а пастухъ за нимъ: шлёпъ да шлёпъ, шлёпъ да шлёпъ. Какъ припуститъ панъ въ сторону, откуда ноги взялись. Долго бѣжалъ онъ, пока изъ силъ ни выбился; выбился изъ силъ и растянулся на дорогѣ. На его счастье идутъ старцы (нищіе, странники). Сжалился одинъ старецъ, далъ ему свою свитку; панъ одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ ними, питаясь милостиной. Дорогою онъ разсказалъ обо всемъ, что ему приключилось; говорилъ, какъ отплатитъ своимъ обидчикамъ и какъ наградитъ старцевъ — за то, что его прикрыли и съ собой взяли. Старцы уже новыя торбы(мѣшки) стали готовить, чтобъ было куда положить панскіе гроши. Вотъ пришли въ село и прямо въ барскіе хоромы лѣзутъ. «Куда вы!» закричали на нихъ слуги. «Прочь! сказалъ панъ; развѣ не видите, хамы! что вашъ господинъ идетъ?» — Какой господинъ? Былъ у насъ панъ, да пропалъ! «Врёте, скоты! я — вашъ панъ!»

— Ну, братъ, погоди маленько! Панъ полѣзъ было драться, да куда! схватили его за̀ руки и повели къ пани. Какъ услыхала она, что такой срамной, обдерганной волочуга называется ея мужемъ, разгнѣвалась и приказала высѣчь его плетьми и зарыть живаго въ землю. Что̀ ни дѣлалъ панъ, какъ ни отбивался, а схоронили его за̀живо. Въ церкви опять стали читать вымаранныя слова: «богатые обнищаютъ и взалкаютъ», и при чтеньи дьякона уже не было слышно громовыхъ ударовъ.

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Та-же мысль, которая дала содержанiе настоящей легендѣ, выражена и во многихъ духовныхъ стихахъ (см. Чтенiя Общ. Исторiи и Древн. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 183—5, 208 и 211):

Ссылаетъ Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
Тихiихъ ангеловъ, все милостивыихъ,
По его по душеньку по Лазареву.
Вынимали душеньку честно и хвально,
Честно и хвально въ сахарны уста;
Да приняли душу на пелену,
Да вознесли-же душу на небеса...
Сослалъ Господь грозныхъ ангеловъ,
Страшныихъ, грозныихъ, немилостивыихъ,
По его по душу по богачёву;
Вынули его душеньку не честно, не хвально,
Не честно, не хвально, скрозь рёберъ его,
Да вознесли-же душу вельми высоко,
Да ввергнули душу во тьму глубоко,
Въ тоё злую муку, въ геенскiй огонь.

27. КУМОВА КРОВАТЬ. — 28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНIЕ.

Подробности, встрѣчаемыя въ этихъ двухъ легендахъ, нерѣдко соединяются въ одинъ разсказъ: грѣшникъ, устрашенный тѣмъ огненнымъ ложемъ, которое ожидаетъ его по смерти и о которомъ упоминаетъ первая легенда, предается покаянiю и подвергаетъ себя той трудной эпитимьѣ, о которой читаемъ во второй легендѣ. Таковы редакцiи польская и литовская, на которыя сейчасъ будетъ указано; но прежде приведемъ бѣлорусской вариантъ:

Быу панъ и пани. Гэтый панъ ѣхау дарогой и заблудзиу у лѣсѣ. Заблудзиу у лѣсѣ и споткаусе (встрѣтился) съ чортомъ, и просе ягò, кабъ јонъ показау яму̀ дарогу. Той чортъ сказау яму̀: «дай мнѣ на письмѣ, што у дванадцаць годоу оддаси мнѣ то, чаго дома не покидау.» Iонъ дау картачку (письмо, росписку). Прiѣхау панъ дамоу, ажъ ягò жонка родзила сына. Ну, дыкъ той панъ узяуся за̀ галаву, што у дванадцаць лѣтъ треба аддаць сына у пекла (адъ). Якъ пришло время, сынъ и каже: «я пайду у пекла, кабъ чортъ аддау мнѣ тую картачку, што бацька дау яму̀.» Узяу јонъ вады свящонай и ксёншку (книжку — здѣсь разумѣется: евангелiе), и приходзе до пекла, и зачау той вадой свянциць. Ажъ выходзе чортъ, пытаетца, хто тутъ такiй? Iонъ каже: «я иду по тую картачку, што ты узяу у бацьки.» Дыкъ яны и аддали яму̀, сказали: идзи сабѣ! Iонъ идзе дамоу пиразъ (черезъ) лѣсъ, ажъ у тымъ лѣсѣ стоиць хатка, а у тэй хатцѣ разбойникъ. Пытаетца разбойникъ: «гдзѣ ты быу?» Iонъ кажець яму̀: «у пеклѣ». Гэтой разбойникъ каже яму̀: «вернисе изноу у пекла, пытайсе тамъ, што мнѣ будзе, што я цѣлый вѣкъ усё людзей рѣжу». Iонъ стау з' нимъ спиратца (спорить): «не пайду у пекла!» — Якъ ты не пайдзешь? я усихъ людзей бью, дыкъ

и цебе забью, кали не пайдзешь. Ну, јонъ пашоу у пекла изноу и пытаетца, што гэтому разбойнику будзе, што јонъ людзей рѣже? Черти сказали яму: «якъ јонъ людзей рѣже, такъ и яго рѣзаць будуць». Іонъ вернуусе съ пекла, идзе до той хатци и кажець разбойнику: «якъ ты людзей рѣзау, такъ и цебе рѣзаць будуць!» Дыкъ јонъ просе выспавядаць яго. Той мальчикъ каже: «я не ксёндзъ (священникъ) цебе спавядаць». — Кали не будзешь спавядаць, я цебе зарѣжу! Ну, јонъ зачау спавядаць яго. Разбойникъ каже, кабъ покуту (эпитимья, покаяніе) задау. Іонъ пашоу у лѣсъ з' нимъ, знашоу сухую яблыну и кажець: носи съ своей хатци воду у губѣ (во рту) на колѣняхъ и поливай яе, ажъ поки яна ни отживець и будуць на ей яблыки; сколько ты душъ забиу, столько тамъ будзе яблыковъ». Сказау и самъ поѣхау дамоу до своего бацьки. Бацька оддау яго учитца; јонъ выучиуся и высвянциуся на ксёндза (посвятился въ попы). Ѣдзе јонъ дамоу са школы празъ той лѣсъ, идзѣ быу разбойникъ, и чуе — яблыки пахнуць; стау шукаць (искать), и нашоу тую яблыну, што показывау разбойнику за покуту поливаць, — ажъ подъ тэй яблыной ляжиць умершій разбойникъ. Іонъ узяу яго, павёзъ съ собой и сховау (схоронилъ) подъ церквой.

Г. Кулишъ внесъ малороссійскій варіантъ этой легенды въ сказаніе о странствованіи по тому свѣту (Записки о южной Руси, т. I, стр. 309—111): Былъ гайдамака, долго грабилъ онъ народъ, убивалъ стараго и малаго, а послѣ одумался, пошелъ исповѣдаться; ни одинъ попъ не рѣшился наложить на него очистительной эпитимьи. «Дали почу̂въ, що есть десь такий піпъ, що ще малѐнькимъ батько прода́въ ёго нечистому, за те, що помігъ у доро́зі вирятовати во̂за съ калюжи; такъ він и въ пѐклі вже бувъ... Иде́, ажъ той піпъ и іде ёму̂ назу̂стрічъ. Пита́етця: чи ти бу̂въ у пѐклі? — Бувъ. — А чи ба̂чивъ же ти тамъ мою ду̂шу? — Ба́чивъ. — Що̂жъ

вона тамъ ро́бить? — Гадъ рука́ми зъ я̂ми до я̂ми но́сить, а чорті о́стями іі поганя̂ють». Сталъ каяться гайдамака, тридцать лѣтъ трудился онъ — и выросла яблоня, на ней всё серебреныя яблоки, а два золотыхъ. Пріѣхалъ попъ. «Ну, ка́же, труси! Струсну̂въ гайдама́ка я̂блуню — усі сері́бні я̂блука обсипались, а дво́е золоти́хъ висять... — Оце́-жъ твоі два гріхи̂ висять, що ти отця̂ й ма̂тіръ убивъ!» Такъ и умеръ гайдамака, непрощенный въ этихъ двухъ грѣхахъ, и мучится онъ на томъ свѣтѣ горше всѣхъ другихъ грѣшниковъ: «усімъ бу̂де колись пільга, а ёму̂ не бу̂де!»

Въ польскомъ народномъ разсказѣ о разбойникѣ Мадеѣ (Повѣсти и преданія народовъ славян. племени, изд. И. Боричевскимъ, стр. 130—135) и въ литовскомъ о студентѣ, который ходилъ на небо и въ адъ (Litauische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder, gesammelt und übersetzt von August Schleicher, Weimar. 1857 г., стр. 75—79), покаяніе грѣшника не остается неуслышаннымъ, и Господь прощаетъ ему всѣ тяжкія преступленія. Разбойника ожидала на томъ свѣтѣ страшная постель: раскаленная рѣшетка, вся изъ иглъ, острыхъ ножей и бритвъ; снизу пылалъ неугасимый огонь, сверху капала горящая сѣра. Ужаснулся Мадей и обрекъ себя на трудное покаяніе: воткнулъ въ землю свою убійственную палицу и преклонилъ колѣна, съ обѣтомъ — не сходить съ мѣста, пока не получитъ отъ Бога прощенія. Прошло много, много времени; изъ палицы выросла яблоня, разцвѣла и дала обильные плоды. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей узналъ въ немъ того самаго мальчика, который нѣкогда ходилъ въ адъ, и умолялъ его дать ему разрѣшеніе грѣховъ. Въ то время, какъ исповѣдывалъ онъ свои старые грѣхи, — яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимою силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и уносились на небо. «Осталось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго онъ за-

мучилъ страшнымъ образомъ; но боялся признаться въ беззаконіи. Наконецъ Господь услышалъ исповѣдь сокрушеннаго сердца. Яблочко мгновенно превратилось въ сизаго голубя, который исчезъ въ слѣдъ за другими.» См. также Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz, ч. 2, стр. 176—8. Это преданіе о превращеніи душъ, убитыхъ Мадеемъ, въ голубей тѣсно связано съ древне-языческимъ представленіемъ души человѣческой въ образѣ птицы, о чемъ подробнѣе смотри въ статьѣ моей, помѣщенной въ приготовляемомъ г. Калачовымъ 3-мъ томѣ Архива историко-юридич. свѣдѣній о Россіи [1]).

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Въ народныхъ стихахъ и легендахъ пьянству произносится строгое осужденіе, какъ такому пороку, который потемняетъ человѣку разсудокъ и вызываетъ его на всевозможные грѣхи и преступленія. По свидѣтельству напечатанныхъ нами легендъ и лубочныхъ картинъ пьяницы пойдутъ въ муку вѣчную, и вмѣстѣ съ сатаною будутъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ. «Нѣкоторый человѣкъ піяница (читаемъ подъ однимъ лубочнымъ изображеніемъ) пропился на кружалѣ до нага и рече: не знаю что̀ пропить! аще бы былъ купецъ, продалъ бы душу свою. И приде къ нему діаволъ во образѣ человѣческомъ, и рече ему: что, человѣче, думаеши?—А то я думаю: не знаю что̀ съ себя пропить! аще бы купецъ—продалъ бы душу свою. И даде діаволъ ему денегъ. Піяница сѣлъ и началъ пити, не помышляше о душѣ своей. И приближися вечеръ. Тогда

[1]) Въ Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности (СПБ., 1832 г., изд. 2-е, стр. 299—345) народная легенда о кающемся разбойникѣ передѣлана г. Олинымъ въ повѣсть, но весьма неудачно.

рече діаволъ: аще кто купитъ коня, подобаетъ ему взяти и узду. А вы, сторонніе люди!—свидѣтели: купилъ азъ у сего человѣка душу, то подобаетъ взяти мнѣ и тѣло. И нападе на людей страхъ велій. Діаволъ же взялъ піяницу и потащилъ во адъ на му̀ку вѣчную». [1]) На опойцахъ черти возятъ на томъ свѣтѣ дрова и воду (см. № 27 «Кумова кровать»). Самая выдумка высиживать хлѣбное вино приписывается дьяволу. Въ сатирической «Повѣсти о многоумномъ Хмѣлю» встрѣчаемъ слѣдующее преданіе: «Въ древнее время былъ человѣкъ, имя ему Ной, праведенъ во всѣхъ человѣкахъ; люди же тогда жили въ великомъ согрѣшеніи. И восхотѣлъ Господь скверну человѣческихъ дѣлъ очистить и сотворить потопъ на землѣ. И послалъ къ нему, Ною Праведному, ангела своего, и повелѣлъ Ною сотворить ковчегъ. Ной же по ангелову благовѣстію созидалъ ковчегъ тринадцать мѣсяцевъ, а женѣ своей не сказывалъ, куда ходитъ и что̀ дѣлаетъ... Дьяволъ сказалъ женѣ Ноевой: жено! повѣдай мнѣ, куда ходитъ Ной, мужъ твой? Она же сказала ему: крѣпокъ мой мужъ, не говоритъ мнѣ своей тайны. Дьяволъ же сказалъ ей: жено! послушай меня, есть трава по рѣкамъ, вьется по деревьямъ; имя ей хмѣль. И ты ступай, нарви травы той цвѣту, упарь и уквась ее, и тѣмъ его напой, и онъ повѣдаетъ тебѣ все, куда ходитъ и что̀ дѣлаетъ. И сошелъ Ной съ горы по обычаю, пищи ради, и сказалъ женѣ своей: жено! дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу испить. Жена же, наливъ чашу, подала ему. Ной выпилъ и похвалилъ, и сказалъ: нѣтъ ли еще? Жена дала ему еще двѣ чаши. Испивши, Ной легъ опочить; а жена начала его ласковыми словами спрашивать: куда, господине мой, ходишь и что̀ творишь? Ной и разсказалъ ей все... На утро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ

[1]) См. легенду «Пустынникъ» (№ 21) и другую лубочн. картину: «О піянствѣ сказать безъ примѣсу—отъ мастеровыхъ вдался бѣсу».

плакать. И явился ему ангелъ Господень, и сказалъ ему: не велѣлъ я тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ» [1]). Въ сборникѣ Боричевскаго (Народ. слав. разсказы, стр. 167—182) находимъ любопытный бѣлорусской разсказъ такого содержанія: жилъ-былъ бѣдной мужикъ; взялъ онъ чуть-ли не послѣднюю краюшку хлѣба и поѣхалъ на пашню. Пока онъ работалъ, пришелъ чортъ и утащилъ краюшку. Захотѣлось мужику пообѣдать; хвать—а хлѣба нѣту! «Чудное дѣло! сказалъ мужикъ; никого не видалъ, а краюшку кто-то унёсъ. А, на здоровье ему! авось съ голода не умру.» Пришелъ чортъ въ пекло и разсказалъ обо всемъ нáбольшему дьяволу. Не понравилось сатанѣ чтò мужикъ не только не ругнулъ вора, а еще сказалъ ему на здоровье! И послалъ онъ назадъ чорта: «ступай, заслужи мужикову краюшку!» Обернулся чортъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ мужику въ работники: въ сухое лѣто засѣялъ ему цѣлое болото—у другихъ крестьянъ все солнцемъ сожгло, а у этого мужика уродился чудной хлѣбъ; въ мокрое, дождливое лѣто засѣялъ по отлогимъ горамъ— у другихъ все подмокло и пропало, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда дѣвать хлѣбъ? Чортъ и принялся за работу: давай затирать да висиживать горькуху, и таки умудрился! Послѣ отъ него всѣ переняли дѣлать горькуху, и пошла она, окаянная, гулять по бѣлому свѣту!

Подобный-же разсказъ о происхожденіи хлѣбнаго вина существуетъ и между татарами нижегородской губерніи, съ такимъ дополненіемъ: приготовляя вино, чортъ подмѣшалъ туда сначала лисьей, потомъ волчьей, а наконецъ и свиной крови. Отъ того если человѣкъ немного выпьетъ—голосъ бываетъ у

[1]) Русск. Вѣстникъ 1856 г., № 13, стр. 21—23 (статья г. Буслаева). Сличи съ легендою оНоѣ Праведномъ (№ 14). См. также Очеркъ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ, Пыпина, стр. 204—5.

него гладенькой, слова масляныя, такъ лисой на тебя и смотритъ; а много выпьетъ — сдѣлается у него свирѣпой, волчій нравъ; а еще больше выпьетъ—и какъ разъ очутится въ грязи, словно боровъ.

Кромѣ того, поселяне наши отъ души вѣрятъ, что нечистой всегда подстерегаетъ пьянаго и готовъ затащить его въ болото или въ трущобу. Одному, напримѣръ, мужику случилось позднимъ вечеромъ ворочаться домой съ веселой пирушки. На встрѣчу ему незнакомой. «Здоровъ будь!»—Здравствуй! Слово за слово — «зайдемъ ко мнѣ, говоритъ встрѣчной; обогрѣемся и выпьемъ по чаркѣ, по другой.»—Отчего не выпить! Пришли. Взялся мужикъ за чарку, и только перекрестился — глядь! стоитъ по горло въ омутѣ, въ рукахъ колъ держитъ, а товарища какъ не бывало!

30. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Легенда эта распадается на двѣ части. Вторая ея половина, содержащая въ себѣ разсказъ о садовникѣ Иванѣ Шолудивомъ, есть не что иное, какъ варіантъ весьма распространенной въ народѣ сказки, героемъ которой является Незнайко. Первая-же половина носитъ чисто-легендарный характеръ, и составляетъ отдѣльное цѣлое.—Въ собраніи В. И. Даля находится апокрифическая

ПОВѢСТЬ О СЫНѢ КРЕСТНОМЪ, КАКО ГОСПОДЬ КРЕСТИЛЪ МЛАДЕНЦА УБОГАГО ЧЕЛОВѢКА [1]).

Бысть въ нѣкоторой странѣ, въ городѣ Антоурѣ: живяше нѣкій убогій человѣкъ во всякомъ убожествѣ, и по времени

[1]) Очевидно выписана изъ какого-нибудь рукописнаго сборника; но къ сожалѣнію свѣдѣній объ этой рукописи не сообщено.

жена его роди сына... Рече жена мужу своему: «поди позови воспріемника, кто-бъ крестилъ чадо наше». Онъ же поиде звати кума по всему граду своему, и никто-же къ нему не идетъ; скудости ради гнушаются. Онъ-же поиде въ домъ свой горько плакася, и встрѣте его нѣкоторый мужъ лицемъ свѣтелъ и во свѣтлыхъ ризахъ, и виде убогаго плачуща и спросиша его: «чадо! что зло плачущи? повѣждь ми; азъ печаль твою излѣчу и на радость приложу». Той-же рече ему: «како мнѣ не плакати! родися у меня сынъ, не изыщу къ себѣ—кто-бъ былъ воспріемникомъ и крестилъ его; никто не иде, и скудости моей ради гнушаются мною». Той-же пресвѣтлый мужъ рече ему: «гряди, чадо, въ церковь и вели священнику мало ждать; азъ воспріемникомъ гряду и окрещу твоего дѣтища». Убогій же поклонися ему до земли... Пріиде тотъ свѣтлый мужъ-нарѣченный кумъ, рече іерею: «отче святый! азъ хощу воспріемникомъ быть и окрестить сего младенца». Пріемъ отъ іерея благословеніе, и окрестиша младенца и даша священнику за крещеніе 4 златницы... Младенецъ той возроста и трехъ лѣтъ вопросиша родителя своего: «есть ли у меня отецъ крестный?» Мать его рече ему: «чадо! отецъ твой тако безуменъ: сотворилъ твое крещеніе, а отца твоего крестнаго въ домъ къ себѣ не позвалъ и о имени его не повѣдалъ; и мы его по сіе время не имамъ знати». Младенецъ-же, слышавъ то, зѣло бысть печаленъ. И пріиде праздникъ Воскресеніе Господа нашего; той младенецъ пріиде въ церковь и ста въ такомъ мѣстѣ, идѣ-же Спасителевъ образъ; зритъ на Господа нашего Іисуса Христа, моляся со слезами, и во умѣ своемъ помыслиша: «даждь ми, Господи! видѣти отца моего крестнаго; не съ кѣмъ мнѣ похристосоватися». Отпѣли утреню, и пріиде ко младенцу мужъ зѣло великъ и украшенъ лицемъ, аки солнце сіяюще, и надъ нимъ много свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во святыхъ ризахъ; и рече тотъ свѣтлый мужъ младенцу:

«сыне мой крестный, Христосъ воскресе!» И поцѣловалъ младенца и даша ему два яйца. Младенецъ-же отвѣща: «воистинно воскресе!» Тако-жъ мужъ вопроша младенца: «знаеши ли ты отца твоего крестнаго?» Младенецъ рече ему: «отъ рожденія своего не имамъ знати отца своего крестнаго». Рекъ ему свѣтлый изрядный мужъ: «азъ есмь отецъ твой крестный»... Младенецъ-же пріиде въ домъ свой и нача съ родителями своими христосоватися, даде имъ по яйцу; и они на тѣ два яйца смотря зѣло удивляхуся и между собою глаголаху: «таковыхъ яицъ во свѣтѣ нѣтъ». И вопроша дѣтища своего: «кто ихъ тебѣ даде?» Онъ-же рече: «отецъ мой крестный даде мнѣ».—Како тебѣ отца крестнаго знати?... Младенецъ рече имъ съ клятвою: «воистинно далъ мнѣ отецъ мой крестный». Егда младенецъ поиде къ литургіи и вниде въ церковь, и ста въ томъ-же мѣстѣ, зря на Спасителевъ образъ, со слезами и со всякимъ умиленіемъ моляшеся, глаголаше: «Господи царю, творецъ мой! даждь ми видѣти домъ отца моего крестнаго». Отпѣли литургію Божію, и виде младенецъ: церковное небо растворилось и много грядущихъ свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во златыхъ ризахъ... И предстоящему народу никому невидимо взяша его на высоту и вознесоша даже до... девятаго неба. И младенецъ ужасохся, и шестокрылати юноши рекоша ему: «чадо! не убойся, не опалимъ тя пламеніемъ; мы слуги отца твоего крестнаго». И введоша его въ палату, и узрѣ младенецъ, яко палата украшена, въ ней-же бесѣдующе ангели и архангели, поюще пѣснь, пресвятую Троицу сляваще. И введоша его во другую палату, и видѣ младенецъ, яко палата украшена лѣпотою паче первыя, въ ней-же сѣдяще пророцы и младенцы, хвалу Богу воздая. И введоша въ третью палату, и та палата украшена паче всѣхъ седмерицею и содѣяно въ ней двѣнадцать престоловъ, украшены серебромъ и златомъ, и драгимъ каменіемъ и жемчугомъ, и посредѣ единъ престолъ превыше

всѣхъ, преодѣянъ багряною червленною ризою, и передъ нимъ стояще херувимы и серафимы и множество ангеловъ, непрестанно славяща Господа и Спаса нашего Іисуса Христа. И видѣ на томъ престолѣ сидяща Господа нашего Іисуса Христа; на немъ порфира царская, въ рукѣ держитъ скипетръ, судитъ дѣла человѣческія. Возста Господь съ престола своего и рече: «поди, сыне мой крестный! то есть домъ мой, еже ты желаешь видѣти; азъ здѣ пребываю». И взя его за руку и посадилъ его на престолѣ; а самъ изволилъ изыдти въ иную палату. Младенецъ-же одѣяйся во порфиру царскую, и возложи на себя вѣнецъ, и веземъ въ руцѣ скипетръ; и нача ему ангели и архангели служити. И видѣ младенецъ все: кто на землѣ творитъ добрыя дѣла и худыя, и рай и мýку, и кто за какія дѣла мучится, и нача судить дѣла человѣческія:

1-й судъ.

Видѣ младенецъ на землѣ: нѣкоторые разбойники и грабители подкопали подъ церковь, хотяше святую церковь ограбити, и рече: повели, Господи, церкви обрушитися и подавить грабителей. И того часу церковь подавила ихъ безъ покаянія.

2-й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ морѣ плыша разбойницы, хотяще нѣкоторую обитель разбити, и рече: повели, Господи, разбойниковъ потопить, да не погубятъ святую обитель. Того часа корабль погрузишась въ море, и грабители безъ покаянія потонуша.

3-й судъ.

Той же младенецъ видѣ на землѣ: у нѣкотораго купца, богатаго человѣка, во храминѣ жена его отъ мужа своего творяше блудъ съ прелюбодѣями, и рече: повели, Господи, сей храминѣ

обрушитися и подавити прелюбодѣевъ. И того часа повалилась храмина, и съ ними много неповинныхъ безъ покаянія подавила.

4-й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ градѣ люди творятъ много блуда и неправды безъ покаянія, и рече: повели, Господи, за беззаконіе ихъ сему граду провалитися сквозь землю. И того часа бысть такъ: погибоша множество неповинныхъ безъ покаянія.

Господь-же умилосердися надъ народомъ, не хотя созданія своего безъ покаянія погубити, и внидоша во святую палату, и видѣ сына своего крестнаго сѣдяща на престолѣ: въ руцѣхъ держитъ скипетръ, на немъ порфира царская, судитъ дѣла человѣческія. Господь рече ему: «сыне крестный! немилостиво судиши. Посидѣлъ ты на моемъ престолѣ четверть часа, и погубилъ ты безъ покаянія народу на землѣ трить мы тысячъ человѣкъ; аще-бъ ты еще тако-же время посидѣлъ на моемъ мѣстѣ, и ты бы всего народу не оставилъ; всѣхъ бы погубилъ до конца безъ покаянія. Азъ, Господь, творецъ всѣмъ человѣкомъ,... не хощу смерти грѣшника и ожидаю покаянія...» И взыде Господь на престолъ свой, и пріемъ отъ крестна сына порфиру царскую и вѣнецъ и возложи на себя, и пріемъ въ руцѣ скипетръ, и сяде на престолѣ своемъ, и нача судити дѣла человѣческія. И повелѣ двумъ ангеломъ сына своего крестнаго спести съ высоты небесныя... Тогда ангели его приняша и понесоша въ домъ родителя его. Родители-же вопроша его: «гдѣ толикое время былъ еси послѣ обѣдни?» Онъ повѣдаше: «азъ былъ въ домѣ отца моего крестнаго». Они-же не поняша ему вѣры: «чадо! неправду глаголешь; како тебѣ быти у отца твоего крестнаго! и мы его не знаемъ; ты же како знаеши домъ его?» И рече имъ съ клятвою: «воистинно я былъ у него!»

Легенда оканчивается такъ: мальчикъ ради душевнаго спасенія покидаетъ родительскій домъ, удаляется въ непроходимые лѣса, и затворившись въ пещерѣ, день и ночь трудится Богу. По блаженной кончинѣ, мощи труженника были прославлены даромъ исцѣленія больныхъ, недужныхъ и скорбныхъ.

Народная нѣмецкая сказка: «Der Schneider im Himmel» имѣетъ близкую связь съ этою апокрифическою повѣстью. Портной приходитъ къ дверямъ рая и упрашиваетъ апостола Петра впустить его на небо. Сначала тотъ не соглашается; но послѣ — тронутый чувствомъ состраданія — отворяетъ для него райскія врата: портной долженъ тихо и смирно усѣсться въ уголку за дверями, такъ чтобы Господь не замѣтилъ его присутствія и не разгнѣвался. «Der Schneider gehorchte, als aber der heilige Petrus einmal zur Thüre hinaus trat, stand er auf, gieng voll Neugierde in allen Winkeln des Himmels herum und besah sich die Gelegenheit. Endlich kam er zu einem Platz, da standen viele schöne und köstliche Stühle und in der Mitte ein ganz goldener Sessel, der mit glänzenden Edelsteinen besetzt war; er war auch viel höher als die übrigen Stühle, und ein goldener Fuss-schemel stand davor. Es war aber der Sessel, auf welchem der Herr sass, wenn er daheim war, und von welchem er alles sehen konnte, was auf Erden geschah.» Портной сѣлъ на золотое кресло, взглянулъ на землю «und bemerkte eine alte hässliche Frau, die an einem Bach stand und wusch, und zwei Schleier heimlich bei Seite that. Der Schneider erzürnte sich bei diesem Anblicke so sehr, dass er den goldenen Fuss-schemel ergriff und durch den Himmel auf die Erde hinab nach der alten Diebin warf... O du Schalk, sprach der Herr, wollt ich richten wie du richtest, wie meinst du dass es dir schon längst ergangen wäre? ich hätte schon lange keine Stühle, Bänke, Sessel, ja keine Ofengabel mehr hier gehabt, sondern alles nach den Sündern hinabgeworfen. Fortan kannst du nicht mehr im Himmel bleiben, sondern musst wieder hinaus vor das Thor: da sieh zu wo du hinkommst. Hier soll niemand strafen, denn ich allein, der Herr.» (Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, ч. 1, № 35.)

Есть также легенда о крестницѣ Пресвятой Дѣвы: въ прекрасномъ сборникѣ норвежскихъ сказокъ (Norwegische Volksmärchen, gesammelt von P. Albjörnsen und Jörgen Moe, ч. 1, № 8) находимъ одну подъ заглавіемъ «Die Jungfrau Maria als Gevatterinn». У одного бѣднаго человѣка родилась дочь; долго искалъ и просилъ онъ, чтобы взялся кто-нибудь окрестить его ребенка; всѣ знали, что онъ бѣденъ, и никто не соглашался. Тогда предстала ему прекрасная жена, въ великолѣпномъ одѣяніи, и сама пожелала быть у него кумою. Она окрестила дѣвочку и взяла ее съ собою. Прошло много годовъ; дѣвочка выросла и поумнѣла. Однажды крестная мать собралася въ путь. «Ты можешь, сказала она крестницѣ, ходить по всему дому; не входи только въ эти три комнаты.» Любопытная дѣвушка нарушила приказаніе, и заглянула въ одну запретную комнату, но едва отворила она дверь, какъ вдругъ улетѣла оттуда звѣзда. Воротясь домой, крестная мать хотѣла прогнать виновную, но дѣвушка такъ горько плакала и такъ упрашивала, что она смягчилась и простила ее. Но и послѣ того не выдержала крестница испытанія, и заглянувъ во вторую запретную комнату, видѣла, какъ улетѣлъ оттуда мѣсяцъ: и на этотъ разъ ей удалось вымолить себѣ прощеніе. Наконецъ рѣшилась она отворить дверь и въ третью комнату, и только отворила, какъ улетѣло оттуда солнце. Тогда крестная сказала ей: «выбирай какое хочешь наказаніе: или будешь ты нѣмою, но за то красивѣе всѣхъ женщинъ, или сохранишь даръ слова, но сдѣлаешься самою безобразною». Дѣвушка выбрала первое. Нѣмая — она должна была покинуть свой счастливый пріютъ и искать себѣ другаго пристанища. Долго шла она тем-

нымъ лѣсомъ, и когда настала ночь—влѣзла на дерево, возлѣ котораго протекалъ источникъ; сѣла на его вѣтвяхъ и крѣпко заснула. На другое утро рано пришла за водой служанка изъ королевскаго зáмка, и только хотѣла почерпнуть — глазамъ ея представился прекрасный образъ дѣвушки, отражавшійся въ чистомъ зеркалѣ источника. Это я! подумала она, бросила ведро, воротилась домой и сказала: «я слишкомъ хороша, чтобы таскать воду!» Пошла другая служанка, и съ нею случилось тоже. Пошелъ самъ королевичъ, желая узнать — въ чемъ дѣло. Онъ увидѣлъ красавицу, взялъ ее во дворецъ и сдѣлалъ своей женою. Когда родилось у нихъ первое дитя, въ то время невидимо явилась ея крёстная: разрѣзала ребенку палецъ, вымазала родильницѣ его кровью ротъ и руки, а самаго ребенка взяла съ собою. Старая королева стала говорить своему сыну: «жена твоя вѣдьма! ты видишь—она пожрала свое собственное дитя», и настаивала, чтобъ ее немедленно предать сожженію. Но принцъ такъ сильно любилъ свою подругу, что не въ силахъ былъ разстаться съ нею, и потому простилъ ее. Тоже самое случилось и со вторымъ его ребенкомъ, и съ третьимъ. Что могла сдѣлать несчастная, обвиняемая въ смерти своихъ дѣтей? Она была нѣма, и ни одного слова не могла вымолвить въ свое оправданіе. Королевичъ приговорилъ наконецъ свою жену къ страшной казни сожженія, и вотъ повели ее на костеръ... Въ ту самую минуту явилась ей крёстная мать. «Я—Дѣва Марія, сказала она; и какъ тебѣ было тяжко лишаться своихъ дѣтей, такъ мнѣ было тяжко твое непослушаніе, когда ты выпустила звѣзду, мѣсяцъ и солнце. Но теперь ты ужь довольно наказана!» Тутъ возвратила она своей крестницѣ и даръ слова и троихъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ всѣ они жили въ радости и счастіи.

Подобные-же разсказы встрѣчаются и у другихъ народовъ: см. Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz, ч. 2, стр. 179 — 181. Между валахскими сказками (Walachische Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 2) есть одна слѣдующаго содержанія:

Жилъ бѣдной дровосѣкъ. Съ горя и нищеты думалъ онъ уже повѣситься на деревѣ, какъ явился чортъ. «Что ты хочешь дѣлать?» спросилъ нечистой. — Хочу повѣситься, отвѣчалъ бѣднякъ; я не въ силахъ болѣе таскать дрова. Чортъ обѣщалъ ему доставить много золота и серебра, если онъ обѣщаетъ уступить ему то, чтò первое встрѣтитъ его вечеромъ при возвращеніи домой. Дровосѣкъ согласился. Когда подходилъ онъ къ своей избѣ, на встрѣчу къ нему выбѣжала дѣвочка, его единственное дитя, и съ радостью сказала: «скорѣй, отецъ! посмотри, что за чудо сотворилъ Господь съ нами: подстилка, насланная для козъ, и клочки пряжи, брошенные нà-земь, — все превратилось въ чистое золото». На другой день поутру повелъ дровосѣкъ свою дочь на то самое мѣсто, гдѣ являлся ему чортъ; тамъ приказалъ ей дожидаться своего прихода и оставилъ ее одну. Дѣвочка сѣла на травѣ и прождала до вечера. Боязнь овладѣла ею, и она готова была заплакать; въ то время явилась святая Дѣва Марія и спросила: кого она ждетъ? Потомъ прибавила: «о мое дитя! твой отецъ не воротится, онъ за богатство уступилъ тебя дьяволу, который возьметъ тебя и унесетъ съ собою». Горько заплакалъ въ ужасѣ бѣдной ребенокъ. «Смотри, дочь моя! сказала Богоматерь, утѣшая дѣвочку; я начерчу около тебя кругъ, за который ты не должна выходить. Когда я удалюсь, адъ пошлетъ за тобою своихъ слугъ, но будь мужественна — они тебѣ ничего не сдѣлаютъ.» Затѣмъ Св. Дѣва начертила кругъ и исчезла. Тогда приблизились безобразные демоны, но всѣ ихъ усилія были напрасны: они не могли переступить таинственнаго круга; когда снова явилась Св. Дѣва, они ни минуты не могли вынести ея сіянія и тотчасъ-же разсѣялись въ разныя стороны. Св. Дѣва, взяла дѣвочку зà руку, привела въ чудесный садъ, среди котораго

стоялъ великолѣпный домъ, и дала ей четыре ключа. «Этими ключами, сказала она, ты можешь отворить всѣ двери и гулять по всѣмъ комнатамъ; только не входи, дитя мое! въ ту комнату, что отпирается этимъ деревяннымъ ключемъ.» Но дѣвочка нарушила заповѣдь, отворила дверь въ запретную комнату и видѣла, какъ Богоматерь исцѣляла раны своего божественнаго сына. Въ гнѣвѣ изрекла Св. Дѣва: «да разверзнется земля и да поглотитъ неблагодарную!» — Нѣтъ, сказалъ Спаситель, пусть она заплатитъ за это другимъ наказаніемъ. Св. Марія привела ее въ мрачную пещеру, строго запретила ей произносить хоть единое слово, и удалилась. Долго жила она въ этой пещерѣ. Случилось однажды — охотился вблизи королевичъ, зашелъ нечаянно въ пещеру и увидѣлъ дѣвушку. На всѣ вопросы его, она не отвѣчала ни слова; не смотря на то, пораженный ея красотою, королевичъ женился на ней. Черезъ годъ она родила ему двухъ прелестныхъ золотыхъ малютокъ. Ночью, когда и мать и няня спали, пришла Св. Дѣва и унесла одного ребенка. Когда няня проснулась и увидѣла, что дѣтская постелька пуста, она сильно испугалась королевскаго гнѣва; поймала гуся, вызолотила его, посадила на постель, и донесла, что жена королевича — злая вѣдьма, что она родное свое дитя превратила въ гуся. Король сильно разгнѣвался на свою невѣстку и пришелъ къ ней въ комнату, чтобы разузнать все дѣло; но тщетно, онъ ничего не добился отъ несчастной матери, кромѣ слезъ. На слѣдующую ночь Пречистая Дѣва взяла и другаго ребенка; проснувшись, няня сдѣлала тоже, что и прежде. Тогда король созвалъ судъ, и приказалъ судить королевну. Рѣшено было замуровать ее живою въ каменную стѣну. Приговоръ былъ исполненъ. Уже положили послѣдній камень надъ ея головою, уже отчаянье проникло въ ея измученную душу, — въ то время явилась Пречистая Дѣва, возвратила ей дѣтей, дала позволеніе говорить и надѣлила

пищею. Цѣлые три года пробыла королевна въ каменной стѣнѣ; наконецъ принцъ не могъ долѣе противиться своей любви, разрушилъ стѣну и нашелъ свою жену и дѣтей. Съ тѣхъ поръ они жили мирно и счастливо.

Пользуясь собраніемъ В. И. Даля, приводимъ оттуда русской народной разсказъ, въ которомъ тоже содержаніе передается почти съ тѣми-же подробностями и обстановкою:

Жилъ-былъ мужикъ; до того обѣднялъ, что остался у него одинъ сундукъ, и тотъ порожній. Что теперь дѣлать? держитъ онъ въ умѣ; ѣсть нечего, купить не на что! Кажись, родную-бъ дочь свою продалъ, да кому ее надобно? Только подумалъ, какъ вдругъ входитъ въ избу Пречистая Дѣва и говоритъ: «здравствуй, мужичекъ! продай мнѣ свою дочь». Что за диво! подумалъ мужикъ, еще ни слова не говорилъ, а ужь ей вѣдомо! «Отчего не продать! сказалъ онъ; купи — твоя будетъ.- Взялъ мужикъ деньги и отдалъ дочь. Пресвятая Богородица привела ее въ высокіе хоромы, и говоритъ: «оставайся здѣсь и живи съ миромъ. Если соскучишься — вотъ тебѣ ключь, отопри эту дверь и ступай гулять: тамъ тебѣ будетъ весело». Дѣвочка отворила дверь и вошла въ большой - большой садъ: какихъ только цвѣтовъ и деревьевъ въ немъ ни было! Цѣлой мѣсяцъ пробыла здѣсь дѣвочка, и все не могла насмотрѣться, не могла нагуляться. Прошло много времени, и дала ей Пречистая Дѣва другой ключь: «будетъ скучно — отопри эту дверь и полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка другую дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ птицъ, точно со всего свѣта сюда собраны. Вѣкъ бы глядѣлъ на нихъ — не наглядѣлся, вѣкъ бы слушалъ ихъ сладкое пѣніе — не наслушался. Опять прошло много времени, и даетъ ей Пречистая Дѣва третій ключь: «будетъ скучно — ступай въ эту дверь, полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка третью дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ звѣ-

рей: все звѣри ласковые да красивые; стала она играть съ ними, и на ихъ скачки, на ихъ прыжки долго не могла налюбоваться. Послѣ отдала ей Пресвятая Богородица всѣ ключи, и говоритъ: «позволяю тебѣ вездѣ ходить и все смотрѣть; только туда не ходи, гдѣ мѣдной замо́къ на двери виситъ». Вотъ дѣвочка и стала про себя думать: «что это такое — вездѣ я хожу, на все я смотрю, а тамъ не была, гдѣ мѣдной замо́къ виситъ? Дай хоть немножко загляну!» И только чуть отворила дверь, какъ ударило оттуда пламя, и она едва успѣла убѣжать въ сторону. «Гдѣ ты была, что видѣла?» стала спрашивать Пречистая Дѣва. — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, отвѣчала дѣвочка. «Если ты не признаешься, я сдѣлаю тебя и глухою, и нѣмою.» — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, повторила дѣвочка. Пречистая Дѣва сдѣлала ее глухою и нѣмою, и отвела въ густой и темной лѣсъ.

Долго ходила она по̀ лѣсу, притомилась, прiустала, и залѣзла въ дупло отдохнуть. На ту пору охотился тутъ царской сынъ; наѣхалъ онъ на дупло и увидѣлъ дѣвочку. Засмотрѣлся на ея красоту и сталъ распрашивать: кто она и какъ сюда попала. Сколько ни спрашивалъ, она ни слова ему не промолвила. Тогда царевичъ велѣлъ своимъ людямъ взять ее съ собою, и привезъ ее во дворецъ. Дѣвочка выросла и крѣпко полюбилась царевичу: захотѣлъ онъ на ней жениться, сказалъ отцу и матери; они и говорятъ ему: «любезной сынъ! мы съ тебя воли не снимаемъ; а совѣтъ нашъ такой: что за охота брать за себя нѣмую? женись-ка лучше на царевнѣ, али королевнѣ». Но царевичъ такъ неотступно упрашивалъ, что дѣлать нечего — и отецъ и мать согласились, и дали ему свое родительское на вѣки нерушимое благословенiе. У царя не пиво варить, не вино курить; веселымъ пиркомъ да за свадебку, отпраздновали и стали жить въ радости. Ровно черезъ годъ родила молодая сына; но въ ту-же ночь, какъ скоро заснули всѣ крѣпкимъ сномъ, пришла Пречистая Дѣва, разбудила жену царевича, и сказала: «я разрѣшаю твой языкъ, признайся только, что видѣла ты въ горницѣ, гдѣ виситъ мѣдной замо̀къ?» — Я ничего не видала. Тогда Пречистая Дѣва сдѣлала ее опять глухою и нѣмою, взяла ея ребенка и унесла съ собой. На утро спрашиваетъ царевичъ о сынѣ; мамки и няньки переполошились, искали-искали, думали-думали, и ничего не нашли, ничего не придумали. Царь съ царицею стали ему говорить, что жена его—злая вѣдьма, сама изгубила свое милое дѣтище, и что слѣдуетъ казнить ее. Царевичъ началъ слёзно упрашивать своихъ родителей, и они сжалились на его слезы и простили невѣстку. Черезъ годъ родила она другаго сына; почью явилась Пречистая Дѣва, и унесла съ собой и другаго ребенка. Еще черезъ годъ родился у царевича третiй сынъ, и съ нимъ случилось тоже самое. Тогда царь сильно разгнѣвался и приказалъ казнить царевичеву жену жестокою казнiю. Повели ее казнить; ужь все готово: и топоръ, и плаха! Въ то самое время явилась Пресвятая Богородица съ тремя хорошенькими мальчиками, и сказала: «признайся, что видѣла ты въ горницѣ, гдѣ виситъ мѣдной замо̀къ?» Тутъ только призналась царевичева жена, и Пресвятая Дѣва простила грѣшницу, разрѣшила ей языкъ и отдала дѣтей. Послѣ того царевичъ сталъ съ своею женою жить, да поживать, да добра наживать, а какъ умеръ его отецъ — онъ сдѣлался царемъ, и правилъ народомъ долго и милостиво.

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЪ.

Варiантъ этой легенды напечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1840 года (см. «Шесть малороссiйскихъ простона-

родныхъ балладъ» Л. Боровиковскаго — № 2, смѣсь; стр. 50 — 51):

«Славный у старыхъ пановъ былъ Ярёмка-кузнецъ: бывало, сдѣлаетъ серпъ-ли, къ дверямъ рукоятку-ль, задвижку, крючокъ-ли, завѣски-ли къ скрынѣ — ну такъ вѣдь прехитро украситъ рѣзьбой да насѣчкой, что, ей, заглядѣнье! Вотъ такъ бы сидѣлъ да глядѣлъ бы!... Ну, а кузница-то у Ярёмки: право, и хата другая не будетъ просторнѣй и краше... Подлѣ горнила, на самой на печкѣ, висѣлъ на холстѣ намалеванный чортъ, повѣшенный кверху ногами, ну да и списанный точно! Кто ни посмотритъ, узнаетъ: чортъ да и чортъ тебѣ! чорный, съ рогами, съ предлиннымъ хвостомъ, съ бородою, съ калиткою денегъ въ когтяхъ и съ людскими грѣхами. Чорта Ярёмка повыпачкалъ грязью и дегтемъ, очи проклятыя выжегъ, всего исколол, изцарапалъ. Если Ярёмка куётъ — ужь онъ такъ норовитъ, чтобы къ чорту спиной повернуться... А если и глянетъ, бывало, на чорта, то вѣрно, чтобъ плюнуть на чортову харю.» Чортъ разозлился и рѣшился отомстить. Вотъ нанялся въ кузницу новой работникъ, цыганъ, и какой работникъ! Десять противъ него не сработаютъ; Ярёмка только смотритъ да деньги считаетъ. Пріѣхалъ однажды къ Ярёмкѣ хромой атаманъ. Цыганъ предложилъ ему сковать ногу. Атаманъ согласился. «Цыганъ пригородилъ къ жаровнѣ хромую ногу; ударилъ молотомъ, спрыснулъ водою, посыпалъ пескомъ. Атаманъ лишь вышелъ изъ рукъ кузнеца — да въ присядку!... Съ этой поры къ кузнецу приносили не ломъ да желѣзо, а увѣчье, недугъ да калѣчество.» Много перековалъ цыганъ: стариковъ и старухъ въ молодыхъ, калѣкъ въ здоровыхъ, безобразныхъ въ красавцевъ. «Какъ-то работникъ-цыганъ отлучился; а баринъ Ярёмкинъ, дряхлой старикъ, приходитъ къ Ярёмкѣ съ приказомъ — перековать его въ молодцы. Недолго думалъ кузнецъ: завязалъ его въ мѣшокъ, положилъ угольковъ въ жаровню, и бросивъ въ горнило, самъ принялся раздувать. Отчаянный крикъ и стоны господскіе скоро затихли. Вынулъ Ярёмка съ огня обгорѣлыя кости... Цыганъ пропалъ безъ вѣсти! Ужь палачь и Сибирь ожидаютъ Ярёмку.» Велѣлъ онъ позвать священника съ молитвою; вотъ священникъ прочиталъ молитву, сталъ кропить святою водою и прямо попалъ въ намалеваннаго чорта. Вдругъ откуда ни взялся — пришелъ цыганъ, вызвалъ Ярёмку и сказалъ: «что хочешь надо мной дѣлай, глумись и ругайся, только не кропи святой водою! Сейчасъ приведу твоего барина». Скоро явился баринъ молодецъ-молодцомъ! Ярёмку простили, а работникъ его сгинулъ безъ вѣсти. Ярёмка снялъ чортовъ портретъ и швырнулъ въ огонь: съ той поры чортъ почернѣлъ еще хуже, и любимымъ мѣстомъ его стали кузнечныя трубы.

Смотри также легенду «Пустынникъ и дьяволъ» (№ 20, b).

Въ нѣмецкой сказкѣ «Das junggeglühte Männlein» (Kinder-und Hausmärchen, ч. 2, № 147) совсѣмъ иначе обставлено преданіе о перековкѣ дряхлыхъ стариковъ въ юношей, полныхъ силъ и здоровья; здѣсь оно связывается со Христомъ и апостолами. Однажды шелъ Господь по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ. Дѣло было къ вечеру, и они попросились ночевать къ кузнецу. Случилось, что въ тоже время пришелъ туда за милостиной бѣдной нищій, совсѣмъ-согнувшійся отъ старости и недостатка силъ. «Господи! сказалъ св. Петръ, даруй ему, чтобы онъ самъ могъ добывать свой хлѣбъ.» Господь приказалъ кузнецу развести огонь: «я желаю, говорилъ онъ, номолодить этого больнаго старика». Кузнецъ положилъ въ горнило горячихъ угольевъ, св. Петръ принялся за мѣха, и когда все было готово, взялъ Господь стараго нищаго, положилъ его въ горнило на самой жаръ и раскалилъ до-красна; послѣ того бросилъ его въ воду, далъ охладиться горячему тѣлу и благословилъ: и тотчасъ возсталъ нищій здоровымъ,

сильнымъ, молодымъ, какъ будто ему было только двадцать лѣтъ. На другой день тоже самое повторяетъ кузнецъ съ полуслѣпою, сгорбленною старухою, но его опытъ оказывается неудачнымъ.

Любопытно то цѣлебное и животворное свойство, какое въ этой легендѣ и во многихъ другихъ народныхъ сказкахъ, приписывается водѣ и огню: это повѣрье, по своему происхожденію, принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ, когда обожались стихіи и когда знахарство (лѣченіе больныхъ) входило въ область религіозныхъ священнодѣйствій. Съ принятіемъ христіанства многое изъ этихъ старинныхъ представленій—въ массѣ народа, по преимуществу живущей преданіемъ, было удержано, и сказалось въ ея поэтическихъ созданіяхъ, между тѣмъ какъ самая обстановка нерѣдко заимствовалась изъ инаго міра. Такъ было у всѣхъ народовъ, такъ было и у славянскихъ племенъ. (Сличи съ легендами, помѣщенными въ этомъ сборникѣ подъ № № 4 и 5.)

Norwegische Volksmärchen (ч. 1, № 21) передаютъ сказаніе о кузнецѣ отчасти сходно съ нѣмецкою легендою, напечатанною братьями Гриммами, отчасти съ своеобразными дополненіями:

Кузнецъ заключилъ съ чортомъ договоръ, что ровно черезъ семь лѣтъ готовъ отдаться ему, если на все это время нечистой сдѣлаетъ его первымъ мастеромъ въ кузнечномъ искусствѣ. Однажды какъ-то Христосъ и св. Петръ, странствуя по землѣ, зашли къ этому кузнецу. У него была мать-старуха: съ сгорбленною спиною, съ сморщеннымъ лицомъ, она едва ноги передвигала отъ дряхлости. Господь взялъ ее, положилъ въ горнило и началъ ковать — и старуха сдѣлалась молодою и красивою. Кузнецъ попробывалъ тоже сдѣлать, но ему вовсе не удалась хитрая работа. Раздраженный тѣмъ, что чортъ плохо ему помогаетъ, онъ вздумалъ его проучить. «Правду ли говорятъ люди, спросилъ кузнецъ нечистаго, что ты можешь на столько умалять себя, на сколько захочешь?» —Правду. «А ну, полѣзай въ этотъ кошель!»—Изволь! сказалъ чортъ, сдѣлался маленькимъ и влѣзъ въ кошель. Но едва онъ влѣзъ туда, какъ въ ту-же минуту кузнецъ затянулъ кошелекъ, завязалъ, положилъ въ горнило и давай поджаривать нечистаго. Чортъ кричать, молить пощады! Не тутъ-то было. «Я не могу тебя избавить, сказалъ кузнецъ; пословица говоритъ: куй желѣзо, пока горячо!» Бросилъ кошелекъ на наковальню и ну ударять по немъ большимъ молотомъ. Вдоволь натѣшился надъ чортомъ и выпустилъ его: чортъ выскочилъ и давай Богъ ноги! Прошло довольно времени; взялъ кузнецъ свой молотъ и пошелъ искать дороги въ адъ. Шелъ, шелъ, и добрался до перекрестка, гдѣ тропинка раздѣлялась на-двое: одинъ путь велъ на небо, другой въ пекло. Здѣсь повстрѣчался онъ съ портнымъ. «Доброй день! сказалъ кузнецъ; ты куда идешь?» — На небо; а ты куда? «Ну, братъ, мнѣ съ тобой не по дорогѣ: я иду въ пекло.» Распрощались и пошли каждой своею дорогою. Вотъ пришелъ кузнецъ къ адскимъ воротамъ. «Кто идетъ?» спрашиваетъ чортъ, поставленный на стражѣ. — Я тотъ самой кузнецъ, у котораго есть кошель и молотъ. Какъ услыхалъ это дьяволъ, сейчасъ велѣлъ запереть двери на всѣ на девять замкòвъ. «Видно, здѣсь нѣтъ для меня квартиры, подумалъ кузнецъ; пойду въ рай. «Пустился въ дорогу, и достигъ райскихъ воротъ въ то самое время, какъ св. Петръ впускалъ на небо портнаго; но попалъ ли туда кузнецъ — неизвѣстно [1]).

Въ «Москвитянинѣ» 1843 года (№ 1, стр. 132 — 140) г. П. К. передалъ со словъ одного казака народную сказку:

[1]) О странствованіи портнаго на небо см. нѣмецкую сказку въ Kinder- und Hausmärchen, № 35.

«Коваль Захарко». Чортъ позавидовалъ доброму и работящему ковалю и сталъ отзывать отъ него всѣхъ, кто только ѣхалъ къ нему съ работою. Захарко съ горя продался чорту; но съ того времени былъ столь милостивъ къ бѣднымъ и столь набоженъ, что свыше дано ему было во власть два слова: *стань* и *сядь*. Когда наступилъ срокъ и явилась за нимъ нечистая сила, онъ одному чорту сказалъ: *стань!* а другому: *сядь!* и оба они не могли уже тронуться съ мѣста. Самого сатану посадилъ онъ въ кожаный кошель и разбилъ молотомъ на наковальнѣ. (Сличи съ легендою: «Солдатъ и Смерть» — № 16, с.)

32. ВОЛКЪ.

См. Народн. русскія сказки, выпускъ IV, стр. 44—47, 155 — 158, и легенду о бѣдной вдовѣ (№ 3).

Въ сказкѣ «О Георгіи Храбромъ и о волкѣ», записанной казакомъ Луганскимъ, волкъ обращается съ своими просьбами къ этому святому. Георгій Храбрый между простолюдинами почитается покровителемъ стадъ и начальникомъ волковъ, которымъ раздаетъ приказанія: гдѣ и чѣмъ кормиться. Народныя поговорки говорятъ: «Св. Юрій коровъ запасаетъ», «Егорій да Власъ всему богатству глазъ», «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ». Существуетъ повѣрье, что волкъ ни одной твари не задавитъ безъ Божьяго дозволенія. Подъ Юрьевъ день, и осенью, и весною, въ курской губерніи ничего не работаютъ изъ шерсти, опасаясь, чтобы волки не поѣли за то овецъ [1]). Отъ одного поселянина слышали мы такой разсказъ:

[1]) Зооморф. божества у славянъ, въ Отеч. Записк. 1852 г., № 3, стр. 17—18; Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, стр. 93; Маякъ 1844 г., т. XIV.

Пасли два пастуха овечье стадо; захотѣлось одному водицы испить, и пошелъ онъ черезъ лѣсъ къ колодцу. Шелъ, шелъ, и увидѣлъ большой, вѣтвистый дубъ, а подъ нимъ вся трава скопримята и выбита. «Дай посмотрю, что тутъ дѣлается», сказалъ пастухъ и влѣзъ на самую верхушку дерева. Глядь — ѣдетъ св. Георгій, а въ слѣдъ за нимъ бѣжитъ многое множество волковъ. Остановился Георгій у самаго дуба; началъ разсылать волковъ въ разныя стороны, и наказываетъ всякому, чѣмъ и гдѣ пропитаться. Всѣхъ разослалъ; собирается ужь ѣхать: на ту пору тащится хромой волкъ и спрашиваетъ: «а мнѣ-то что-жъ?» Егорій говоритъ: «а тебѣ вонъ на дубу сидитъ!» Волкъ день ждалъ, и два ждалъ, чтобы пастухъ слѣзъ съ дерева, такъ и не дождался; отошелъ подальше и схоронился за кустъ. Пастухъ оглядѣлся, спустился съ дуба — и бѣжать! а волкъ какъ выскочитъ изъ-за куста: схватилъ его и тутъ-же съѣлъ.

33. ПѢТУХЪ И ЖОРНОВКИ.

Сличи съ началомъ сказки: «Лиса-лѣкарка» (Народн. русск. сказки, вып. IV, № 7) и съ разсказомъ, помѣщеннымъ въ Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz (ч. 2, стр. 175 — 6) о бѣднякѣ, у котораго было много дѣтей: выросъ дубъ до самаго неба; бѣдной мужикъ влѣзъ на верхушку и давай стучаться. «Посмотри, сказалъ Господь апостолу Петру, кто сюда стучится?» — Кто тамъ? спросилъ св. Петръ. —Я, бѣдной человѣкъ, у котораго много дѣтей. Апостолъ Петръ далъ ему два хлѣба. Въ другой разъ мужикъ выпросилъ себѣ булку; а въ третій разъ былъ прогнанъ палкою. — Чудесныя жорновки, которые даютъ своему хозяину сколько угодно блиновъ и пироговъ, напоминаютъ собой сказочную скатерть-

самобранку (Tuch deck dich). Норвежская сказка упоминаетъ о такой-же мельницѣ:

Въ старое время было два брата: богатой и бѣдной. Наступалъ праздникъ Рождества Христова; у бѣднаго не было ни куска мяса, ни хлѣба въ домѣ; онъ пошелъ къ брату и сталъ просить у него ради Христа. Богатой не очень обрадовался такому посѣщенію. «Сдѣлай то, что прикажу тебѣ, сказалъ онъ, и я тебѣ дамъ цѣлой окорокъ.» — Хорошо, отвѣчалъ бѣдной. Тогда богатой бросилъ ему окорокъ и сказалъ: «возьми и убирайся къ чорту!»—Я обѣщалъ, долженъ и выполнить, подумалъ бѣднякъ, взялъ окорокъ и пошелъ въ адъ. Цѣлый день шелъ онъ, и наконецъ увидалъ старика съ длинною бѣлою бородою. «Здѣсь ли дорога въ адъ?» — «Здѣсь. Только послушай: когда ты пріидешь туда, всѣ черти и большіе и малые станутъ покупать у тебя окорокъ; но ты не отдавай его за деньги, а проси въ обмѣнъ старую ручную мельницу, что̀ у дверей стоитъ.» Бѣдной послушался и получилъ мельницу. Воротясь домой, онъ поставилъ ее на столъ, и приказалъ молоть: все, что̀ только онъ ей приказывалъ, сейчасъ-же давала чудесная мельница. Узналъ о томъ богатой, пришелъ торговать мельницу, и купилъ ее за 300 талеровъ. Принесъ домой, и говоритъ женѣ: «ступай въ поле убирать сѣно, а я обѣдъ приготовлю». Жена ушла, а мужъ поставилъ мельницу на столъ и приказываетъ, чтобъ молола сельдь и молочной супъ. Начала мельница молоть сельдь и молочной супъ: наполнила всѣ чашки, чугуны, кадки; ужь и подставлять нечего, а она все мелетъ. Какъ не останавливалъ ее богатой, какъ не трудился — ничего не могъ сдѣлать; затопила она всю избу, запрудила цѣлой дворъ и потекло молоко съ сельдями въ открытое поле. Богатой бросился къ брату: возьми назадъ свою мельницу. Тотъ взялъ мельницу и еще въ придачу 300 талеровъ, и сталъ жить весело и счастливо. Заѣхалъ

къ нему однажды корабельщикъ и пожелалъ видѣть мельницу. «Можетъ ли она молоть соль?»—Можетъ. «Продай ее мнѣ.» —Купи. Сторговалъ за тысячу талеровъ, поставилъ ее на корабль, поѣхалъ въ море и заставилъ молоть соль. Тотчасъ-же посыпалась соль и наполнила цѣлое судно; сколько ни старался корабельщикъ — не могъ ее остановить: кучи соли росли выше и выше, и наконецъ потопили корабль со всѣмъ, что̀ на немъ было. Тамъ, на днѣ моря, стоитъ чудная мельница и до сего дня мелетъ соль: отъ того-то и солона морская вода.

ОГЛАВЛЕНІЕ.